

№4.2014

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал

Цитата номера

Началась будто заново жизнь с понедельника,
Захотелось всё вновь на весы положить –
Выплывают слова, словно Русь, беспредельные,
Без которых нельзя, да и незачем жить.

Михаил Зайцев

Главный редактор: Лидия Довыденко

Редакционная коллегия: Дмитрий Воронин, Виктор Геманов, Игорь Ерофеев, Николай Иванов, Александр Казинцев, Юрий Крупенич, Валентин Курбатов, Александр Николашин, Светлана Супрунова, Владимир Шемшученко, Олег Щеблыкин

Май 2014. № 4

Содержание

Слово редактора.....	4
----------------------	---

Публицистика

Николай Иванов. Крейсер Крым. Крейсер Победа.....	5
Светлана Замлелова. Как в тёмном лесу. К 360-летию воссоединения Украины с Россией	20

Поэзия

Валерий Горбань. Украинским матерям	17
Валерий Михайлов. Стихи.....	18
Виталий Фесенко. Дети войны. Стихи.....	24
Олег Сешко. Воробышек. Стихи	26
Надежда Егорова. Стихи	42
Михаил Зайцев. Благослови меня, Господь... Стихи.....	53
Сагидаш Зулкарнаева. Просто жить... Стихи.....	67
Галина Таланова. Так в доме прибранном тревожно... Стихи.....	80
Владимир Спектор. По контуру мечты. Стихи.....	92

Проза

Елена Родченкова. Дом дуры. Рассказ.....	29
Дмитрий Воронин. Рассказы.....	44
Татьяна Грибанова. Рассказы	55
Юрий Жекотов. Шуточные дуэлянты. Рассказы	69
Мария Скрыгина. Тайна спящей царевны. Рассказ.....	82

Юбилейные даты

Николай Василевский. Огни на берегу. Рассказ.....	94
А.Г. Елфимов. Обращение Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» к 180-летию создания П.П. Ершовым сказки «Конёк-Горбунок»	96

Память

Лидия Довыденко. Дорогие мои фронтовики.....	98
Ирина Булдакова. Берега. Стихотворение	104

Александр Красов. Берега. Новелла 105

Переводы

Адам Мицкевич. Крымские сонеты. Перевод Сергея Овчаренко..... 107

Молодые авторы

Елена Тулушева. Рассказы (со вступительным словом А.И. Казинцева) 110

Алексей Борычев. Стихи..... 126

Дарио Вилун. Мыслительный импульс. Философское эссе..... 129

Сергей Цей. Рассвет в 5.03. Путевые заметки..... 130

История и современность

Александр Гельбах. По воле волн... Или против? 131

Искусство и культура

Лидия Довыденко. Послание зрителю. Калининградский музыкальный театр 139

Русский мир без границ

Н.Д. Лобанов-Ростовский. Серж Лифарь. Интервью О. Карнович 148

Православие

Мария Титенич. Путь к святыни Истины 155

Критика

Вячеслав Лютый. Своеобразие русской воли и долготерпения..... 161

Наши друзья

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»..... 164

Требования к авторам..... 165

Фото на обложке: Валентины Архиповской

Слово редактора

Крым и Украина изменили мир и Россию. По выражению писателя Александра Проханова, «мы прощаемся со временем бессилия мысли», поэтому одной из главных тем журнала стало осмысление прошлого и современности российскими, крымскими, украинскими, польскими авторами: «акцент не то что сместился, а нашёл своё идеологически и человечески выдержанное место – и за русских, и за украинцев, и за татар – против фашистов!» (Николай Иванов).

Когда «лава смерти в украинском кратере // Плещется у края своего» (Валерий Горбань), «прекраснодушные национальных вопросов не решает, а только запутывает их. Мало, вооружившись красивыми словами, побрататься и присягнуть друг другу на верность. И если не заниматься национальным вопросом в своей стране, им обязательно займётся кто-нибудь другой. А дальше, откуда ни возьмись, появятся новые народы, потом для них напишется новая история, а общая когда-то родина окажется перерезанной новыми границами» (Светлана Замлелова).

Не менее важна вторая тема журнала, представленная в прозе, - простой человек в России, упадок экономической и культурной жизни: вымирающие деревни, детская беспризорность. На этот вызов времени отвечают Елена Родченкова, Дмитрий Воронин, Татьяна Грибанова, Юрий Жекотов, Елена Тулушева.

Россия всё ещё находится в поиске новой стратегии при сохранении своей идентичности в кардинально изменяющемся мире, в который чутко вслушиваются, философски постигая и находя новые смыслы, современные поэты: Михаил Зайцев с «маминим добрым словом», Галина Таланова «с мыслями о высоком», Виталий Фесенко со «светлым гимном о былом», Надежда Егорова с пронзительным пушкинским словом, Сагидаш Зулкарнаева с «вечно рождающимся словом». Валерий Михайлов ощущает незримое: «Но в мире этом есть другие битвы, // Они незримы тоже никому – // То к Богу обращённые молитвы, // Пронзающие угольную тьму», а Олегу Сешко: «нужны миры, // Вселенной завитые повороты»...

В России практически нет такой семьи, которую бы обошла стороной Великая Отечественная война. В майские дни светлого праздника Победы журнал обращается к теме памяти, выражая благодарность ветеранам-фронтовикам, испытывая гордость за великую освободительную миссию советского солдата, подчёркивая колоссальную роль нашей страны в борьбе с фашизмом.

На страницах нового номера читатель встретится с энергичным, молодым, светоносным коллективом Калининградского музыкального театра, окунётся в потрясающую историю русского балетного искусства в Париже. Мария Титенич делится Пасхальными размышлениями о божественной истине, посмотрев «Код да Винчи», а Вячеслав Лютыи останавливается на своеобразии русской воли и долготерпения.

По мере своего развития журнал «Берега», родившийся в самом западном регионе России, обретает всё новых друзей, среди которых дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь». Один из его авторов Александр Гельбах делится на страницах нашего журнала своими воспоминаниями о былом.

Редационный совет журнала с удовольствием поддерживает призыв Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» к чтению 1 июня по всей России, в ближнем и дальнем Зарубежье сказки «Конёк-Горбунок» в честь 180-летия бессмертного произведения П.П. Ершова, разделяет слова председателя фонда А.Г. Елфимова: «Нам есть чем гордиться и есть чем спастись – нашей великой культурой... Пока не разрушено наше культурно-историческое единодушие и единокровие, наше стремление друг к другу, Россия непобедима!»

Публицистика

События в Киеве, а затем в Крыму приковали к себе внимание всей России – от Сахалина до Калининграда. Чтобы разобраться в происходящих в Симферополе и Севастополе процессах, своими глазами увидеть и оценить обстановку на полуострове, поддержать крымских и севастопольских писателей в их стоянии за право наций на самоопределение, накануне референдума в Крым вылетел член редколлегии нашего журнала, сопредседатель правления Союза писателей России Николай ИВАНОВ. Главным мандатом в его поездке вместе с Александром Бобровым было письмо писателей России, которое они везли собратьям по перу.

**Писателям
Автономной Республики Крым,
города-героя Севастополя**

Дорогие друзья!

В эти трудные, судьбоносные для наших народов дни писатели России выражают свою обеспокоенность происходящими в братской Украине событиями. Сопереживаем всем людям и вместе с тем выражаем уверенность и надежду, что идеалы братства, добрососедства, справедливости, уважения к человеку не будут растоптаны теми, кто проповедует и возрождает фашизм, кто поднимает на щит пособников нацизма, кто хочет, чтобы мы отреклись от своей истории, от своей веры, своих убеждений.

Писатели России с вами, дорогие крымчане. Мы связаны друг с другом тысячелетней историей, ведь именно с Херсонеса началось христианство на Руси. Мы едины общим духовным пространством, в котором плодотворно работали А.Пушкин, А.Чехов, Л.Толстой, М.Волошин, Н.Гумилев, К.Станюкович, С.Сергеев-Ценский, А.Аверченко, А.Грин, Л.Украинка, М.Руданский, О.Вишня, классик крымско-татарской литературы Асан Сабри Айвазов и другие. В этом пространстве ныне держит высокий нравственный уровень своих произведений поколение сегодняшних писателей России и Крыма. Нас навеки породнила общей памятью Великая Отечественная, и никто никогда не забудет героев Севастополя, как не забудем мы героев Бреста, Сталинграда, Ленинграда. В год 70-летия освобождения Украины от немецко-фашистской нечисти мы здесь, чтобы продемонстрировать наше единство, дружбу и сплочённость, готовность совместно отстаивать наше будущее.

От имени Союза писателей России: писатели-фронтовики Юрий Бондарев (Герой Социалистического труда, Москва), Семён Шуртаков (Лауреат Государственной премии России, Москва), Михаил Годенко (писатель-маринист, Москва), Семён Борзунов (прозаик, публицист, Москва), Михаил Лобанов (Высшие литературные курсы Литературного института им. М.Горького, Москва);

Валерий Ганичев (Председатель правления СП России, автор книг об адмирале Ушакове, Москва), Валентин Распутин (Лауреат Государственной премии России, Иркутск), Владимир Крупин (лауреат Первой Международной Патриаршей премии, Москва), Михаил Ножкин (Лауреат Государственной премии России, Народный артист России, сопредседатель правления СП России, Москва), Николай Дроздов (телеведущий, профессор МГУ, Москва), Альберт Лиханов (Лауреат Государственной премии России, Президент Международного детского фонда, Москва), Станислав Куняев (главный редактор журнала «Наш современник», Москва), Геннадий Иванов (1-й секретарь правления Союза писателей России, Москва), Виктор Лихоносов (Лауреат Государственной премии России, Краснодар), Виктор Потанин (член Высшего творческого Совета при СП России, Курган), Лариса Баранова-Гонченко (статс-секретарь правления Союза писателей России, Москва), Николай Иванов (председатель Совета по военно-художественной литературе, Брянск), Сергей Котькало (прозаик, главный редактор сайта «Русское воскресение»), Владимир Бондаренко (литературный критик, главный редактор газеты «День

литературы», Москва), Александр Бобров (поэт, публицист, обозреватель газеты «Советская Россия», Москва), Николай Дорошенко (главный редактор газеты «Российский писатель»), Виктор Линник (Лауреат премии им. Н.Гумилева, главный редактор газеты «Слово», Москва), Николай Черкашин (писатель-маринист, Москва), Георгий Свиридов (писатель, Москва), Владимир Шигин (писатель-маринист, Москва), Борис Орлов (поэт-маринист, Санкт-Петербург), Владимир Молчанов (поэт, Белгород), Геннадий Скарлыгин (поэт, Томск), Александр Кердан (поэт, Екатеринбург), Валентина Ерофеева-Тверская (поэт, Омск), Василий Дворцов (прозаик, Новосибирск), Надежда Мирошниченко (народный поэт Республики Коми, Сыктывкар), Магомед Ахмедов (народный поэт Дагестана, Махачкала), Николай Лугинов (народный писатель Республики Саха-Якутия, Якутск), Александр Смышляев (прозаик, Камчатка), Александр Ткачук (прозаик, Владивосток), Виталий Шевцов (прозаик, Калининград), Юрий Пахомов-Носов (писатель-маринист, подводник ЧФ, Москва), Олег Дорогань (прозаик, Смоленск), Вадим Терёхин (поэт, Калуга), Михаил Орешета (прозаик, Мурманск), Игорь Янин (сопредседатель правления Союза писателей России, Москва) и многие др.

По возвращении из Крыма Николай Иванов написал заметки обо всех произошедших в связи с референдумом и вхождением в состав России Республики Крым и Севастополя событиях.

Николай ИВАНОВ

Часть 1

КРЕЙСЕР КРЫМ

1.

Есть у военных лётчиков понятие – «лечь на боевой курс». Это когда командир, получив от штурмана проложенный маршрут до цели, направляет на неё самолёт. С этого момента, как бы ни слепили прожектора противника, какой бы интенсивности ни велась стрельба по боевой машине и экипажу, командир не сворачивает с цели. Боевой курс. Заход на цель.

Таким мне представился Крым в эту поездку.

Однако крымские писатели, собравшиеся 7 марта в старейшей севастопольской Морской библиотеке имени адмирала М.П. Лазарева, внесли уточнение: самолёт дойдёт до цели лишь в том случае, если у него будет два крыла. И второе крыло для крымчан – это Россия.

Но, наверное, Севастополь не был бы городом русских моряков, если бы в ходе встречи не нашлось более точного определения: Крым сегодня – это крейсер, который после долгих лет скитаний по чужим морям и океанам, подняв Андреевский стяг, взял курс на Родину.

2.

Ждёт ли этот крейсер Россия? Готова ли принять его в свою гавань?

Казалось бы, ответ однозначен. Не случайно нам с Александром Бобровым на регистрации в Москве вдруг объявили: полететь не сможете, места в салоне закончились.

- Но ведь у нас билеты куплены!

- Дело в том, что билетов продали больше, чем мест в самолёте.

- ???

- Очень большой спрос на это направление.

Мы, несмотря ни на что, улетели, и лишь в самолёте увидели тех, кто «съел» наши места – ансамбль Надежды Бабкиной, который нельзя было разорвать. За недолгую командировку мы смогли увидеть только в Севастополе депутатов от «Единой России» и КПРФ, певицу Надежду Крыгину и артиста Аристарха Ливанова, нос к носу столкнулись с нашим другом, писателем, бардом Леонидом Шумским, представителем Общественной палаты РФ Дмитрием Галочкиным.

Россия, словно чайк, посылала навстречу крейсеру гонцов: берег уже рядом, вас там не забыли и ждут. Но как корабль не может развить скорость выше заложенного в его двигатели, так

и Крым обязан пройти оставшиеся мили самостоятельно, встретить определённое количество рассветов и закатов, прежде чем будет иметь юридические основания причалить к пристани.

Киев и Европа бились на том этапе не столько против отсоединения Крыма, - вопрос с этим был предрешен, ибо сил и единой позиции по противодействию подобного развития событий у них не было, - сколько против референдума как такового. Потому что боялись увидеть цифры процентного отторжения людей от политики пренебрежения, двойных стандартов по отношению к русскоязычному населению. И в этой борьбе на амбразуру первыми бросили представителей от крымско-татарского населения.

- Вы должны понять: у нас есть свои ваххабиты, - пояснил один из татар, совместно с кубанскими казаками патрулировавший Севастополь в ночное время. – Думаете, мы все костями ложимся за противостояние с Россией, к которому призывают некоторые наши татарские политики? Лучше бы они делились с нами теми средствами, которые получали все эти годы в виде спонсорской помощи. Когда делили меж собой деньги, народ не замечали. Сейчас, когда потребовалось, они взывают к нам. Поезд ушёл.

В Феодосийском районе татары круглосуточно охраняли мечети, кладбища, опасаясь провокаций. В то же время на некоторых крымских дорогах были выставлены группы татарских женщин с жёлто-голубыми шарами, выражающими протест (мужчин?) против отделения от Украины. Разделение мнений в татарской среде происходит в основном по линии сорокалетних: кто старше, те не прощают депортации, кто моложе – прекрасно понимают выгоды от воссоединения с Россией, начиная от социальных гарантий, пенсий родителям и цен на бензин. Велик ли протестный процент? Можно сделать подсчёт: крымско-татарского населения на полуострове 12%. Но процент «подрос» ко дню выборов, и не потому, что прибыло сторонников «Майдана», а потому что чуть уменьшился слой желавших голосовать «за». Что бы ни говорилось о спокойствии на полуострове, но некоторые жители вывезли своих детей на период неопределённости в Россию. Понять людей можно: исчезнувшее в тысячах экземпляров оружие где-то когда-то выстрелит.

Нет сомнения, что руководство России понимает, какую ответственность взяло на себя в связи с референдумом. Полуостров, скажем так, не совсем благополучен в области инфраструктуры, ЖКХ, и во всё это придётся вкладывать деньги. Крымчане тоже должны понимать, что и в России не всегда денежно, что у нас есть свои «медвежьи» уголки, где ждут финансовой помощи. Но при этом Россия гарантирует Крыму главное: крымчане будут сидеть с нами за одним столом. В одной комнате. У них отныне не будет приступочек, приставных столиков в углу, в закутке. Никто не цыкнет, не посчитает людьми второго сорта. У нас будет одна атмосфера. Мы будем жить одной семьёй. Это всё то, чего были лишены на полуострове последние 20 лет.

3.

Украинские телеканалы в последние несколько дней перед референдумом вспомнили Крым в сотни тысяч раз больше, чем за всю историю независимости. А она характеризовалась если не геноцидом, то угнетением – это несомненно. Однако, несмотря на психологическое и административное давление со стороны украинской (ныне есть более точное определение – майдановской) власти, делали всё, чтобы не рассыпаться поодиночке. До глубины души потряс случай в Российской общине Севастополя. К её председателю, Телятниковой Раисе Фёдоровне, как к последней инстанции, однажды пришёл старик, которого буквально вышвыривали на улицу из его собственного дома. От волнения, называя имя Раисы Фёдоровны, он произнёс:

- Россия Фёдоровна, помогите!

Воистину: у нашего Отечества тысячи, миллионы отчеств, но имя и впрямь одно. Оно и прозвучало в символической оговорке: Россия – помоги!

Я брал с собой огромное количество стихотворений, посвящённых Крыму. Поэты России буквально взорвались своими посвящениями полуострову. Но среди этого множества первым я всё же держал «Выбор» Валентины Ефимовской из Санкт-Петербурга. Дочь морского офицера-севастопольца, она написала свой стих давным-давно:

Когда входили в бухту крейсера,

Когда отец легко взбегал по трапу,
Моё взмывало детское «Ура!»,
Цепляя коршуна за бронзовую лапу
На обелиске в честь погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиением флага
«Вальс севастопольский» я пела всех слышней,
Я подпевала морякам «Варяга»...
От мамы знала, помнящей войну, -
Нам никогда не подпоёт Европа...
Царю тому на верность присягну,
Кто возвратит России Севастополь!

Валентине Ефимовской, всем нам, кто разделяет её ожидания, придётся присягать не какому-то конкретному царю, а народу Крыма – 16 березня (марта) референдум определил, дал шифр-код к отмычке, которая позволяет вернуться полуострову в состав России. Не знаю, по какой случайности, но окончательные результаты референдума мы узнали утром 17 марта. А вспомним этот день в истории. 23 года назад, в 1991 году, жители тогда ещё единого Советского Союза проголосовали на референдуме за единый Союз. Тогда политики растоптали желание народа. И вот бумеранг возвращается через 23 года. И есть все основания увидеть обратное: сама история начнёт исправление наших ошибок без войны и революций.

4.

Про революцию телеканалы Украины говорят ещё больше, чем про Крым. На ТВ запущен круглосуточный телемарафон «Единая страна» (вспомнили!), эфир начинается с провозглашения дат: «Сегодня 90 дней нашей революции и 9 дней российской оккупации». Практически не произносится слово «Россия» - только определения «агрессор», «захватчик», «враг», «оккупант». Серп и молот ассоциируются исключительно со «смертью» и «голодом». Выползающего из карты России трёхглавого змея мощно душит запорожский казак. Майдан – сплошь белый и пушистый: ни одного кадра о том, как сжигали живьём милиционеров и захватывали здания...

Истерия журналистов запредельная. Военным гостям в студии задают один и тот же вопрос: когда же, наконец, вы вышвырнете в море захватчиков, казачков и титушек? Один из отставников с горькой усмешкой переспросил: кем вышвыривать, если украинской армии как таковой сегодня нет? Есть отдельные части разной степени готовности и укомплектованности.

Потухший взгляд ведущего вдруг неожиданно снова загорелся, он нашёл ответ: значит, виноват Путин! Именно он поддерживал Януковича, который ничего не сделал для обороноспособности страны.

В Севастополе с улыбкой рассказывают случай с блокировкой одного из катеров украинских ВМС. Когда отряды самообороны предложили им покинуть корвет, украинские моряки вдруг закричали:

- Русские не сдаются!

Сработало глубинное, что ещё объединит нас, пусть и через какое-то время. Важно наговорить как можно меньше уничижительного по отношению друг к другу, жить-то нам всё равно вместе и рядом, на Луну никто не улетит от нежелательного соседства.

Но я бы очень хотел, чтобы эйфория от референдума не затмила боевую настороженность крымчан. На курсах экстремальной журналистики «Бастион», где приходится обучать журналистов, убывающих в «горячие точки», прошу об одном: чаще всего в плен попадают в самый последний момент командировки. Когда уже кажется, что всё позади, когда идёт расслабление от выполненной работы, тут и поджидает подлость. В виде провокации или плена.

Киев до последнего момента, до момента закрепления его в составе Российской Федерации (а может, и после) будет идти на любые провокации. Любимый метод «революционеров» - «поджог рейхстага». То есть осквернение мусульманских святынь. Политическое убийство. Теракт. Провокация на границе, на море. С обустройством границы возможность широкомасштабных действий, когда боевики ехали автобусами, прекратится. Но вспомним, как от

бессилия, но желания всё же гавкнуть, действовали перед референдумом «майдановцы»: по станицам, деревням, городам ходили люди, представлялись работниками избиркома и просили посмотреть для сверки паспорта. Едва получив их, рвали в клочья. «Выбивали» электорат. Остаются в достаточном количестве в Крыму и военные точки, где поднят украинский флаг. Может, было бы меньше, но офицерами в русскоязычные области направлялись, как правило, командиры из Украины Западной, они и сдерживают подчинённых от перехода на сторону народа.

Перед Олимпиадой В.В. Путин, говоря о её безопасности, определил для силовых структур: для вас Новый год наступит в конце марта, после церемония закрытия Олимпийской деревни. Для руководителей Крыма, всех жителей это должно тоже войти в сознание: окончательное «ура» можно будет прокричать, когда официально будет объявлено о принятии полуострова в состав России. Порой важнее еды является послевкусие...

5.

У меня послевкусие на событие иного рода. Из далёкой Афганской войны одним из самых сильных впечатлений осталось, например, напряжение аэродрома, по которому хозяевами ходят люди в форме. Более всего о вхождении в Афган «шурави» (советских) кричали тогда американцы – вплоть до организации бойкота Олимпиады-80. Мы ушли, и хочется спросить: где сейчас американцы? Они в Афгане.

Потом в гражданских аэропортах появились военные в Киргизии, потом в Приднестровье, потом в Грозном, Югославии. Давайте оторвём голову от новостей сегодняшнего дня и вдруг увидим, как подступали «военные» аэродромы всё ближе и ближе к России. И всё проясняет простой анализ конфликтов: за последнее десятилетие США около 20 раз стояли во главе всевозможных «цветных» революций, причём голову себе по поводу сценариев не ломали, наверняка с презрением глядя на «подопытных»: сначала готовится внутри страны «пятая» колонна, потом готовятся и (или) засылаются боевики-провокаторы, потом митинги, провокации, стрельба по своим, сметённые неугодные режимы и... И дальше – в другую страну. Где оказывают сопротивление – уничтожить руководителя государства, да ещё изощрённым способом, чтобы другим неповадно было. Остальных – на судебную скамью в Гаагу.

Россию в новейшей истории попытались прощупать во время грузино-осетинского конфликта. Но тогда она, вроде бы уже лёгшая под Америку и Запад своими бесчисленными либеральными советниками, огрызнулась. И защитила русских. Это был шок для Запада и первый сигнал: отныне вам, ребята, придётся жить в одном мире с сильной и самостоятельной Россией.

Сегодня противник зашёл с самой сердцевины – с Украины. И вновь было напряжение: как отреагирует Россия на защиту своих граждан? Если промолчит в очередной раз, как промолчала с Югославией, Сербией, Ливией, то русский мир можно будет давить до конца, рассеивать, унижать дальше. Крокодилы по одному пальчику не кусают, они отхватывают сразу руку. Не прояви Путин неожиданную твёрдость – так бы и случилось. Запад завопил потому, что практически перестал встречать любое сопротивление своей воле и играм. А тут такая публичная пощёчина. Уверен, они ещё не знают, как себя до конца вести. Неожиданно выступил на стороне России Китай, призвав не Россию, а именно США к сдержанности в ситуации с Украиной. Китай прекрасно понимает, что следующей территорией по апробированию всевозможных недовольств и революций после России станет именно он.

Но поскольку нас в первую очередь волнуют соотечественники за рубежом, можно представить, какое глумление бы началось над нашими собратьями по крови, вере и языку в тех же республиках Средней Азии, Прибалтики, в других «цивилизованных» уголках Европы. Защищая Крым, мы защищали и их.

И ещё один аспект «крымского березня». Прокатившиеся по стране митинги в поддержку крымчан вынуждают руководство страны быть государственным и думать о людях. О защите собственных интересов. Проводить собственную внешнюю политику. Собственно, вся объединившаяся вокруг президента политическая элита России помогала В.В. Путину принимать уверенные решения.

6.

Я в последние дни много думал о львовском «Беркуте». У меня не выходила из памяти картинка: толпа выводит на сцену на колени своих братьев, солдат. И заставляет каяться. И первым встал на колени командир.

Знаю другой случай, когда наш, русский офицер поставил свой полк на колено, когда на их позиции вышла мать, искавшая в горах Чечни пропавшего сына. И сам первым склонил колено и голову перед солдатской матерью.

Я не могу до конца представить, какой нравственный ориентир выберет страна, край, область, которые ставят на колени своих сыновей. То, что униженные бойцы будут мстить и никогда не простят своего позора, – это даже не обсуждается. При этом и бандеровцы, фашиствующий «Правый сектор» – они вышли тоже из тех регионов Западной Украины. Что за клоака, что за чёрная дыра, порождающая там ненависть к людям? Почему я, будучи курсантом Львовского училища, в середине семидесятых ещё (или уже) охранял с автоматом в руках советские памятники, потому что на Львовщине их обливали керосином и поджигали? Почему в это время мои друзья по Суворовскому училищу, поступившие в Севастопольское военно-морское училище, радовались и восторгались городом? Почему именно Крым стал антиподом Львову?

Определённый ответ я нашёл, мне кажется, во время нынешней поездки к крымским и севастопольским писателям. И он лежит на поверхности, как ни странно. В Крыму – более 60 членов Союза писателей России. Севастополь, Ялта, Керчь, Феодосия буквально пропитаны духом творчества. Огромное количество литературных студий, литературных альманахов и сборников. Каждая уважающая себя библиотека считает своим долгом вести литературные или музыкальные вечера. В благословенные места, воспетые Пушкиным, Чеховым, Толстым, Волошиным, Аверченко, Лесей Украинкой и десятками писателей и поэтов, где творил чудеса своей кистью Айвазовский, сочинял музыку Абаза, тянулась культура, воспевающая твёрдость духа, мужество, человеческое достоинство. Во Львов же тащились бандеровские недобитки. А кто у кого на коленях сидит в детстве, с того и берёт пример. Остаётся только пожалеть «западенцев», как они себя сами называют. Никто им этот путь развития не навязывал, сами избрали. Вот и остаётся только гордиться Бандерой да Шухевичем. И это при том, что Львов – красивейший город, в который любил приезжать тот же Адам Мицкевич. Время вроде отсеивает сумасшедших, но там, похоже, это сумасшествие пестуют, иначе бы не стали лишать того же всемирно известного Юрия Башмета почётных званий Львовской консерватории. Жалко. Убогих и сирых – тоже жалко...

Только должны украинцы знать: мы, защищая русских, не боремся с украинцами. Мы боремся против фашистов, проявившихся на Украине...

7.

Наша поездка в Крым явилась следствием дружеских контактов, которые все эти годы Союз писателей поддерживал с теми, кто работал с русским словом, писал на русском языке. Повторюсь, что Крымская организация, возглавляемая неутомимым подвижником русской литературы Татьяной Ворониной, состоит из шестидесяти членов Союза писателей России. Сама она редактирует «Литературную газету + Курьер культуры: Крым - Севастополь». Отделения СП России созданы в Феодосии (Союз русских писателей Восточного Крыма) под руководством Натальи Ищенко. Там же, в Феодосии, работает Литературное объединение «Киммерия». В Евпатории активно Литературное объединение имени Сельвинского, регулярно проводится литературный фестиваль, так называемый «Поэтический трамвайчик». В самом Севастополе, кроме отделения СП России, регулярно проводит свои заседания Литобъединение имени Алексея Озерова. Не затухала никогда творческая жизнь в Балаклаве, в самом Симферополе, не говоря уж о Ялте. Писателей Вячеслава Килесу, Евгения Никифорова, Людмилу Непорент, Наталью Ищенко, Анатолия Масалова, Валентину Фролову, Виталия Фесенко, Валерия Мирохина, Сергея Овчаренко, исторического писателя Валерия Воронина, легендарного писателя-фронтовика, участника обороны Севастополя Николая Тарасенко знают во всех уголках полуострова. Альманахи «Литературная Феодосия», «Севастополь» и другие – настольные книги в библиотеках Крыма. Именно поэтому Союз писателей России наградил большую группу крымских писателей Почётными грамотами.

После встреч, на которых прозвучали и поэтические строки, и пожелания в адрес Союза писателей России сделать более тесными контакты с российскими регионами, писатели вышли к одному из символов Севастополя – памятнику Затопленным кораблям. Именно здесь решено было развернуть копию Знамени Победы, которое 22 июня 2011 года, в день 70-летнего начала войны, писатель-фронтовик Михаил Годенко передал писателям России с наказом не сдавать духовных вершин. В год 70-летия освобождения Крыма и всей Украины от немецко-фашистских захватчиков было достойно и справедливо поднять это Знамя именно в Севастополе, чтобы показать поднимающим голову неофашистам: город русской славы не позволит манипулировать собой, отнимать победу над врагом. Затем это же Знамя было поднято над другими символами города-героя – Братском кладбище, где под молитвой и крестом отца Георгия покоится прах героев первой обороны Севастополя, где имеются целые аллеи «лейтенантов» - погибших в Великую Отечественную войну выпускников военных училищ, насмерть ставших именно на этом, кладбищенском рубеже, и не отдавших прах предков на поругание фашистам. Здесь же захоронены герои подводной лодки «Курск». И, конечно же, это Знамя не могло не взмыться на легендарной Сапун-горе...

Мы пригласили крымских писателей активно участвовать во всех Всероссийских литературных конкурсах – Рубцовском, Есенинском, Фетовском, Тютчевском, «Сталинград», «Прохоровское поле» и других. А в стопке стихов о Крыме мне вспомнилась строфа из Игоря Тюленева о нашем совместном будущем:

Я этим летом въеду в Крым
Верхом. Как бородатый сотник?
Нет! Въеду как стихов работник
Вслед за светилом золотым.

8.

Перед отъездом из Севастополя, несмотря на сильный туман, мы с президентом севастопольского «Морского собрания» Владимиром Стефановским выехали на мыс Фиолент, на котором его стараниями установлен удивительнейший памятный знак великому русскому поэту А.С. Пушкину. И там, у барельефа поэта, руководитель Крымского отделения Союза писателей России Татьяна Воронина вдруг призналась в сокровенном:

- Для писателя вхождение Крыма в состав России - это великое счастье писать без оглядок и объяснений на своём родном языке. Отныне и ум, и душа, и сердце, и слово будут жить едино в нашем севастопольском русском мире. Вы даже не можете представить, насколько грубо, настойчиво и больно в нас это пытались во время «жёлтого» времени разорвать.

Татьяна Андреевна права: Отечество – это не только территория, границы, герб, флаг, гимн – это ещё и судьбы людей. И тем знаменательнее показалось признание Владимира Владимировича Стефановского:

- А знаете, какая у меня есть мечта? Поставить на Графской пристани памятник «Севастопольскому вальсу»...

А я, глядя в туманную дымку с пушкинского мыса, вновь подумал про город моей юности – милый Львов, где планируют возвести новый памятник Бандере. Какая же разница в отношении к жизни у людей двух городов. И не составило труда представить кружащие на набережной влюблённые севастопольские пары и стоящий на коленях львовский «Беркут»...

Часть 2

КРЕЙСЕР ПОБЕДА

1.

На верхней палубе Крейсера КРЫМ, к вечеру 16 марта причалившего к родному русскому миру, в парадном строю выстроился весь экипаж. В шеренге не только подавляющий процент личного состава, проголосовавшего за возвращение к родным берегам, но и не принявшие этого выбора. Только ведь корабль - он один на всех, и кому-то придётся, оставаясь даже при своём мнении, подчиниться законам большинства. Как сработает здесь демократия?

Первая настроенность: крайне агрессивным бывает именно меньшинство. Собственно, именно с активности озлобленного меньшинства начался Майдан в Киеве. И уступки власти, размазня власти, её нерешительность в вопросе защиты людей (большинства) привели в итоге к крови. К горящей в центре Европы красивейшей столице. К свержению хоть и тряпчатой, но законной власти.

Агрессивность меньшинства пыталась проявиться, заявить о себе накануне референдума и в Москве. Когда одни распаивали объятия для встречи крымчан, вторые до хрипоты кричали «Долой». Естественно, Путина. Естественно, Крым в составе России.

Если отбросить демагогию о демократии, хотелось бы спросить участников этого митинга и их поддерживающих: вы знаете о бойне в Киеве? О погромах в Юго-Восточной Украине? Марширующие молодчики с нацистскими повязками и лозунгами – вам они родные братья? Или всё же те, дома которых обклеивают пометками «Здесь живёт москаль» и угрозами вплоть до физического уничтожения (не говоря о том, что отбирается бизнес, имущество, деньги)? Вы верите, что тысячи стволов, растащенных по всей стране, никогда не выстрелят (и в вас тоже)? Вы продолжаете верить в благородство тех, кто сжигал «беркутовцев»? И как посмотрите теперь в глаза 95 процентам населения полуострова, пожелавшим воссоединения с Россией? Они что для вас, отстой?

И главное - почему вы ратуете за независимость Украины как раз в то время, когда новые киевские креслодержатели, ломая шапки, склоняясь в поклонах, стёрли ноги до колен, бегая по Западу и Америке в поисках денег и поддержки? Или вы не понимаете, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и любой цент помощи – это два шага назад как раз от независимости, о которой столько кричится на митингах?

Всё вы понимаете. Но собственный пиар дороже. Есть по этому поводу присказка: «Он готов выколоть себе глаз только ради того, чтобы у тёщи был кривой зять». Наши либеральные шавки ныне гавкают и выкальвают себе глаз (не себе, конечно, а народу, от имени которого они якобы вещают) ради одного - лишь бы было плохо России. Путину, сумевшему сказать «нет» их Западу-кормильцу. И делают это ЗА СЧЁТ Украины, своей поддержкой фашистского Майдана подталкивая братскую (нам, не им!) страну к полной потере независимости. По крайней мере, на все те годы, когда она будет пытаться выбраться из кабалы, из процентов, из обязательств, которые от них потребуют за услугу.

Так что не за Украину они ратуют. Уже был советником у отвергнутого народом Ющенко г-н Немцов. Ныне опять с поднятым кулаком в первых рядах «За Майдан!» Наверное, что-то сломалось и в «Машине времени», если сменил музыку на поддержку политики убийств, изгнание русского языка из страны с 80-процентным общением на нём, г-н Макаревич. Собственное мнение? Ради Бога, если не хватает масштаба заглянуть за горизонт, проанализировать весь спектр зачистки русского мира, всю логическую цепочку, направленную в конечном итоге на Россию. Но зачем, господа нехорошие, пиариться за счёт братьев-украинцев? Оказывать им медвежью услугу? Хочется поддержать украинский народ - продай гитару, купи бублик и отдай БЕСПЛАТНО жажущим. Но не подталкивай их за сыром в мышеловку.

2.

Будем помнить ещё одну деталь: для парада на крейсере всё же никогда не выстраивается весь экипаж. Есть на кораблях трюмные – те чернорабочие, от которых и зависел ход корабля, его

навигация, его курс, маневренность. Не напороться на рифы, не сесть на мель, не погнуть рули, преодолеть жесточайший шторм, поднявший волны выше мачт, - это обеспечивали именно они, незаметные герои.

Первыми невидимками на полуострове стали «зелёные человечки», так называемые «вежливые люди». О них говорят кто с иронией, кто с уважением. Появились эти инопланетяне в момент, когда Майдан захватил власть в Киеве и направил свой взор на юго-восток страны. Не на запад – там было всё нормально, там сносились памятники, приковывались к батареям главы обладминистраций, растаскивалось оружие и ставились на колени правоохранители. Ломать хребет требовалось русскоязычному региону.

А там и появились вдруг «зелёные человечки» – люди в камуфлированной форме без опознавательных знаков. Кто? Откуда? Чьи? Человечки на эти конкретные вопросы не отвечали, но были крайне вежливы и обходительны в других ситуациях, за что и получили второе прозвище. Майдан закричал о вторжении российских войск, на кадрах украинских ТВ шла нарезка передвижений войск (хорошо, что хоть не зимние кадры, но ведь летнюю и осеннюю листву тоже не спрячешь). Люди же усматривали среди «человечков» ребят из «Беркута» - не тех, естественно, которые стали на колени во Львове. В какой-то момент милиционеры напомнили мне рижских омонцев, которых латвийская полиция с попустительства ельцинской команды (г-н Немцов как раз из неё) в начале девяностых отлавливала по всей России и бросала в латвийские застенки. Иногда мелькали нашивки каких-то охранных агентств, повязки членов самообороны.

Так вот, появившись в первые дни конфликта на полуострове, они демонстративно показали свою силу, своё присутствие и... исчезли. Их незримое присутствие предполагалось, оно давало жителям полуострова уверенность. Но выходили «инопланетяне», словно Ночной дозор, только в сумерки и брали под контроль мирные города, сёла, дороги, объекты жизнеобеспечения. И как смешно было наблюдать западных журналистов, носящихся по Севастополю в поисках этих вооружённых людей с желанием показать картинку на потребу своим хозяевам: референдум проходит под дулами автоматов. Понять их можно (простить нельзя): вся независимая пресса США объединена в пять корпораций, которыми руководят не журналисты, а бывшие чиновники из заинтересованных ведомств. И лицензий независимых, свободных лишают мгновенно, не улови они движение бровей хозяина. Это так, к проблемам свободы слова, о которой столь рьяно ратует наша «пятая» колонна.

Руководство Крыма во главе с Сергеем Аксёновым и Сергеем Константиновым, городская власть Севастополя оказались мудрее, проявили удивительную политическую зрелость, убрав из городов, с глаз посторонних вооружённых людей. И ровно поэтому и я в своём первом материале из Севастополя даже не стал касаться военной составляющей ситуации в Крыму. Уверенность, причём несокрушимую, бескомпромиссную, выражали сами руководители полуострова и города-героя. Народ, помня растерянного и нерешительного Януковича, на этот раз верил: эти мужики не только не предадут, но и знают, что делать.

Они и впрямь знали. И шли до конца. Я считаю, именно им скажут через месяцы, через годы и украинцы, и россияне спасибо за то, что они отдали приказ блокировать воинские части на территории Крыма. Это был, возможно, единственный способ предотвратить кровопролитие. «Зелёные человечки» заблокировали не просто ворота – они зажали в кулак саму возможность проявить ненужное геройство каким бы то ни было воякам. Всем стоять на местах! Никаких геройств и невинных жертв за счёт народа! Оружие в землю! Хотите служить Крыму – ждём у КПП. Офицерские звания, классную квалификацию оставляем, какой она у вас была, образование подтверждаем. Более того, открываем вновь Севастопольское высшее военно-морское училище имени Нахимова и президентский кадетский корпус.

Не хотите служить – вот вам выходное пособие (всё до копейки, между прочим), и счастливой дороги домой. Но оружие не должно стрелять.

Оно и не выстрелило. И это была великая моральная, политическая, стратегическая победа Крыма по сравнению с Майданом.

Но где и каким образом выстрелят стволы, захваченные с воинских складов боевиками Майдана – а счёт идет на тысячи и тысячи? Это большей частью станет проблемой самой украинской правоохранительной системы, и уже в самое ближайшее время. Прозвучавшие

просьбы назначенных толпой киевских министров сдать похищенные автоматы и боеприпасы смешны, им не стоит обольщаться по поводу исполнительности вкусивших крови головорезов. Но должны знать и помнить и мы: гуляющее по «чёрному» рынку оружие представляет, вне всякого сомнения, угрозу и Крыму, и России. Особенно в приграничной полосе (Брянск, Курск, Орёл, Белгород, Воронеж, Ростов), где практически нет пограничного обустройства и защиты от вторжений провокаторов. Собственно, в Симферополе уже оно выстрелило, «поделив» погибших и раненых поровну – как со стороны украинских военных, так и отряда самообороны. Но Майдана, как в Киеве, всё равно не получилось.

3.

Есть ещё один аспект, о котором неудобно вроде говорить, но это теперь уже факт истории, а в ней важно правильно расставить все акценты.

Бескровная победа Крыма стала возможной во многом благодаря тому, что основной удар майдановской ненависти приняли на себя Харьков, Донецк, Луганск, другие города Юго-Востока. Непрерывающиеся митинги в этих областных центрах расплыли антирусские силы, «Правый сектор», саму власть, пришедшую в кабинеты на «коктейлях Молотова» и снайперских выстрелах в спины собственных активистов. Юго-Восток и Восток стали поясом Богородицы, поясом безопасности для Крыма и его референдума. Именно жители этих областей начали останавливать и разворачивать назад танки и другую военную технику, которую власти Киева посылают к Крыму и границе с Россией. И я думаю, Крым не забудет этого жертвенного стояния и ещё скажет спасибо своим соседям.

Он же послужит и ярчайшим вдохновляющим примером, как надо отстаивать своё человеческое достоинство, как надо идти до конца со своим народом, для тех, кто готов отстаивать право говорить на родном языке, не признавать Бандеру главным героем Второй мировой войны, кто просто уважает собственное человеческое достоинство, а не хватающего за галстук прокуроров Сашко Билого.

Крым – страшный сон яценюков, тягнибоков, кличко, порошенок и иже с ними, потому что как бы ни развивалась история страны дальше, на них и только на них будет лежать клеймо политиков, утративших часть государственной территории. Совершенно не беспокоюсь за их судьбу, но заигравшемуся на Майдане поколению новых украинских политиков будет предьявлен своими согражданами счёт ещё при их жизни.

4.

Европа вынужденно приняла сам факт референдума как неизбежность недели за полторы до 16 березня. Об этом говорит то, что все встречи, консультации, выработка решений стали намечаться на 17-е число, на двадцатые числа, на конец месяца. Будем откровенны: если бы могли помешать, если бы была сила и, главное, единство среди политиков, хоть какой-то процент на успех – сорвали бы голосование, не оглядываясь ни на какие нормы права и человеческую мораль. В конечном итоге надавили бы на Россию с требованием отказаться от взбунтовавшегося экипажа и, как было не раз в начале девяностых, не «заметить» просящих помощи и защиты.

Значит, считаются с Россией. Значит, она уже не девочка-двоечница для таскания за косы, из каких бы G8 её местечково-мстительно не исключали. Это пусть и косвенное, но реальное подтверждение возросшей мощи и самостоятельности России. Будем откровенны и в другом - окровавленный Киев сплотил Россию больше, чем все «Народные фронты», «Единые России» и прочие партии и движения. И если поначалу риторика митингов в поддержку Крыма немного настораживала – защитить русских в Крыму, то потом акцент не то что сместился, а нашёл своё идеологически и человечески выдержанное место – и за русских, и за украинцев, и за татар – против фашистов! И пусть Илларионов, Немцов, Пономарёв, Макаревич вещают на западные каналы о попрании свободы слова в России, писк спрятавшейся во время грозы под веником мыши никогда не перекроет грома с небес. Они просто надеются, что мы не понимаем, почему они вышли в субботу на митинг - Запад не любит своих молчащих подопечных. Вечно вторые, жаждущие власти, но не допрыгнувшие в своё время до высоких должностей, по сути – второсортные, все эти либеральные тусовщики будут отныне доказывать свою значимость кому

угодно, только не собственному народу. Так в своё время Горбачёв стал и «лучшим немцем», и «другом Америки», но никто никогда не назвал его лучшим русским в родной стране.

Приятно удивили в крымской ситуации многие наши СМИ. Редчайший случай, но сегодня они поддержали и выразили мнение именно большинства населения страны. И не язвили, не показывали фигу в кармане, и уважение, вера к телеэкрану стали проявляться по всей стране. Находились, конечно, и «свободолюбивые», в первую очередь интернет-ресурсы, которые оказались настолько правильными, что один из них начал, например, выхватывать писателей, подписавших письмо к Федеральному Собранию и В.В. Путину в поддержку его решений о событиях в Украине, и выставлять поодиночке в регионах. Говорю не голословно, прислали друзья ссылку на довольно-таки раскрученный сайт, а там: «Среди подписантов – наш брянский писатель Николай Иванов!» И фото, и адрес, где родился. Такой маленький гнусный доносик. Анекдот есть: «Тимуровцы были настолько смелыми ребятами, что даже во время фашистской оккупации прибывали на дома советских командиров красные звёздочки».

Но для нас, для страны главное, чтобы власть, Кремль, Белый дом (наш, не американский) продолжили оставаться государственниками. Чтобы извлекли уроки с улиц Киева. Чтобы проверили всех государственных мужей от Камчатки до Калининграда – насколько они уязвимы, как оказались уязвимы перед Западом практически все в команде Януковича? В спецслужбах учат: «Человека надо брать за самое уязвимое место. За его кошелек».

Где кошельки наших олигархов-министров? Где учатся, лечатся их дети? Где их недвижимость? Где счета? В какой момент сработает закон спецслужб против России? И делать вид, что игра уже сыграна, что Запад смирился с пощёчиной, не стоит. Будут какие-то виды санкций, ограничений, но уровень уязвимости от них и должны нейтрализовать профессионалы, не боящиеся «засветок» на Западе. А главное, Запад тоже неоднороден, и его якобы повсеместная ненависть к России сильно преувеличена. Иначе бы не взлетел рейтинг Путина во всём мире на небывалую высоту. Иначе бы социологи не давали огромные цифры тех, кто против приёма Украины в ЕС. А что до России... У неё в гербе у орла, слава богу, две головы. Можем посмотреть и в обратную сторону. Китай в ситуации с Крымом практически полностью поддержал Россию.

В этой связи хочется привести практически полностью письмо Председателя Главного правления Общества польско-российской дружбы Болеслава Тейковского. Потому что это тоже документ времени, разбивающий миф о единстве европейцев, и на него историки тоже, вне всякого сомнения, будут опираться в своих исследованиях ситуации в Украине.

Итак. «Варшава. 15 февраля 2014 года.

Украина сдержала экспансию Европейского Союза и НАТО на восток. Общество польско-российской дружбы солидарно с позицией большинства поляков, осуждающих вмешательство польских властей во внутренние дела Украины, отвергшей интеграцию с Европейским Союзом.

Отказ от ЕС является правомочным и справедливым решением демократически избранной власти суверенной Украины... Против этого законного и выгодного для Украины решения выступили, попирая принципы международного сосуществования, власти США и ЕС, а особенно власти посленацистской Германии и зависимой от неё Польши.

Власти этих государств, опираясь на западно-украинскую неонацистскую партию «Свобода», продолжающую немецко-нацистскую идеологию ОУН-УПА, а также при помощи собственной агентуры разожгли в Киеве за десятки миллионов евро антиправительственные манифестации. По замыслу вдохновителей, они должны были привести к смене украинской власти на власть, угодную ЕС, а также к включению Украины в Евросоюз и НАТО. Таким хитрым способом Запад стремится захватить Украину, получить её огромные богатства, противопоставить её России и разместить на украинско-российской границе американские и германские военные базы НАТО...

Участие польских властей за миллионы евро в разжигании антиправительственных манифестаций в Киеве достойно особого осуждения. Это вмешательство пропагандирует западно-украинских неонацистов, виновных в геноциде поляков, русских, украинцев и евреев. Вмешательство это вредит Украине, дестабилизируя её государство и украинскую экономику, а также дезинтегрируя украинское общество, которое целенаправленно толкают на грань войны. Вмешательство это вредит польско-российским отношениям, вписываясь в планы США и ЕС

окружить Россию военными базами НАТО. Это вмешательство на Украине стоит Польше многих денег, которые должны быть направлены на исправление ухудшающегося материального положения всех поляков.

Мы призываем власти Польши перестать вмешиваться во внутренние дела Украины и тратить на эту позорную цель миллионы евро, перестать вредить Украине и противопоставлять её братской России, позаботиться о добрых польско-российских отношениях, которые создают для Польши самые выгодные условия развития.

Деньги, направленные на незаконное террористическое вмешательство во внутренние дела Украины, следует немедленно направить на исправление катастрофической ситуации поляков – бездомных, безработных и низкооплачиваемых; поляков голодающих, недоедающих и гнездящихся в тесных квартирах; поляков больных и не получающих нужного лечения; поляков, которым грозит потеря работы и жилья, а также вынужденных эмигрировать.

За неисполнение этих обязанностей правящим в Польше властям будет предъявлен суровый счёт, особенно миллионами обиженных и страдающих поляков». Ни больше ни меньше!

5.

Сегодня Крым – центр мира. Это ось земли. Внимание всех мировых политиков приковано к этому гордому и смелому крейсеру.

Но завтра – и это благо! – новости из Крыма начнут уходить с первых полос газет и информационных лент. Мы должны спокойно реагировать на любые известия о санкциях и просто знать: в каждом новом дне в мире будут случаться новые события, которые наложатся на крымский вопрос и отодвинут его на второй, третий планы. И это хорошо. Процветающим край становится вдали от политики и революций.

Нам сегодня важнее не наговорить в пылу обид чего-то уничижительного по отношению к братскому украинскому народу. Нам жить вместе и рядом, на Луну никто от нежелательного соседства не улетит. Мириться будем, ходить в гости друг к другу все равно начнём. И чем меньше обид и оскорблений будет нанесено сегодня, тем быстрее настанет момент, когда мы сядем вместе на берегу Днепра или Десны, да споём наши общие песни...

Поэзия

Валерий Горбань

Член Союза писателей России. Родился, вырос и большую часть жизни прожил на Крайнем Севере, в основном – в Магаданской области. Участник первой чеченской кампании, награжден орденом Мужества и ведомственными медалями. Выпускник Академии управления МВД России. Полковник милиции в отставке. Журналист, на счету которого сотни социальных и публицистических материалов. Автор трех книг, а также соавтор семи сборников художественных и документальных произведений. Сборник «Чеченский шрам» получил широкую известность. В 2005 году вышел роман «...И будем живы» о событиях первой чеченской кампании 1995—1996 годов, в 2006 году переиздан в серии «Неизвестная война». Лауреат Международного конкурса им. А. Платонова, лауреат еженедельника «Литературная Россия», удостоен диплома и поощрительной премии МВД России за лучшее произведение в области литературы.

Украинским матерям

Ну, а вы куда глядите, матери?!
Расскажите: ждёте вы чего?
Лава смерти в украинском кратере
Плещется у края своего.

Мужики звереют от политики,
Кто их остановит, кроме вас?
Сыновей убитых не хотите ли
Вы увидеть в предрассветный час?

Гроб из цинка качества отличного -
От войны для матери привет...
И, поверьте, станет безразлично вам,
Кто за референдум, а кто нет.

Бесполезно, словно глупым курицам,
По квартирам горестно квохтать,
Выходите, матери, на улицы,
Не давайте сыновьям стрелять!

Уясните горестную истину,
Хоть и тяжело это воспринять:
Сын ЧУЖОЙ в ЧУЖУЮ маму выстрелит.
Лишь свою не станет убивать.

С двух сторон, коль крови не хотите вы,
Выходите, чтоб спасти детей.
Поглядим, что сделают политики
Против материнских «патрулей»!

Скоро ночь, и, может быть, смешаются
Утром кровь и капельки росы...
Выходите все, кто не решается!
Счет идет буквально на часы!

Поэзия

Валерий Михайлов

Валерий Федорович Михайлов родился в Караганде. Автор более двадцати книг поэзии и прозы, изданных в Казахстане, России и других странах. Среди них сборники стихов «Весть», «Золотая дремота», «Русский хаос», «Пыльца», «Тысячелетие другое»; документальная повесть «Великий джут» («Хроника великого джута»), изданная, кроме Казахстана, в России, Германии, Великобритании; книга «Лермонтов», вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» в серии «Жизнь замечательных людей». Стихотворения В. Михайлова включены в ряд антологий, среди которых «Русская поэзия. XXI век», «Молитвы русских поэтов», «Современное русское зарубежье» и другие. Секретарь правления Союза писателей Казахстана, секретарь Союза писателей России. Главный редактор литературного журнала «Простор». Живёт в Алма-Ате.

***

Словно Божьими мыслями млечными
Поутру ты туманами устлана,
Утешающими, утишающими
Твою душу неисповедимую
В сонных долах, лесах и лугах.

Вот над этим покровом задумчивым
Голова одинокая кажется,
Будто странник без брэнного тулова,
Отрешённый от века, в безмолвии
По-над белой рекою плывёт.

Умолкают слова неразумные,
Отлетают дела суетливые,
Думки беглые, копошливые,
Вся сумятица, бестолковица...
Нарастает судьбой тишина.

И взлетает десница над млечностью,
Будто чайка из пенного кружева,
И перстами ко лбу прикасается,
В исполнение крестного знаменья,
И уходит опять в глубину.

И молитва неслышно расходится,
Как белёсый туман расплетается
По излогам, избокам, извилинам,
Тает в воздухе долгою тайною –
И пустыня земли восстаёт.

***

Как во поле, в чистом поле
Неприметный бугорок,
Позарос он трын-травую,
Как лазоревый цветок.

Серым дождиком помытый,
Павшим с неба, как любовь,
Там лежит кирпич побитый,
Что обугленная кровь.

Не сюда ли ненароком
Птицы любят прилетать
И в раздумии глубоком,
Что незримо – созерцать.

Как вода в святом колодце,
Время вечное стоит -
А во поле храм на солнце
Древним золотом блестит.

Чистым дождиком омытый,
Павший с неба, как любовь,
Он теперь кирпич побитый,
Что обугленная кровь.

Но над сивой трын-травую,
Там, где был святой алтарь,
С преклонённой головою
Ангел служит, как и встарь.

Контур неземного света -
Не сложил свои крыла,
Часовой Господня Лета –
Льётся ввысь его хвала.

И, застывши на мгновенье,
Позабыв свой смутный век,
Чует вдруг благоговенье
Тут прохожий человек.

***

Вот Ангел, свивающий небо в дымящийся свиток,
 Земля, обнажённая пред ослепительной бездной,
 Черней слепота этой бездны, чем чёрные дыры,
 Куда провалилось пространство, где времени нет.
 Последний земной человек, что ты зришь напоследок?
 Как с небом свиваются в темь непроглядную звёзды?
 Как чёрным потоком встаёт непомерная стужа?..
 Как Ангел уносится к Свету с твоею душой?..

Слово

I
 Когда жрецы заклатья в миг единый
 Творят по уговору приговор,
 Сутулятся их лазерные спины,
 И раскалённым углем пышет взор.

Со всех концов Земли, презрев пределы,
 Как преисподней молнии черны,
 Срываются проклатья злые стрелы
 Со скоростью разящей насмерть тьмы.

И жертва перед ними вся наружу
 И ни в одну не спрячется нору –
 И стрелы тьмы её пронзают душу,
 В ней оставляя чёрную дыру.

И сатана, чей взгляд почище яда,
 Приговорённого уже когтит,
 И жертва падает – и ветер ада
 В пронзённом сердце чернотой свистит.

Так чёрным словом общим убивают
 Жрецы заклатья своего врага
 В потёмках непроглядных, где сверкают
 Лишь месяца алмазные рога.

II
 Но в мире этом есть другие битвы,
 Они незримы тоже никому –
 То к Богу обращённые молитвы,
 Пронзающие угольную тьму.

Со скоростью живительного света
 С последнею надеждою земной
 Они летят, летят лучами где-то
 И милости взыскуют неземной

Душе заблудшей, падшей, одинокой
 (А разве есть иные на земле?),
 И просят о прощении у Бога
 Всем нам, давно томящимся во зле.

И, может быть, пропащую ту душу,
 Что закогтил князь преисподней тьмы,
 Они спасут от вечной чёрной стужи
 Да из посмертной вызволят тюрьмы.

И ты, и ты замолви хоть словечко!..
 Пусть в памяти затеплятся живой
 Одна за здравие простая свечка,
 Вторая – не вдали – за упокой.

Публицистика

Светлана Замлелова

Светлана Замлелова родилась в Алма-Ате. Окончила РГГУ (Москва). Прозаик, публицист, критик, переводчик. Член Союза писателей России и Союза журналистов России. Кандидат философских наук.

КАК В ТЁМНОМ ЛЕСУ...

*«А сколько своевольникам ни крутиться,
кроме великого Государя деться им негде».
Д. Многогрешный.*

Итак, дожили. Ровно 360 лет назад свершилось то, что ныне принято называть «воссоединением Украины с Россией». Дата, можно сказать, редкая по своей актуальности и вопиющая не просто к освещению, но к осмыслению и даже разоблачению. Разоблачению той огромной уродливой лжи, что гуляет сегодня по Украине в качестве официально признанной истории страны. Это для нас очевидно, что «история Украины» а-ля М. Грушевский или А. Чигирин – есть сказка для детей младшего школьного возраста. А на Украине под эту сказку выросло целое поколение, разубедить которое в том, например, что «*на стикові II і I тис. до н. э. (VIII – IX тис. українського національного літочислення) слов'яни Східної Європи спонтанно-добровільно перейменували себе українцями*» будет не так уж просто.

Нам же сегодня, по случаю праздника, предстоит, если и не разобраться в украинско-российской путанице, то, во всяком случае, сделать к тому попытку.

Исследователь феномена украинского сепаратизма Н.И. Ульянов утверждал: «*Кто не понял хищной природы казачества, кто смешивает его с беглым крестьянством, тот никогда не поймёт ни происхождения украинского сепаратизма, ни смысла события ему предшествовавшего в середине XVII в.*» Под событием разумеется ни что иное, как установление в Малороссии гетманской власти или захват Украины казаками. Происхождение же казачества историк связывал со степью – печенегами, половцами, татарами, с которыми сливались беглые крестьяне и прочий люд, искавший воли. Постепенно вся эта орда, усваивавшая нравы и обычаи друг друга, перестала внешне напоминать степняков. Но сложившаяся культура с культурой южно-русской общего имела немного. Казачество, таким образом, стало не просто кастой, но, скорее, мировоззрением. И только поняв, что малороссийский народ и казачество – отнюдь не одно и то же, можно подходить к истории Украины с надеждой на верное истолкование. Помня об украинской неоднородности, можно понять и то, что разворачивается на Украине сегодня. По сей день там существуют и действуют две силы – центробежная (казачество) и центростремительная (народ малороссийский). При этом вновь усилившееся и активизировавшееся казачество активно вербует малороссиян в свои ряды. Но вернёмся к истории...

С конца XII в. Русь разделилась. Северо-восточная и юго-западная её части зажили каждая своей жизнью. К концу XVI в. юго-западные русские земли оказались под властью Польши. Православный малороссийский народ зачастую в самом буквальном смысле становился собственностью католической шляхты. И если бесправные и теснимые католиками горожане в любой миг могли остаться без работы и куска хлеба, то крестьяне, захваченные вместе с землёй, и вовсе оказывались в панской юрисдикции. Так что пан с полным основанием имел право выносить хлопам смертный приговор. Нечего и говорить, что кроме ненависти православный народ малороссийский ничего не испытывал к шляхте.

Но помимо крестьян и мещан, как мы уже установили, на Украине существовало казачество. Явление в высшей степени романтизированное и мифологизированное. Отчасти

благодаря Н.В. Гоголю, отчасти – историкам, причём самых разнообразных направлений. Казаков принято изображать борцами за идеалы. По одной версии, они только и думают, как бы поскорее воссоединиться с единоверцами и присягнуть московскому царю. По другой – борются как раз таки против московского царя за независимость «Казацкой державы». Но есть и третья точка зрения на роль и сущность казачества.

И В.О. Ключевский, и Н.И. Ульянов, и целый ряд других историков пишут о казачестве, как о силе дикой, стихийной, наклонной, прежде всего, к анархии. Ни о какой организованности в их рядах не было и речи. Выбранного гетмана, в случае несогласия, могли убить. Предательство или измена – вообще составляли казацкий стиль жизни. До печально известного гетмана Мазепы, Москву, например, предавали и гетманы Хмельницкие, и Выговские, и Брюховецкий, и Дорошенко. Благодаря этим гетманским изменам, мнение о малороссах как о предателях распространилось так далеко, что даже заезжих торговцев-хохлов в приграничных с Украиной городах русские называли не иначе как «изменники». Что, к слову сказать, не приветствовали в Москве. Как, впрочем, и любые другие обиды по отношению к малороссам. При Петре I даже запрещалось попрекать малороссиян именем Мазепы.

«Казакование, – пишет Н.И. Ульянов, – было особым методом добывания средств к жизни». И метод этот известен – насилие, грабёж, разбой. Причём грабили не только басурман, но и своих же мещан, и православных соседей-москалей. Не брезговали казаки и продажей единоверцев в рабство магометанам. Вот почему представлять казачество борцами за веру как-то несколько опрометчиво.

В XVI-XVII вв. нравственный мир человека Восточной Европы, по утверждению В.О. Ключевского, основывался на двух китах – Отечестве и Отечественном Боге. Но условия и стиль жизни казачества оказывались таковы, что казак не знал ни Отечества, ни веры. Кочевая жизнь, завязанная исключительно на грабительских походах, постоянное противостояние с властью, национальная пестрота Сечи – как здесь разобраться, где Отечество, где родная вера? То, что казаки жгли и грабили русские храмы – факт бесспорный, свидетельствующий, что ни о каких нежных чувствах казака к православной вере не может быть и речи.

Н.В. Гоголь – великий писатель. Но созданный им Тарас Бульба ничуть не более реалистичен, чем Вий. И уж если принять на веру, что действительные запорожцы только и делали, что сражались за «русское братство-товариство», то стоит, пожалуй, согласиться, что «в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, все ведьмы».

Казаки шли в услужение к тому, кто мог заплатить: к немцам против турок, к русским против поляков, к шведам против русских. В самом конце XVI в. казаки уже присягали на подданство московскому Государю, но вскоре, видимо, о том забыли.

Брестская уния 1596 г. поспособствовала появлению на Украине православной оппозиции, ударной силой которой стало казачество. Но опять же: можно говорить, что идея борьбы за что-то хорошее оправдывает грабёж и разорение пана-католика. Но не нужно торопиться с утверждением, что в казацких головах выросло национально-религиозное чувство. И что это чувство подвигнуло вчерашних кочевников и грабителей на борьбу за веру и Отечество.

Стоит, кстати, лишний раз отметить, что ни о каких украинцах, якобы прародителей человечества, никто в ту пору не знал. И народ малороссийский, и казаки – к ужасу современной украинской историографии – называли себя русскими. «Единовластным самодержцем русским» величал себя и Богдан Хмельницкий после того, как, одержав несколько побед над панами, оказался хозяином практически всей Малороссии. Ставший во главе казацкого восстания 1648 г., гетман отнюдь не был сознательным и целеустремлённым борцом за русское единство. Разогнав панов, он и сам испугался того, что сделал и не очень-то представлял, что следует делать дальше. С Речью Посполитой разрывать он не собирался. Но малороссийский народ, как пишет Н.И. Ульянов, не желал ни о чём слышать, кроме присоединения к Москве. В самой же Москве с воссоединением не торопились, отвечая на призывы Хмельницкого весьма уклончиво. Ведь воссоединение сулило и множество хлопот, и неприятные объяснения с поляками. К тому же памяты были и казаки, посетившие Москву в составе «делегации» Сапеги и Лисовского.

Ни о каком таком «русском единстве» Хмельницкий не помышлял. Ему нужна была помощь московского царя в наступлении на Польшу. Но помощь не шла. И тогда гетман даже стал

грозить Москве разорением, пообещав привести крымских татар, а не то и замирился против царя с ляхами. В отличие от казаков, православный народ Украины уповал на московского царя как на освободителя от польско-католического гнёта, как на защитника веры и Церкви. Можно утверждать, что оседлые, живущие своим трудом малороссыяне вполне осознанно искали единства с соседями-единоверцами, видя в том для себя залог нормальной, спокойной жизни.

Между тем в казацкой среде шли волнения. Сами восстания казаков XVII в. связаны с наступлением польских правителей на вольницу. Был учреждён реестр, куда вписывалось ограниченное число казаков, получавших от правительства жалование. Не вошедшим в реестр предписывалось вернуться в панскую неволю, что, конечно же, не могло понравиться вкусившим сечевой жизни. Нереестровые, или низовые, казаки отправлялись не к пану, а в Запорожье, откуда и поднимали восстания. Таким образом, к середине XVII в. на Украине не просто умножилось количество недовольных произволом шляхты, но и в самом казачестве произошёл раскол – появилось привилегированное сословие и голода.

Это роковое и неодолимое противоречие стало причиной многих бед малороссийских вплоть до сего дня. Разделение на богатых и бедных, сильных и слабых существует везде. Но только в Малороссии это разделение возникло в среде, принципиально не предполагающей неравенства. И именно поэтому неравенство здесь воспринималось острее и враждебнее, чем где бы то ни было. Но все эти малороссийские хитросплетения оказались для Москвы малоинтересными и совершенно непонятными. В.О. Ключевский весьма остроумно отмечает, что *«московское правительство, присоединив Малороссию, увидело себя в тамошних отношениях, как в тёмном лесу»*.

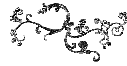
Конечно, воссоединение последовало не в ответ на угрозы Хмельницкого. Кроме того, решив, наконец, согласиться на предложение гетмана, в Москве ещё долго держали в секрете своё решение, объявив о нём только летом 1653 г. Затем ещё взяли полгода для роздыха и лишь в январе 1654 г. приняли казацкую присягу. Н.И. Ульянов настаивает, что искать московского подданства вынудили Хмельницкого постоянные изменения своих же казаков и тяготение народа к Москве. И вот, 8 января 1654 г. в Переяславе собрались казаки, духовенство, мещане и крестьяне. Площадь, прилегающие улицы и даже крыши домов были заполнены народом. И когда гетман представил собравшимся четырёх соседей Украины – Польшу, Турцию, Крым и Россию – в ответ ему понеслось: «Волим под царя московского православного!» Так совершилось воссоединение России с Украиной.

Радость, однако, была недолгой. Присягнув «царю московскому православному», казаки принялись упражняться в изменах и наветах. Так что вторая половина XVII столетия прошла на Украине под антимосковскими воззваниями. Поколения малороссов вырастали с убеждением, что Москва – это тёмное царство. Памфлеты, посвящённые России и производимые, главным образом, в Польше, распространялись в Малороссии с завидным тщанием. И только чудом, по мнению Н.И. Ульянова, можно объяснить, что *«малороссийский народ в массе своей не сделался русофобом»*.

Воссоединившись с Россией, казаки, видимо, не умея иначе, принялись метаться между всеми своими соседями, по очереди им присягая и по очереди же их предавая. А Москва, по воссоединении с братьями и единоверцами, натолкнулась на целый частокол внешнеполитических конфликтов. И если бы не религиозный трепет царя Алексея Михайловича, не желавшего оставлять православных христиан Украины во власти турок или еретиков-католиков, от новоиспечённых подданных Москва, по всей вероятности, отказалась бы. Любопытно, что за последние четыреста лет немного изменилось в нравах малороссийского казачества. Снова казачья каста преследует свои, корыстные и хищнические, интересы. Снова предаются все возможные идеалы – и народные, и национальные, и религиозные. Снова в ход идут измышления и подделки, ложь и клевета. Но самое неприятное – снова, как и во времена хмельнитчины – казачество не имеет ни внятной идеологии, ни чётко обозначенных целей, ни ясной программы на ближайшее будущее, теряясь в раздумьях, кому бы присягнуть и от кого бы отворотиться. И снова малороссийский народ оказался в заложниках у людей буйных, но равнодушных ко всему, кроме кошелька и булавы.

Воссоединение русского народа в XVII в. явило простую, но неочевидную на первый взгляд истину: прекраснодушие национальных вопросов не решает, а только запутывает их. Мало,

вооружившись красивыми словами, побрататься и присягнуть друг другу на верность. И если не заниматься национальным вопросом в своей стране, им обязательно займётся кто-нибудь другой. А дальше, откуда ни возьмись, появятся новые народы, потом для них напишется новая история, а общая когда-то родина окажется перерезанной новыми границами. Так в своё время появились украинцы. Так, при очередном небрежении, могут появиться «поволжцы», «черноземцы» и кто знает, какие ещё «великие» народы с «великой» историей.

Поэзия

Виталий Фесенко

Виталий Фесенко - поэт, прозаик, публицист. Член НСПУ, СПР, лауреат Международного творческого конкурса писателей и журналистов «Вечная память!», лауреат городской литературной премии им. Л.Н. Толстого, Форума «Общественное признание». Автор четырёх книг стихов и прозы. Живет в Севастополе

Дети войны

Геннадью Черкашину

Я рос на севастопольских развалках,
Среди железа рваного я рос
И с упоением копался в страшных свалках,
Кинзы вдыхая запах, а не роз.
На изувеченной земле, как наваженье,
Как павших крик – живым предупрежденье,
Вскипали кровью маки среди руин,
Оберегая нас от бомб и мин,
Таились что в земле и ждали в нетерпенье,
Наполнив рыжей смертью сталь и медь,
Когда придёт их время прогреметь.
И эти взрывы страшные гремели,
А наши матери седели.
И хоть давно закончилась война,
Но ненасытностью своей она страшна;
И дело рук её коварных палачей –
Те сотни тысяч искалеченных детей.

Копались мы в окопах и траншеях,
Нам «штабом» был сожжённый бомбой склад,
И тяжестью войны висел на тонкой шее
Трофейный воронённый автомат.
Конечно, не стреляли наши «пушки»,
(В затворе мне отец спилил боёк),
Но это были страшные игрушки,
Хотя в них был и мужества урок.
И каждый день мы шли в атаку строим,
Не пригибаясь, на фашистский ДОТ –
«За Родину! За Сталина! Вперёд!» –
Другого не было тогда вождя-героя,
Которому бы верил так народ.
Мы брали высоту за высоту,
А враг не смог ни разу нас убить:
Мы верили, что вечно будем жить,
И упивались взрослою игрою.

Но иногда вдруг раздавался взрыв:
Война сводила с выжившими счёты,
И смерть кого-то выбивала из игры,
Но продолжали мы «сапёрные» работы.
Нас привлекали пулемёты и снаряды –
Всё, что могло взрываться и стрелять,
И детский ум никак не мог понять:
Ну почему гранаты брать не надо?..
Я собирал и разряжал патроны,
Взрыватели с усердьем ковырял,
А этого «добра» вокруг ржавели тонны,
И всё-таки рванул в моих руках металл.
Стоял мальчишка взрывом оглушённый,
Дрожа от страха, бледный и немой,
А матери взметнулись обречённо,
Гадая на бегу: «Неужто это мой?..»
Но я не ведал, что тогда творил;
Хоть был я любопытен и беспечен,
Но не был, как другие, искалечен,
Конечно, это Бог меня хранил.

Земля была засеяна смертями,
Мы подрывались летом и зимой,
Но солнце согревало нас лучами,
Ласкало море пенными волнами,
А звёзды ночью потрясали красотой.
Так мы росли среди руин на пепелище,
Пропахшем порохом, металлом и огнём,
Хоть город был похож на мёртвое кострище,
Горды мы были тем, что в нём живём.
И с этих детских лет, голодных, но прекрасных,
На выжженной земле, искромсанной войной,
Я Родину обрёл, и не напрасно
Меня влечёт неодолимо, властно
Наш Севастополь – город мой родной.

Вечер на рейде*Валерию Шевелёву*

Чем старше мы,
 тем чаще и смелее
 ныряем в прошлого
 манящие глубины,
 И проступают
 всё реальной,
 всё вернее
 Из детства невозвратного
 картины.
 Пенаты наши —
 Примбуль и Хрусталка,
 Здесь, босоноги,
 загорев до черноты,
 «Козлом» у памятника
 прыгали со скалки,
 В воде играли бесконечно в салки,
 Доныриваясь
 аж до тошноты.
 Мы плавали к сетям
 у равелина,
 Мечтали о морях
 и парусах,
 А бухта древняя,
 с упрямством властелина
 В закатный час
 мерцая, как у Грина,
 И в дальних странствиях
 нам грезилась
 во снах.
 Её лагуна вскрыта
 золотом сусальным,
 В ней отражались облака,
 сгоревшие вдали,
 А тишину зари
 взрывал звон хрустальный,
 То, как бокалы,
 «били склянки» корабли.
 Закат, размазанный по горизонту
 ветровеем,
 Расплавленной палитрою горя,
 Насыпал в бухту

розоватый цвет кипрея
 И красным золотом
 чуть тронул тополя...
 В незамутнённый мир,
 мир призрачный,
 прощальный
 Перенеслись из детства
 грёзы и мечты,
 Оставив в памяти
 скалистый мыс Хрустальный
 И памятник с орлом,
 растущий из воды.
 А в плотном воздухе мечты,
 как чайки, рея,
 Среди Зурбаганов гриновских паря,
 Остались с нами навсегда
 Ассоли, Грей,
 Как романтического детства
 якоря.
 И хоть звучит ещё
 мотив почти прощальный
 О детстве,
 из которого пришли,
 Но время,
 словно шар
 магический, астральный,
 Сжигает прожитые
 годы-корабли.
 И, как свидетели,
 как прошлого трофеи,
 То ржавчиной,
 то патиной пестря,
 Молчат немые
 равелинов батарей,
 А на Приморском обсыхают якоря.
 И если прозвучит
 вдруг вечером на рейде
 Мотив,
 которым с детства дорожим,
 Он в сердце отзывается
 острее,
 Ведь это
 нашему былому
 светлый гимн.

Поэзия

Олег Сешко

Олег Витальевич Сешко родился в 1969 году в городе Ленинграде. Победитель V Международного поэтического конкурса «Родник поэзии есть красота», посвящённого Дню славянской письменности и культуры (2012, Казахстан). Лауреат международных поэтических фестивалей: «Интерреальность. Ностальгия по настоящему» (Киев, 2013), «На Лебединой горе» (2013, Хельсинки), «Звезда Рождества» в номинации «Поэзия для детей» (2014, Запорожье). Бронзовый лауреат первой частной белорусской литературной премии «Под знаком трёх» (Полоцк, октябрь 2012), финалист национальной литературной премии «Поэт года» на сайте «Стихи.ру». Член белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь», председатель Витебского отделения Союза, организатор и руководитель международного литературного интернет-сообщества «Вдохновение» на mail.ru

Воробышек

Не был я в этом городе, кто бы меня позвал,
Мне не вручал на холоде звёздочки генерал.
И самогон из горлышка, верите, я не пил,
Прыгал тогда воробышком, не напрягая сил.
Клювом царапал зёрнышки - бурые угольки,
Чёрными были пёрышки, красными ручейки.
Падали с неба отруби, липкий солёный снег,
Мёртвыми были голуби, ломаным - человек.
Раны не кровоточили, а источали боль,
Страх накануне ночи и... ночь, переправа, бой.
В небе стонали ангелы, нимбы летели в ад,
Если бы память набело, слёзы бы или мат.
Слёзы метели выпили... «Маленький, расскажи,
Плаха, верёвка, дыба ли, что она, наша жизнь? -
Бросил мне хлеба корочку, - Хочешь, не отвечай...»
Молча достал махорочку, сел, раскурил печаль.
Вкусная корка, твёрдая... Думал всё время так:
Голуби – только мёртвые, пепел и полумрак,
Зёрнышки - только жжёные, красные ручейки,
Люди, себя лишённые, холмики у реки!

Нет же, я не был... не был я, знаю, что это сон,
В памяти корка хлебная, курит и смотрит он,
Глаз голубые стёклышки с горяшком без любви...
Бьются в окно воробышки, глупые воробы...

Чуть-чуть

Чуть-чуть, и затрезвонят голоса.
Сесть рядом, с краешку, поправить одеяло.
Хотите, час поставлю на начало,
Чтоб вы ещё поспали полчаса?
Спасёте заколдованных принцесс,
Закончите волшебные прогулки,
А я вам чай подам со свежей булкой
И спрошу о качестве чудес.
Как там сейчас? Вы знаете пути,
Мне очень нужно, я давно там не был.
Под одеялом раньше, помню - небо,
В которое свободно мог войти.
Потом летел, летел, летел... летал.
Неслась над морем ласковая дрёма,
Мир пряником катился невесомым,
Раскачивался времени кристалл,
Взрывался музыкой, сплетением огней,
Луна и звёзды падали на плечи,
Сгорали радуги под небом, словно свечи,
Душа звучала ярче и сильнее,
Земля дрожала, трескалась, но вдруг
Стихало всё, как будто по указке,
Сверкала в темноте дорога в сказку,
Искрился колокольчиковый луг...
Остался только привкус торжества!
Жаль, небо опрокинуто годами.
Подъём, друзья, пора вернуться к маме,
И никакого больше волшебства.

Только для меня

Всё, что живое, только для меня,
 В моей душе рождает океаны,
 Себя я узнавать не перестану,
 Цвет мысли примеряя к фону дня.
 Мне нравится искать себя в чужом,
 А находя, ловить зерно восторга,
 Печь новый хлеб и грызть сухую корку,
 Я есть во всём, чем нынче окружён.
 Мне мало мира, мне нужны миры,
 Вселенной завитые повороты,
 Её морей неведомые гроты,
 Далёких звёзд забытые костры.
 Мне нужно всё, я в это облачён,
 Я должен знать карманы и застёжки,
 Хотя пиджак ещё велик немножко,
 Когда-нибудь мне впору станет он.
 Рвану тогда сквозь чёрную дыру,
 Роняя на пол пуговицы-звёзды...
 Здесь доктор в белом тихо скажет: «Поздно».
 Когда для всех я будто бы умру!
 Но всё не так... нет, всё - наоборот,
 Не плачьте по ушедшему кумиру,
 Я просто улечу к другому миру,
 Где ближе цели будущих высот.

Птицы

Это не важно, сынок, что апрель ещё,
 Будет июнь, мы насыплем поболее,
 Ты не жалея ни печали, ни боли им,
 Птица голодная – жалкое зрелище.
 Чуть отойди, приоткрою ворота я.
 Славные птахи, найдёшь ли ты где таких?
 Вырастить только бы к лету нам деток их,
 Просятся в небо птенцы желторотые.
 Крохи совсем. Подождём до июня мы,
 Рано ещё им лететь за родителем,
 Тише, цыплята, надеюсь, простите нам
 То, что Земля опоясана рунами.
 Крылья окрепнут, обучитесь пению,
 Горе земное взойдёт разнотравием,
 Небо тогда распахнётся во здравие,
 Выпущу к людям, имейте терпение.
 Вдоволь напьётесь печали, страдания,
 Скорби горячей, холодной апатии.
 Самые вкусные слёзы у матери,
 Той, что детей отдала на заклятие.
 Слёзы мужские безумно полезные,
 Редко встречаются, дорого ценятся.
 Девичьи слёзы – пустая безделица,
 Слёзы ребёнка – роса поднебесная!

Знаешь, сынок, там хватает питания,
 После недели птенцам не до родины.
 Твари, которых с тобою разводим мы,-
 Птицы мечты, по земному преданию.
 То, что заложено в этом понятии,
 Необъяснимо с позиции вечности.
 Сила мечты в глубине человечности.
 Но... это тема другого занятия!

***

Прожито-сшито,
 Скроено, склеено, сбито заплатами,
 Прожито – сшито. В комоды запряжено.
 Занафталинено. Платыца, кофточка -
 День ото дня заполняются полочки.

Вечный покой на тряпье не меняется.
 «Чудо-покрой!» - выбирает красавица.
 В зеркало смотрится, крутится, вертится,
 Первая модница, красная девица!

Тает, витеет, листает, блаженствуя:
 Детские тайны, мужские и женские,
 Пёстрые жизни, пустые, нарядные,
 Чувства и мысли, грехи безоглядные.

С белыми свадьбами, счастьями, бедами,
 Судьбами гнутыми, песнями спетыми.
 Внуки, племянницы, пасынки, дочери...
 Тянется, тянется, тянется очередь.

Пару примерок всего и осталось-то...
 Не торопите с контрольной, пожалуйста.

***

Из детства в далеко – и только налегке,
 Троллейбусом. Час пик - сегодня восемнадцать!
 Ты выйди в «молоко», со сказками обняться
 И заглянуть на миг к чудеснице Яге.
 Обнимет первым кот: «Она тебя ждала,
 Картошечку вчера пожарила на сальце,
 Садилась вышивать и в кровь колола пальцы,
 Переживает мать, всё думает - мала!
 Да ты и есть – дитя. Какие города?
 В них люди, что вода! Намедни колдовала,
 Выходит ерунда – мала да горя мало.
 А коли что не так, то горе – не беда.
 Ты в небо не смотри, окрестность примечай,
 Последние часы остались до обряда.
 Нам солнышко твоё в сердечко спрятать надо,
 Беги скорее в дом, там остывает чай».

Залает шавкой дождь, уляжется у ног,
Почуяв шоколад, огонь забьётся звонко,
Ты за судьбой войдёшь совсем ещё ребёнком.
И свалишься во взгляд, переступив порог.
Огромный синий мир – и вдруг с тобой на «ты»!
Вчера на виражах отвалится от завтра.
Сама себе кумир и свой любимый автор,
Теперь твоя душа не терпит пустоты!
Жар-птица воспарит, о детстве запоёт,
Кикимора всплакнёт, завоюет водяные,
Царевичи, цари, волшебницы лесные -
Все сказки на земле затеют хоровод!
Польётся пир горой, день ото дня вкусней.
Что на десерт? Любовь! Забыли о десерте!
Ты будешь долго жить, но с новым солнцем в
сердце,
А прошлое взойдёт для тех, кому нужней.

Стерпится - слюбится

Терпится, терпится, терпится, любится.
Вслед за метелицей катится улица,
Лепятся крепости, рушатся здания,
Пляшут нелепости в свежих преданиях.
Много их, много, весёлых, заплаканных,
Строгих, убогих, в камзолах заляпанных,
От подвенечного, млечного, мужнего,
До бесконечного, вечно ненужного!
Кто же впустил их, когда в них поверил я -
В добрые силы, в святые намеренья?
Жизнь – это мера чего-то хорошего
Или химера? Холодное крошево?
Треплется, давится, любится, терпится...
Не разгибается гордости деревце.

Ты мне навстречу из пыли сознания,
Дымом на плечи - пустые признания.
Страшно? Ужели? А как же, конечно же,
После метели мы тёплые, нежные.
Что за безделица эта распутица!
Слюбится – стерпится, стерпится – слюбится.

Проза

Елена Родченкова

Елена Родченкова - поэт, прозаик, публицист, автор-исполнитель. Родилась в Новоржевской области в 1965 году. Закончила библиотечный факультет ЛГИК им. Н.К. Крупской и юридический факультет СПбГУП. Член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии имени В. Белова, лауреат Всероссийской литературной премии им. Э. Володина, автор двадцати двух книг. Живёт в Санкт-Петербурге, работает адвокатом ГКА СПб.

ДОМ ДУРЫ

Рассказ

Поначалу ездить на велосипеде на городскую помойку Инка стеснялась, старалась по темноте - или с утра, или под вечер, чтобы никто не видел. Когда наступила зима, снег завалил бесплатный Инкин магазин, а после того, как она позвонила президенту России на горячую линию, и вовсе закончилась её дармовая добыча.

Позвонила зимой. Была почти трезвая, не злая, не голодная, просто сбил её с толку сияющий на экране телевизора номер телефона. Может, проверить хотела, обманывают или нет, с этим номером-то, может, надежда какая появилась... Сама не знает, как так получилось. Правды захотела.

Позвонила и с ходу спросила: «Скажите мне, пожалуйста, как нам выжить? Старшего сына прислали из Чечни в гробу. Голова была положена отдельно, отрезанная, а тело чужое. Не его тело. А его, наверное, послали другой матери. Что? Да, я открыла запаянный гроб. Открыла... Что Вы говорите? Неважно, как его зовут. Его нет. Остался младший. Батька их спился. Муж мой. Похоронила. Колхоз распустили, деревня вся вымерла, работы нет. У нас здесь зима, дорога нечищенная, живут пять семей, одни старики. Школу в соседней деревне закрыли. В лесу волки. Вожу ребёнка в город с ружьём. Мальчик у меня, Витя. Ружье нелегальное, отцовское. Можете, конечно, изъять. Работы нет. Никакой. Только домашняя: печки, вода, дрова. Скажите, как нам выжить? Ну как? Что? Да, сама я иногда пью. Злоупотребляю алкогольными напитками... Но ведь и таким надо выживать как-то, всем надо жить!»

На том конце с ней говорили вежливо и тепло, потому она рассказала не только о своей жизни, но и о работе районной администрации за последние лет десять.

Всю следующую неделю по утрам, просыпаясь, Инка ощущала какой-то холодный и неудобный мрак в желудке. Так бывало после длительного запоя или перед посещением участкового. Но потом она затапливала печь, шла к колодцу за водой, грела чай, пила его, тихо брякая ложечкой, глядя в окошко, и дожидалась, когда проснётся Витя. Холод постепенно теплел, тяжелел, таял как сугроб, переставал её мучить.

Через неделю к Инке приехала комиссия из района, человек восемь на двух старых «козелках». Ввалились в дом без стука, по-хозяйски, стали рассматривать комнаты, заглядывать в шкафы, писать какие-то бумаги и одновременно проводить с ней беседу, говоря громко и хором. Были в комиссии представители из собеса, из РОНО, с биржи труда, из управления сельского хозяйства и несколько человек незнакомых, те стояли возле двери и молчали.

Инка не испугалась, хотя сердце её колотилось и пыталось выпрыгнуть из груди. Она обозлилась. Упёрлась сухими кулаками в костлявые бока, выставила вперёд ногу в тапке, насупилась, набычилась и молчала, будто была глухонемой. Если бы она была пьяная, то оба «козелка» взлетели бы прямо от её дома как два реактивных самолета, несмотря на то, что дорога в деревню была нечищенная, но Инка была трезвая, а когда она была трезвой, она была разумной, расчётливой, спокойной и осторожной.

- Разве я неправду им сказала? – спросила она умолкнувшую комиссию.
- Она ещё спрашивает! – снова хором загалдели недовольные члены комиссии.
- Разве я что-то сочинила или приукрасила? Товарищ начальник сельского хозяйства, Фрол Ильич, наш бывший председатель колхоза, не дашь соврать, где колхоз?

- Это всё понятно, Инна, что нет колхоза, - согласился Фрол Ильич. - Но зачем же выносить сор из избы? Подвела весь район!

- В избе у нас столько сору, что дышать нечем, хоть помирай. Я бы померла, да Витю некуда. Кто ж его на ноги будет поднимать?

- Не переживай, Витю мы заберём, - успокоила её Дарья Марковна, директор приюта. - Лишим тебя родительских прав, и он прекрасно проживёт на гособеспечении.

И тут у Инки исчез ум. Показалось ей вдруг в какой-то момент, что она стала не только пьяная, но и внезапно научилась летать, а когда она очнулась и обнаружила себя в облаке чёрной гари отъезжающих «козелков», то увидела в своих крепко-накрепко сжатых кулаках клоки чёрных и длинных волос директора приюта.

Вечером Инка слегла с высокой температурой, послав Витю за бабкой Аришкой, одинокой старой знахаркой, на другой конец деревни.

Бабка Аришка прибежала быстро. Шустренькая, сухонькая, ясноглазая, колдуньей её назвать язык не поворачивался, скорее, походила она на плясунью из районного хора при доме культуры. Говорили, что она ведьма, но детей порченных, больных возили к ней лечить и не боялись. Бабка Аришка мудрым сердцем да зорким глазом всех видела насквозь, но ни на подозрения, ни на хулу не откликалась, знай себе делала своё дело, собирала с людей всякую дурь и отправляла её на сухой лес или в поганое болото, снабжала травами, водичкой, заставляла учить молитвы и в конце лечения всех направляла в церковь за семь километров к отцу Василиску.

Бабка Аришка очень уважала и побаивалась старого священника отца Василиска. Отец Василиск бабку Аришку тоже любил, как и его отец, и дед, и прадед, тоже священники, любили Аришкину мать, и бабку, и прабабку, тоже знахарок...

- Ну, что ты смотришь так, батюшка, как мышь на крупу? – спрашивала его бабка Аришка.

- Да ведь неплохо бы тебе эти дела заканчивать. Помирать по-христиански будешь, исповедуешься, причастишься...

- Мне рано пока помирать, делов много, - отмахивалась бабка Аришка.

***

- Ох, касатик, мамушка-то твоя как нехороша, - прошептала бабка Аришка, подходя к кровати с распластанной на ней горящей Инкой. – Ох, девка, сколь дури на себя взяла! Зачем? Для чего взяла? – спросила она.

- Не знаю, - прошептала Инка.

- Не надо было брать. Сказала им на свою голову! И пусть бы пошли. Сами бы справлялись. А теперь гори, что ж... Переможешь сама-то?

- Не знаю ничего...

- Ладно. Гори пока. Мы с мальцом печку затопим, блинов испечём. Авось справишься, а нет, так подмогну.

Но Инка не справилась, и посреди ночи бабка Аришка прогнала расстроенного Витю в сени, чтобы не мешал ей своим неверием. Она склонилась над горящей Инкой, а Витя одел отцовскую фуфайку, вышел на веранду, сел на провалившуюся, старую оттоманку между несколькими выпирающими пружинами и стал смотреть в тёмный двор.

Привычное дело – бабкины сказки. С детства он помнил, как она несколько раз заговаривала ему ангину. Бывало, водит клочком колкой травы по горлу и шепчет себе под нос: «Ангинка-ангинка, колкая щетинка, тебе тут не быть, кровь не пить, кости не сушить...» Вите было щекотно и смешно, он фыркал, хватал бабку Аришку за руку и смеялся от души.

- Ну! Чего? – восклицала бабка. - Глупый какой! Сбил меня... Давай снова.

И опять шептала свои стишки, собирая с Вити ангинку и отправляя её в поганые болота к змеям и скорпионам, в глухие горы, под сухие пни, в гнилые леса, на кривые коряги, в омуты, болота и трясины.

Витя хохотал до упаду от щекотки, а то и плакал:

- Отстань ты от меня, баб! Страшно, я в лес буду бояться ходить!

- Тьфу ты! Опять сбил. Вот дурень...

Бабка Аришка садилась, обессиленная, на лавку перед Витей и осуждающе качала головой.

- Вот ведь вишь, непростой ты. Ишь, как черти-то тебя ломают. Мешают мне. Ну-ка, давай, малец, опять...

Упрямая была бабка Аришка, упёртая. Плюясь по сторонам в конце заговора, торжественно провозглашая о том, что «собаки не лают, петухи не поют!», она становилась похожей на маленькую первоклассницу Надьку Семёнову, нарядившуюся старушкой для новогоднего представления. Махала ручками, крепко зажимая в кулачках сухую траву, суропила гневно белёсые бровки, выпячивала сердито и грозно вперёд нижнюю губу, и белый платок её сбивался на бок, отчего концы его висели над бабкиным плечом, как поникшие заячьи уши.

Витя хохотал, утирая слёзы, и мотал головой от восторга:

- Зайчиха! Ой, не могу...

- Во, вишь? – таинственным шепотом прерывала его смех бабка Аришка. – Полезли бесы... Лезут, вишь? Смейтесь, смейтесь, я вам устрою...

- Уши у тебя, как у зайца, - заливался Витя радостным, лёгким смехом.

- Давайте, давайте, я вижу вас, вижу, - грозно и многозначительно кивала бабка Аришка, бросая в печку клочок скатанной травы. – Сейчас я вам устрою, погодите...

Она чиркала спичкой, поджигала траву и начинала разговаривать с огнём. Бежевый, как густое топлёное молоко, дым валил клубами в избу.

- Трубу-то не открыла! Открой трубу-то, химик! – советовал Витя бабке, громко икая от смеха.

- Икай, икай... Выходят они из тебя...

Витя сам торопливо отодвигал печную заслонку, и дым послушно направлялся в печку.

- Иди теперь домой, сама справлюсь, – велела бабка Аришка. – Ему добро делаешь, а он всё смеётся надо мной, дурень. Не был бы ты мне мил, не стала бы тебя лечить. Всю душу вымотал, два дня теперь работать не смогу.

Правда, после заговоров Витя ангиной не болел. Один раз Инка водила его к бабке Аришке выгонять испуг. Тогда Витя нашёл в лесу осиное гнездо и решил, что в нём есть мёд. Пока принаравливался, как забрать, не заметил медведя. Хорошо, что медведь оказался медвежонком. Разбежавшись в разные стороны, они оба испугались так, что Витю пришлось вести к бабке Аришке.

Бабка путала его ноги и руки в толстые, круто крученые льняные нити, как бы измеряя длину и ширину его тела, ног, лица, рук, ушей, что-то бормоча, будто считая, плюсуя-минусуя, приговаривая про месяц и солнце, день и ночь, жизнь и смерть, и обязательно про своих собак-петухов. Как только она отворачивалась, Витя начинал хихикать. Он брал моток и изучал, чем это она его обматывает, в какие сети полоняет.

- Да что ж это такое? Олух какой! – сердилась бабка Аришка, нервно выхватывая моток из его рук. – Не води его ко мне больше, Инна, лезет везде, хватает всё. Отдай!

Витя цепко держал моток и смотрел в глаза бабке, едва сдерживая смех.

- Отдай нитки!

- А ты портниха? Зачем меряешь меня? Что будешь шить? – спрашивал Витя.

- Я ж говорю, сглаженный. То есть испуганный. Испугал его медведь, - виновато оправдывала сына Инка.

- Никакого дела с ним. Мешает, и всё тут, – жаловалась бабка Аришка, наматывая спутанные нитки на свой моток.

- Потому что я тебе не верю, - пояснял своё поведение Витя.

- Надо верить, сынок, а то испуг не пройдёт. Будешь плохо спать, плохо кушать, плохо расти. Маленький останешься, все будут большие, а ты маленький, - тараторила Инка, чтобы Витя не вставил какое-нибудь глупое слово. - В армию не возьмут, девочки смеяться над тобой будут. Давай ещё раз, стой спокойно, не смейся.

- В армию его, - сопела недовольно бабка Аришка. - В армию-то его возьмут... Давай, стой и не шевелись, не то я тебя прутом нахлестаю, боец. Подставляй руки!

И снова путала его в свои заботливые, щекотные, льняные, ласковые сети, от которых на душе у Вити было тепло, мирно и весело, как от припекающего родного весеннего солнца.

***

- Чего сидишь? – услышал Витя шёпот бабки Аришки из темноты сеней.

- Ты ж меня сюда прогнала, - прошептал он в ответ.

- Замёрзнешь.

- Как мамка? Ушла болезнь?

- Ушла. Не бойся, не помрёт.

Витя подвинулся, приглашая бабку посидеть с ним на оттоманке.

- А ты помирать не боишься, баб Ариш? – спросил он вдруг.

Бабка присела на оттоманку, крепче завязала концы платка и шмыгнула носом.

- Не боишься? – повторил Витя.

- Не. Нажилась уже, не боюсь.

- А если в рай тебя не пустит Бог?

- Чего ж Он меня не пустит? Чем я плоха? – насторожилась бабка Аришка.

- Колдуешь ведь. Про сухие болота да дикие топи с кем ты договариваешься?

- Ишь ты! – рассердилась бабка. - Мал ещё советовать мне! Подслушивал? А ведь я просила тебя: выйди и не лезь!

- Не подслушивал! Я твои стихи давно все знаю. Божьи молитвы не такие.

- Всякие хороши, - вздохнула бабка.

- Не могу тогда понять, кому верить? Врачам, тебе или отцу Василиску? Все разное говорите. Вот ведь когда я рисую, я же не пользуюсь дёгтем, хотя он и чёрный или сметаной, хоть она и белая?

- Сравнил! Дёгтем! Вонять будет картинка-то!

- И мелом не рисую там, где масляными красками нужно. Осыплется мел, сотрётся, грязь одна получится, хоть он и белый.

- К чему ты это? – насторожилась бабка, - Раньше ничего не рисовали, а добро жили.

Теперь рисуй да радуйся, а ума ни у кого не прибавилось.

- Время было другое. Хочешь, я тебе свои рисунки покажу?

- Хочу. Чем рисовал-то, не сметаной?

- В универмаге краски купил, как и положено художнику, - улыбнулся Витя.

***

А на следующий день приехал участковый Борис Иванович, худой, скуластый, сероглазый, сердитый мужик. Он громко постучал в окно на кухне. Инка боялась стука в окно. Вскочила, подбежала, отдернула штору. Увидев фуражку Бориса Ивановича, обмякла и села на стул.

- Сынок, открой дверь. Да не пугайся, там милиция.

Борис Иванович вошёл неохотно, устало поздоровался, сел к столу, достал папку, начал раскладывать бумаги.

- Ну, чего молчишь, гражданка Егорова? – спросил он. - Язык проглотила?

- Что говорить?

- Понятное дело, нечего. Собирайся в тюрьму.

- Витя, иди в свою комнату, - попросила Инка сына.

Витя подошёл и сел рядом с ней.

- Иди, иди, Витя, - сказал Борис Иванович.

Витя прижался к матери.

- Иди, Витя. Мамка накричала на начальство, вот меня и прислали. Это ничего, не страшно... Ты был ведь, слышал всё?

Витя молча смотрел на участкового.

Борис Иванович напряжённо выдохнул.

- Несовершеннолетним присутствовать при допросе запрещено. Запрещено – значит не разрешено. Шагом марш в свою комнату!

Когда Витя ушёл, Борис Иванович долго исподлобья смотрел на Инку.

- С бодуна? – спросил он, наконец.

- Заболела.

- Угу. Заболела ты крепко, девка. Ум потеряла. Комиссии погромами и поджогами, расстрелами и повешением угрожала? Волосы рвала? Щёки царапала людям при исполнении? Это ж в психушке можно очутиться!

Инка кивнула.

- У тебя вот тут... - Борис Иванович гулко и безжалостно больно постучал себя крепким кулаком по лбу, - есть что? Или нет?

- Нет, наверное...

- При Сталине тебя уже сегодня к вечеру расстреляли бы...

Он вздохнул.

- Давай писать твою историю. Неси паспорт.

- При Сталине их всех бы самих ещё вчера расстреляли, - слабо возразила Инка.

- Кого!? – грозно завопил Борис Иванович. - Девка! Их никто никогда не расстреляет. Они везде и при всех выживут, им при любой власти хорошо. Понимаешь, что такое хо-ро-шо?

Борис Иванович шмыгнул носом:

- И что такое плохо... Ты ребёнка подставила под расстрел. Сама-то ладно, такое пережила, что уже теперь ничего не страшно, а его-то за что в детский дом определила?

- Почему же – в детский дом? – спросила Инка.

- Потому что посадят тебя, девка. Посадят. И правильно сделают. Потому что больно на язык ты гадкая. И руками не по делу машешь. Не там, где надо. Поняла меня? И по телефону любишь звонить. Не тому, кому надо.

Борис Иванович поднялся за столом.

- Я при исполнении, конечно, ведь я – тоже власть, Инна. Родителей твоих уважал и твою семью жалею... Скажу как русский мужик тебе сейчас. Никому твоя правда не нужна. Бросаться на дуло пулемёта надо, только если ты один. Если за тобой дети – будь мудрее. Ты же баба. Куда ты прёшь под пули? И его тянешь.

- Так ведь... Я только позвонила... Спросить, как жить...

- Они научат. Будешь жить хо-ро-шо, на всём казённом. Задаром. И Витя тоже. Давай, носи паспорт, будем писать рассказ про тебя... Чайник поставь.

***

Борис Иванович сочинял долго, писал медленно, расспрашивал Инку подробно, тщательно, обстоятельно, повторяя одни и те же вопросы по нескольку раз в различной последовательности, будто хотел поймать её на лжи. Но Инка не врала, вину признавала, в содеянном раскаивалась, обещала исправиться и поступить на работу, какую дадут, любую. В результате была написана одна куца страничка протокола и целая тетрадка личного черновика Бориса Ивановича.

- Давай, признавай вину полностью, - сказал Борис Иванович.

- В чём же? Я не собиралась никого расстреливать. Хотя и надо бы.

- Ты хоть иногда думай, что говоришь! Признавай вину, так и запишем: глупая я, плохо образованная, позвонила президенту с целью совместного решения проблем жизни страны. Желала посоветоваться о планах на будущее, а также выразила готовность поддерживать его на выборах и впредь...

- Сейчас! – прервала его Инка. - Поддерживать я никого не буду, я на выборы, как Петю похоронили, не хожу.

- Инна, я говорю о том, что ты обычная хулиганка, глупая русская баба. Ну, выпила, ну, позвонила, ну, поругалась с другой бабой. Может, у вас одна симпатия. И подралась. Надурила, понимаешь? Из хулиганских побуждений! Поняла? Так и будешь говорить.

- Не знаю... - загадочно процедила сквозь зубы Инка. – Пусть ходят и оглядываются некоторые. Если кто коснётся Вити, я говорю прямо: что сказала, то и сделаю.

- Ну, опять за своё. Ты что, действительно можешь поджечь, разгромить, повесить и расстрелять от имени народа России живых людей?

- Вы меня удивляете, Борис Иванович, – всплеснула руками Инка, – как я могу стрелять? У меня ведь пулемёта нет!

- Кстати, о пулемёте... А им ты сказала, что имеется таковой. Где?

- Сказала? Ну, под кроватью, - сникла Инка. – Отцовское ружьё. Охотничий билет принести?

- Ещё одна статья, - крикнул Борис Иванович. - Неси.

Инка пошла из кухни в другую комнату и принесла оттуда затрёпанный, почти тряпочный охотничий билет из картона.

- Ружьё надо изымать, - вздохнул Борис Иванович, разглядывая мутные разводы чернил и трещины на мелком фото Инкиного отца.

- Не, девка, ты совсем дура...

- Хватит Вам, Борис Иванович, что Вы заладили: дура да дура. Просто я неудачница. Семья была крепкая, ладная: батя - лесник, мама - полевод в колхозе, мы с братом учились хорошо, старались... Не пил никто, не курил. Что ж, раз всё так вышло с Петей... Покатилось... Как привезли его гроб солдаты и командир, как поставили возле дома на табуретки... Встала я, перекрестясь, тогда рядом, Борис Иванович, стою, и ни слёз у меня, ни слов, и вдруг будто слышу, говорит мне кто: «Кончилась твоя Родина, Инка. Кончилась твоя Родина».

Борис Иванович крепко крикнул и отвернулся к окну. Инка кивнула самой себе:

- Она и кончилась. Вместе со мной. Нету нас.

- Ты это брось, - сказал Борис Иванович. - Родина – она навсегда.

- Нет, - помогала Инка головой, - она есть, когда ей веришь. А я больше не верю никому. И мама, и батя, и Степан – они ушли в один год за Петей. Потому и ушли, что у них тоже кончилась Родина. Только они никому о том не сказали, а я тебе говорю.

Борис Иванович стал нервно чиркать в своих бумагах:

- Ладно, Инка, давай подписывать.

- Давай. Но только знай, скажу тебе прямо: попробуют Витю забрать - исполню всё, что сгоряча пообещала. Я своё слово держу. Как Петя и вся его шестая рота, буду держать свою высоту. Без боя не сдамся, Борис Иванович. И будь уверен, я крепко стою. Хрен меня сдвинешь!

***

Когда Борис Иванович уехал, Инка вытащила из сарая лыжи, приказала Вите никому не открывать, кроме бабки Аришки, быстро собралась и поехала.

- Мама, а ты куда? – крикнул вслед ей Витя.

- Буду поздно, не переживай, я к отцу Василюску!

Не успела она скрыться за горизонтом, как в доме возникла бабка Аришка, выросла, словно гриб из-под пола, посреди кухни.

- Ушла мамка-то? – спросила она деловито. – В церкву, небось, пошла? Не сказала?

- К отцу Василюску.

- Ну да, я и чую. А чего так холодно у вас? Топить надо. А ты мне картинки-то свои собирался показать, не забыл?

Витя обрадовался, глаза его засияли, будто увидели что-то необыкновенное. Он поспешил в свою комнату, приглашая жестом бабку идти за ним, схватил с книжной полки пачку альбомных листов, вырезки из журналов, книжки, - всё выгрузил на круглый стол.

- Витя, а никто не приезжал? – спросила бабка Аришка, разглядывая из-за его плеча картинки.

- Участковый, - кивнул Витя. - Сначала я свои эскизы покажу, а потом уже готовые вещи, ладно?

- Ладно. Милиционер один приезжал, боле никто?

- Никто. Вот, смотри, баб Ариш, это карандашные наброски. Тут и ты есть. Вот, найди себя.

Витя радостно подносил ей к лицу рисунки, руки его чуть дрожали, он волновался, будто бабка была строгим экзаменатором. Голосок Вити звенел от напряжения как колокольчик, он то и дело судорожно вздыхал, всхлипывая, будто недавно плакал навзрыд.

- Хо-ро-шо-о, добро-о-о рисуешь, - хвалила его бабка Аришка, вытягивая вперед руку с рисунком. – Жалко только, что нет очков, карандаш-то плохо видать. А красками рисуешь?

- А как же! - воскликнул радостно Витя. - Сейчас покажу!

- Добро-о-о, - протягивала бабка Аришка, причмокивая беззубым ртом. - Красивые какие все люди. А так и не скажешь, глядячи на них. В жизни-то все не такие. Это кто – это я?!

- Ага!

- Красивая... Нос только... Чего такой маленький? Ну, какой есть, теперь уж не вырастишь. Из опеки не приезжали?

- Да сказал же, не приезжали. Узнала себя? Похожа?

- Похожа. Ты, малец, настоящий художник здесь растёшь... Вот как оказывается... - сказала задумчиво бабка Аришка. - А я и думаю, чего ты не такой, как другие, а ты, вишь, художник, значит... Дар у тебя. И правда, как взрослый рисуешь, не скажешь, что маленький ещё, - приговаривала она задумчиво, перекладывая рисунки один за другим, разглядывая их то вблизи, то далеко отстраняя от глаз, - Во как, ага, лес наш, яблоневый сад, улы, цветет сад-то как, ай-ай-ай... Борис-то Иваныч когда в город мамку вызвал?

- Не знаю, пока не звал. Смотри вот портреты. Это я на уроках рисую. Кого к доске вызовут, того и рисую. Вот учителя наши – Валентина Ивановна по литературе и Иван Евдокимович по пению.

- Похожи...

- А ты же их не видела...

- Не видела, да знаю. А это кто? Чёрный лист пустой? Чего замарал-то его?

- Это тоже картина.

- Что за картина? Сажай лист замаран. Или дёгтем?

Бабка понюхала квадратный кусок твёрдого чёрного картона.

- Это чёрный квадрат. Есть такая известная картина художника Малевича. Я её хочу исправить.

- Малевича? Где он живёт-то? Надо было не президенту, а ему позвонить да сказать, чтоб глупости не рисовал. Разве ж такие картины бывают?

- Бывают, – улыбнулся Витя. - И многие видят в этом квадрате большой смысл.

- А-а-а, смысл... Всё равно как в печке сидишь да в закопчённую заслонку глядишься, - заворчала бабка Аришка. - Ничего не выглядишь, одно только бока поджаришь.

- А вот и нет! Как раз и выглядишь! Распахнёшь заслонку, а оттуда – свет, радость, дом, - сказал Витя.

- Так надобно её раскрыть, сынок! Ты эту картонку-то пополам разрежь. Давай я подмогну, ножницами не получится, а мы ножиком, давай? – оживилась и заволновалась вдруг бабка Аришка.

- Зачем? Не надо резать, можно белой краской нарисовать отсветы, видно будет, что ворота распахнулись... Вот, смотри, у меня есть наброски: ворота как бы изнутри распахиваются, а в просвете видишь Кто?

- Кто?

- Это Бог, - сказал Витя.

- Ты не боишься Бога рисовать? Может, нельзя? - засомневалась бабка Аришка.

- Не боюсь. Почему нельзя?

- Ну, не знаю, ты ведь не святой... Иконы могут писать только святые люди.

- Это не икона, это картина. Многие художники рисовали Бога, и ничего. Умерли, конечно, но ведь все когда-то умирают.

- В ад, небось, пошли... - решила бабка Аришка. – Скажи, ну вот как же так можно: грешить и браться Бога рисовать?

Витя оторопел.

- Разве я грешу? – спросил он. - Если только отговариваюсь да школу пропускаю, печку вот топить не хочу...

- Я не про тебя. А ты, вишь какой, напугался! А сам меня давеча спрашивал, не боюсь ли я помирать! – язвительно сказала бабка Аришка. – Хотя я и печку топлю, и не отговариваюсь, и не ленюсь.

Она стала аккуратно складывать рисунки в стопки.

- Что уж, рисуй. Дело твоё верное. Садись и рисуй. Надобно ворота ада открывать, а не то они на нас лежат, всех придавило. Одолеем мы их, а они нас не одолеют. Садись за стол, а я пока блинов напеку.

Бабка Аришка пошлёпала на кухню, а Витя, будто давно ждал её команды, сел за стол и нетерпеливо разложил краски.

- Я бы пироги спекла, Витя, но руки стали крюки. Всё валится, не могу справиться. Напеку блинов, это попроще. Где тут мука? Мука? Ты где? Вот ты куда спряталась... Молоко, иди сюда ...

Витя рисовал за столом, а бабка разговаривала с печкой, с дровами, с огнём, со сковородкой, с бутылкой масла и с каждым пышным блином по-доброму: кого журила, кого хвалила, кого подбадривала, но никого не ругала и не злилась, не сердилась. Вите было сладко рисовать Бога. В печи потрескивали поленья, пугая робкую тишину, будто то здесь, то там, то в одной, то в другой комнате лопались маленькие цветные воздушные шарики или вспыхивали внезапные звёзды, тревожно шелестя лучами.

- Баб Ариш! – громко крикнул Витя. – А, баб Ариш!

На кухне что-то прошуршало, скользнуло и бабахнулось об пол, покрутилось и, громыхая, покатилося по полу.

- Напугал! Ох, тошно моё лихо! Всё побила, раззява...

- Баб Ариш! А может, не ворота это, а дверь? Не в центре тогда рисовать надо, а справа. Как будто бы дверь открывается... А? Вот так... Глянь...

- Напугал! – с вызовом повторила бабка Аришка, шлёпая по кухне и собирая раскатившееся.

- Дверь-то лучше. А? Откроет дверь, и никто не закроет. Но это не так торжественно. Лучше в центре. Лучше – ворота, да?

- Иду я, погоди! Размажешь сейчас всё, краски уронишь, всё испортишь, сиди, иду.

Полвека прожив одна, бабка Аришка как-то сразу привыкла к семье и уже стала строжить своих домочадцев.

- Никакого дела не даст. Чего тут у тебя?

И только бабка Аришка уселась на стул возле круглого стола, как в окно на кухне постучали. Она вздрогнула, вскочила, и, словно была молодая, побежала к двери.

На веранде уже гремели шаги. Бабка выскочила в сени, Витя следом за ней.

- А хозяева на улице. Здрасьте, здрастьте... На улице, говорю! Пойдёмте к ним, ага, выходите на улицу, - напирала она сухеньким телом на трёх растерявшихся женщин.

- В сарае хозяева, кур, может, кормят, пойдёмте, пойдёмте...

Женщины не стали спорить и вышли на улицу, а бабка Аришка тут же захлопнула входную дверь и закрылась на большой крючок.

- Откройте, бабушка, - попросили за дверью.

- Не открою. Зачем вы ходите по чужим домам?

- Мы комиссия из районного отдела образования, - сказала одна из женщин. - Нам нужно составить акт жилищных условий ребёнка.

- Составляли уже. Хорошие условия. Очень прекрасные! Так и запишите: очень прекрасные, - сказала бабка Аришка, выглядывая в окошко веранды.

- Извините, но нам нужно осмотреть его комнату, мебель описать...

- Мебель? Какую мебель? Вы сами-то не из дворцов будете? Не знаете, какая мебель в деревенском доме? Печка, лавка, стол, кровать, шкаф и телевизор. Так и пишите.

- Откройте дверь! – приказала начальница, женщина, которая была толще и старше двух других.

- Не открою.

- Мы вызовем милицию. Вы обязаны подчиняться представителям власти.

- Никому я не обязана, - сказала бабка Аришка. - У меня своё начальство. Вы, видать, не местные, не знаете, что я тут главная колдунья в округе?

- Чшш, - попытался урезонить бабку Витя, но её уже было не остановить.

- Не знаете? А сейчас узнаете!

- Бабушка Ариша, - звонко закричала тоненькая девушка в беретке. - Мы должны свою работу выполнить, нас уволят, если мы не составим акт.

- А! Узнала меня! Вот! Гляди мне! Уволят-то ладно, а вот если замуж не выйдешь и будешь до пенсии седыми лохмами на танцульках трясти...

- Пойдёмте отсюда, - прошептала девушка и пошла к машине.

- Стой! – приказала ей толстая старшая начальница. - Открывайте дверь! Сейчас звоню в милицию! Так! Вызываю...

Старшая вытасила из кармана сотовый телефон и стала нажимать толстым крючком указательного пальца на кнопки.

- Вызывай! Я посмотрю, как вы отсюда поедете. Все канавы пересчитаете. Поедете-то в город, а окажетесь на селе, свернёте на дорогу, попадёте на тропинку. Давай, вызывай! Я не из пугливых! Витя! Иди, глянь блины! Горят...

Бабка вошла в раж, будто вокруг дома стояло много зрителей.

- Ужо я вам! – грозила она сухим кулачком в окошко веранды. - Вдов да сирот обижать?! Я вам всем покажу, распущёнки! Ишь, моду какую взяли – по чужим домам лазить, мебель описывать, детей забирать! Заколдую сейчас всех, сядете на ноги, поползёте домой на пузах своих! Ужо я вам, мыши серые!

Комиссию как ветром сдуло со двора. Они бежали не по тропке, а прямо по рыхлым, подтаявшим сугробам, молча, пыхтя и толкая друг друга локтями.

- Охохонюшки, - вздохнул Витя, макая пышный блин в сметану. - Не стыдно тебе?

- Нет.

- А мне неловко. Теперь опять участковый приедет. Заберут скоро всю деревню в милицию, один я останусь.

- Ко мне участковый не приедет, - сказала бабка Аришка. - Я никого не царапала, не била, а про колдовство в законе ничего не сказано.

- Ты и вправду можешь плохо делать людям? – спросил Витя.

- А чего ж... Могу. Если поверят в то, что могу.

- Ты злая. Не надо плохо делать людям.

- Витя, никто не может сделать человеку плохо, кроме него самого. Про себя человек всё решает сам. А что не может решить, то должен спросить у отца или матери. Если нет отца и матери – спроси у Бога. Стесняешься у Бога, спроси у святого. А уж если своевольничать любишь, сделал себе плохо, то сам и расхлёбывай.

- Всё равно ты злая. Ты напугала тётенок.

- Не злая, а справедливая. Я прямая. На язык, конечно, худая, - согласилась бабка Аришка.

- Люди на работе. Зачем их ругать?

- Я тоже на работе. Ешь давай, не разговаривай, а то поперхнёшься.

Витя тут же поперхнулся блином, закашлялся, чихнул и, вытирая нос рукавом, недовольно пробурчал:

- Да уж... И язык у тебя...

- У тебя не лучше. Как скажешь что, так у меня вся сила пропадает. Сразу хочу на печке полежать.

***

Весь месяц они втроем держали оборону. Витя в школу не ходил - мать не пускала. Это было ещё одним поводом для визитов разных комиссий. Когда к дому подъезжал очередной

«козелок», они втроём сидели тихо, будто бы никого дома не было. На двери веранды для отвода глаз был повешен большой чёрный замок, а сами заходили через хозяйственную дверь, ведущую во внутренний двор к сараям.

Участковый к бабке Аришке так и не приехал, видно, ему не сообщили о её угрозах, и бабка Аришка почти перебралась жить к Инке с Витей. Ходила домой только протапливать печку, чтобы дом не выстыл и не отсырел, а в подвале не замёрзла картошка.

Дело Инкино вот-вот должны были передать в суд. Борис Иванович переслал ей с мужиком из соседней деревни, отсидевшим за пьянку пятнадцать суток, записку, в которой корявым почерком было написано: «Инна, приготовься к тюрьме. Что делать – думай сама. Посадят точно». До суда органы опеки и попечительства должны были разрешить вопрос насчёт Вити и забрать его в приют.

- Что тебе отец Василиск сказал? – допытывалась у Инки бабка Аришка.

- Сказал, что надобно повиноваться властям. Смиряться.

- В тюрьму идти?

- Вроде так.

- А Витю в детдом?

- Так вроде.

- А мог бы он вас обоих в монастырь какой определить на время? Раз уж всё нехорошо получилось, не спросила ты?

- Спросила. Сказал, не надо наводить ссор. Если нас какой монастырь и примет по его хлопотам, то после всё равно выдаст милиции, потому что милиция подаст в розыск.

- Ну-ну. Ясно... Нельзя преступников укрывать от властей. Тоже ведь тяжело им там, в монастырях. И вашим и нашим надо, купи-продай.

- Отец Василиск мне денег дал. Сказал, на первое время. А какое первое время, если оно последнее? Говорит: зачем ты меня спрашиваешь, как быть, если больше моего знаешь.

- Инна, я тебе вот тоже принесла. Скопила, а девать некуда. На похороны отложила, а эти вот лишние, возьми. И на море съездить хватит, и в Китае погулять, и на Луну слетать.

Инка задумалась. Посидела, молча уставившись в окно, за которым сгущались сумерки, потом вдруг резко поднялась со стула.

- Ну, я тогда пошла? Кой чего надо взять... в лесу, я по делу.

- Иди. Что возмёшь в лесу в марте? Ничего хорошего, - вздохнула бабка. И принялась чистить картошку на ужин.

***

Вернулась Инка поздно, было уже темно. Деревня спала, только в её доме тускло, как лампадка, светилось кухонное окно.

- Ну, вот и пришли, - прошептала она, скидывая нетяжёлый картофельный мешок с плеч. Она положила его в углу сеней, накрыла пустым деревянным ящиком и сверху закидала старыми фуфайками и куртками.

- Что ты тут делаешь, мам? Почему в дом не идёшь? – спросил Витя, выглядывая из двери.

Инка вздрогнула:

- Кто? Я? Убираю. Иди сюда на минутку, Витя. Бабка Аришка не ушла?

- Нет.

- Видишь, много разных вещей у нас лишних накопилось, надо убрать. Ты тоже иди, разбери свои. Сложи на диван всё необходимое, что нужно взять с собой... Мы уезжаем завтра.

- Куда?

Инка неопределённо махнула рукой:

- Туда. Не говори никому, – и, подтолкнув его к двери, вошла в дом.

***

Бабка Аришка восседала во главе стола и сияла ярче, чем запыхавшийся самовар на верху буфета.

- Вот сегодня целый вечер, пока тебя не было, я и плакала, и плакала, и плакала, и плакала, а теперь веселюсь.

- Правильно, - кивнула Инка, моя руки.

- Вспоминала, сколько нас в деревне после войны жителей было. А почти сто человек! Стадо было – двадцать четыре коровы! Теперь ни одной. Все померли, и коровы, и люди... И мне пора.

- Рано тебе. Кто останется?

- А зачем оставаться?

- Ну, как же, три семьи всего в деревне, остальные дачники. Ты погоди, пока десять-пятнадцать корни пустят.

- Откуда им взяться? – вздохнула бабка Аришка, - Кого в наш лес загонишь?

- Придут из города. Ты их и встретишь здесь.

Бабка Аришка призадумалась, пошмыгала носом, поводила бесцветными бровками, и внезапно согласилась:

- Хорошо.

Витя принёс из комнаты картину и, держа её в руках, сказал:

- Всё собрал. В рюкзак сложил.

Инка строго и недовольно посмотрела на сына.

- Дорисовал картинку-то? Дай-кось гляну. С собой заберёшь или мне оставишь? – спросила бабка Аришка и протянула руку к картине.

- Мы не едем никуда, - сказала Инка.

- Понятно, понятно, - кивнула бабка, – Не едете – и хорошо. А едете – тоже неплохо.

- Я эту картину хочу в Москву послать, в Кремль, правительству, - сказал Витя.

- И тоже правильно, - одобрила бабка. - Я завтра поеду в город, зайду на почту и отправлю.

Пусть знают. Дело важное.

Инка взяла картину в руки, поставила на стол, взгляделась и побледнела:

- Боже мой... Витя... Разве можно это?

Она виновато перекрестилась на картину, будто извиняясь за сына.

- Я открыл чёрный квадрат, - сказал Витя устало. - Это было трудно.

Бабка Аришка вздохнула:

- Трудно... Ещё бы!

Она по-хозяйски взяла с этажерки несколько газет, разложила их на столе и стала заворачивать картину. Упаковав её, как следует, села на стул, горько покачала головой:

- Да... Вот она – жисть... Короткая такая... Дом-то ваш - статный, знатный, что твой Кремль, добротный, из старых списанных шпал построен. А они пропитались мазутом так, что никакая гниль три века не возьмёт. А то и четыре. Когда железнодорожную ветку разбирали, вся деревня шпалами этими отстроилась. А потом, когда немцев-то гнали, наши войска деревню и спалили. В доме у Степанихи немец раненый лежал - доктор Алекс. Дядя Саша мы его звали. Когда наши пришли, он в подвал спрятался и отстреливался до последнего. Наши подумали, что во всех подвалах немцы сидят, вот и подожгли. Ай! Ну и горело! Ай-ай-ай! Что свечи шпалы-то эти просмоленные... Ай! Да... Ну и горело!

Бабка рыдающе, рывками, тяжело выдохнула.

- Мы потом землянки в лесу рыли. А ваш дом остался, потому что выбрали его как самый большой для штаба. Штаб здесь был. А потом мы отстроили заново деревню. Уж не спрашивай, как. Горе одно. Мы с сынком моим Коленькой несём бревно, а он плачет: «Мамушка, встань ты под комель, а я под маковку, не могу больше, темно в глазах, помру, мамушка». Тринадцать годков, а комель на плече. Ростом вышел в батьку, выше меня. Если мне под комель встать, так и придавит бревно... Я ему говорю: «Терпи, сынок, ты мужчина, тебе не во вред, сильный будешь. А как я надорвусь да помру, так и вам всем не выжить». В землянке-то ещё трое малых да мать лежащая...

Вот так нам немец дорого обошёлся. Врачом он был, хороший, внимательный. Меня от тифа вылечил. Всех лечил: и своих, и чужих. Нам бы прийти да сказать нашим командирам, мол, лежит у Степанихи немец, помирает, пусть бы и разобрались с ним сами. А никто не пошёл. Не

смогли... Потом обгорелого похоронили за лесом. Ну, ты знаешь, где. К чему это я? Не знаю, к чему. Так чего-то вспомнила. Вылечил нас всех доктор Алекс, моё-то лечение для войны негоже... А дети звали его дядя Саша. Он им витамины давал. Всех жалко – и русских, и немцев. Ну, да что уж теперь.

Бабка Аришка встала, взяла картину.

- Пойду. Авось увижу тебя ещё, Витя. Картину эту, если на почте не примут в Кремль, то себе заберу и сохраню.

- Прощай, баб Ариш, - сказала Инка. Глаза её были сухими, горячими и бесцветными, будто выгорел их цвет навсегда.

- Прощай и ты, Инна. Прости за всё!

- И ты меня прости!

***

– Когда придут, ты из подвала через лаз вылезешь и мимо сараев, за баню и бегом в лес. Там жди меня на развилке. Сапоги отцовские обуй, а свои в рюкзак положи.

- Это чтобы оставить большие следы?

- На всякий случай. Ещё придётся тебе одеть девичью одежду. Вот юбка, курточка, шапка с шишкой... К станции пойдём по темноте, но мало ли кто увидит.

- Потом, в поезде, я это все выкину, - сердито сказал Витя.

- Конечно, - успокоила его Инка.

Всю ночь они не спали. Прижавшись друг к другу, одетые, готовые, молчали, будто под окнами кто-то прятался и хотел их послушать.

- Поди, Пете-то нашему страшнее было, - прошептал Витя.

- Поди, страшной, - согласилась мать.

- Тогда что нам бояться? Не будем и мы бояться, мам.

- Не будем.

Тусклый мартовский рассвет, нерешительный, робкий, будто слепой и немой, осторожно заглянул в окна.

Звук приближающейся машины, как рёв немецких самолетов, заунывный, далекий, неизбежный, как смерть, Инка услышала ещё во сне. Она резко открыла глаза, и показалось ей вдруг, что вокруг дома стоят немецкие солдаты с автоматами и овчарками.

Она встала, позвала Витю, выглянула в окно. Милицейская машина приближалась к дому.

Инка открыла подвал:

- Сынок, полезай!

Она подала Вите рюкзак, сапоги, свою сумку, окинула взглядом стены дома.

- Когда крикну, беги сразу, не задерживайся, понял?

В окно грубо постучали, послышался лай нескольких собак.

Инка пошла в коридор, принесла картофельный мешок, высыпала на кровать из мешка крупные и мелкие человеческие кости, накрыла их сверху несколькими ватными одеялами.

- Прости меня, доктор Алекс. Сослужи службу глупой русской бабе. Помоги и нам, дядя Саша.

Она обильно полила одеяла бензином из канистры, затем плеснула по стенам, по окнам, разлила бензин по полу в комнатах, на кухне, в коридоре и сбросила в подвал мужское зимнее пальто.

В окно и дверь барабанили.

Инка подбежала к окну на кухне:

- Подождите, Борис Иванович! Я одеваюсь!

Она побежала в спальню к шкафу, скинула с себя облитый бензином халат, надела серый костюм сына Пети, купленный ему на выпускной вечер, и снова выглянула в окно.

- Иду, иду!

Человек пять стояли вдоль веранды, как по команде повернув головы к окну. Никаких собак овчарок ни рядом с ними, ни возле машины не было.

Инка задернула шторку, подошла к лазу в подвал:

- Ты там?
- Да.
- Беги, сынок, как договорились, я следом.

С улицы кричал Борис Иванович:

- Открывай, Инна, не дури! Не сопротивляйся властям! Иначе придётся ломать дверь!

Инна!

- Сейчас, сейчас!

Инка вошла в зал, зажгла спичку и бросила её на пол. Пламя побежало, как круги по воде – сразу во все стороны, схватив жадным, горячим ртом прошлое ещё живого, но уже смертельно замеревшего дома.

- Кончилась твоя родина, Инка, - прошептала Инка и спрыгнула в подвал.

***

Поезд был проходящий, стоял только две минуты. Инка посадила Витю в вагон.

- Это гомельский или одесский? Или великолукский? Это куда он идет, мам, на север или на юг? Ух ты, здорово: поезд! – радовался Витя.

- Тихо, тихо...

Инка натянула пониже на глаза мужскую кепку.

- Мам, глянь, спят все в вагоне, - шептал Витя. – Вот как им хорошо-то - тёпленько, дружно. Хо-ро-шо тут, да, мам?

- Тише...

- Куда они все едут, мам? А мы куда едем? Где теперь наша Родина?

- Я – твоя Родина. А ты – моя. И они вот, - Инка кивнула на спящих людей, – тоже наша Родина.

- А Борис Иванович? Он будет думать, что нас больше нет? Что мы сгорели вместе с домом?

- Да.

- Но мы же есть...

- Нас нет, Витя. Но мы – будем...

Поэзия

Надежда Егорова

Надежда Алексеевна Егорова родилась в 1969 году в Новгородской области, по профессии библиотечкарь-библиограф. Кандидат педагогических наук, работает заведующей справочно-библиографическим отделом библиотеки Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (г. Москва). Публиковалась в периодических изданиях, коллективных сборниках и альманахах. В 2002 году вышел её персональный сборник «Маленькая женщина» (г. Тверь). Лауреат и дипломант российских и международных литературных конкурсов, член Международной гильдии писателей, Тверского содружества писателей, Российского общества современных авторов. Проживает в Подмосковье (г. Долгопрудный).

Посвящается маме

Мы сегодня в доме
Не топили печки,
Зеркала завесив,
Зажигали свечки.
Гости приходили –
Не за стол сажали,
Без вина и песен
Маму провожали.
А с собой в дорогу
Не полна котомка:
Горсть земли в кулёчке,
Свечка да иконка.
Тем, кто остаётся,
Будет утешенье:
Всем Господь дарует
Милость и прощенье.
«Всем милость, всем прощенье...»

***

Ночь. Комната. Постельное бельё
В тонах пастельных.
Я в нём, как в облаках, в небытии
Плыву бесцельно.

Я в кокон одеяла завернусь –
Так слаще спится,
Из бабочки я в гусеницу тщусь
Вновь превратиться.

И сбрасываю лёгкую пылицу
Румян под утро:
Ребёнку абсолютно не к лицу
Ни тушь, ни пудра.

И если «быть» предполагает «жить»
В трёх измерениях,
То я предпочитаю дальше плыть –
Не по теченью,

А против, чтобы чистой в судный час
Предстать пред Богом,
Младенцем без греха и без прикрас
К Его чертогам

Идти легко и видеть впереди –
У входа прямо,
Спеша прижать к тоскующей груди,
Меня ждет мама.

***

Чашка кофе в руках сиротская,
Та же юбка и та же блузка,
И пятнадцать минут на Бродского
От Речного до Белорусской.

И когда метро меня выплюнет
В центре города на Таганке,
Моё тело, обмякнув, выплывет,
Как бычок из консервной банки.

Заглотнёт меня лифт-аквариум,
Буду долго ползти на третий,
Чтобы вечером сёмгой жареной
Закусить на чужом банкете.

***

Зачем делить одну лишь боль?
Как ноют раны!
Ты ждёшь покорности – изволь,
Рабою стану.

А кем меня ты будешь звать –
Мне всё едино,
И буду милостыню ждать
От господина.

Дарёной ласке я в ответ
Вздохну притворно,
Я не тебе, мой милый, нет –
Судьбе покорна.

Не брачные связали нас –
Иные узы,
Ты мне однажды душу спас
И с нею – музу.

***

Где-то там, в суеде ресторанный,
На горячем морском берегу,
Всё осталось: и радость, и раны,
И «люблю!», и «хочу!», и «могу!»

В мягких креслах гостиничных комнат,
На зелёном сукне казино,
Всё осталось и, вряд ли нас вспомнят
Те, кто пил за знакомство вино.

Взгляды, жесты, улыбки, дыханье –
Колебания воздуха, вздор!
Мы с тобой не прошли испытанье
На любовь, вот и весь разговор.

Эта очень приятная ноша
Оказалась нам не по плечу,
И не важно, что я тебя брошу.
Не люблю. Не могу. Не хочу!

***

Искала Пушкина не там.
Ни слог пространных монографий,
Ни тур по памятным местам,
Ни строки скучных биографий

Мне не открыли ничего
В душе российского пиита.
Узнать, понять, постичь его –
Надежда дерзкая разбита.

Когда ж в полночной тишине
Заветный том раскрыла снова,
Пронзило ум и сердце мне
Живое пушкинское слово.

На выставке Левитана

Не спеша подумать, присмотреться,
Помечтать о будущем пришла.
Оказалось – заглянула в детство,
В мир, который свято берегла.

Синева весны, истома лета,
Сочные зелёные луга...
Только там остались пятна света,
Ненюфары, лунные стога.

Над рекой, над церковью, над лесом
В облака плывёт вечерний звон,
Только тянут в омут злые бесы,
Манит глубина, молчит затон.

В отпуске ждёт море, ресторанчик,
А пока работа на износ.
Дунь на холст – пушистый одуванчик
Разлетится, защекочет нос.

Отдохну у дуба великана
И на мир по-новому взгляну.
Увлекли картины Левитана
В детство – невозвратную страну.

Проза

Дмитрий Воронин

Дмитрий Павлович Воронин родился в 1961 году в г. Клайпеда (Литовская ССР). Сельский учитель. Автор трёх сборников рассказов. Участник многих альманахов и прозаических сборников. Публиковался в журналах «Подъём» (Воронеж), «Север» (Петрозаводск), «Приокские зори» (Тула), «Петровский мост» (Липецк), «Лик» (Чебоксары), «Балтика» (Таллинн), «Берега» (Калининград), «Великороссь» (Москва), «Наше поколение» (Кишинёв) и др. Лауреат премии «Золотое перо Руси» и других международных конкурсов. Член Союза писателей России. Член Конгресса литераторов Украины. Живёт в посёлке Тишино Калининградской области.

КЛАД

Поздно вечером злющая до невозможности Зойка, накинув на голову платок, вышла из дома.

– Вот гад, ну, гад, пьянь, паразит, петух общипанный! – ругалась она вслух, вышагивая по тёмной улице к дому подруги Люськи. – Попадись ты мне только, я тебе устрою сладкую жизнь, я тебе так устрою, что век помнить будешь! Ты у меня попрыгаешь, пьянчуга подзаборная!

– С кем это ты разговариваешь? – раздался из темноты насмешливый Люськин голос. – Сама с собой, что ли?

– С собой, с собой, с кем ещё, – остановилась возле подруги Зойка. – Моего у тебя нет?

– Так и моего ещё не было, – исчезли насмешливые нотки у Люськи.

– Ясно, я так и знала, сердцем чувствую: опять пьют где-то, алкаши недоделанные! Ну, погоди у меня, придёшь ты домой, – погрозила кулаком в темноту Зойка.

– Что делать будем, а? Может, к Дездемоне ходим? – предложила Люська.

– А что толку, вряд ли они там пьют. Дездемона давно б уже выгнала. Где-нибудь за деревней соображают, – махнула рукой Зойка. – Пойду назад, никуда не денется, приползёт.

Проснувшись утром и не найдя в доме мужа, Зойка обошла весь двор, заглянула в сарай и на сеновал. «Паразита» нигде не было. Наскоро управившись со скотиной, Зойка поспешила к подружке.

– Семён ночевал? – с порога крикнула она.

– Нет, а твой? – вышла из кухни взволнованная Люська.

– И моего нет, – плюхнулась на стул Зойка.

– Может, случилось что?

– Да что с ними могло случиться, с алкашами несчастными. Перепились и спят где-нибудь, – скривила толстые губы Зойка.

– Не знаю, не знаю, Зой, – покачала головой подруга. – Мой-то никогда на ночь не загуливал, даже в дрезину пьяный, и то домой приползал.

– Приползал, говоришь? – призадумалась Зойка. – Ну, пошли тогда до Дездемоны, у её мужика спросим.

Дверь им открыла сама Дездемона, длинная, худющая, с растрёпанными волосами непонятного цвета.

– Верка, своего позови.

– Нет его, – зевнула в ответ хозяйка.

– А где он?

– А чёрт его знает, – недобро блеснула глазами Дездемона. – У шалавы какой-нибудь ошивается. Пусть только явится, я ему всю морду искорябаю!

– Значит, тоже не ночевал, – констатировала Люська.

– Что значит – тоже? – подбоченилась Дездемона.

– А то и значит, что не у одной тебя мужик пропал. Наших тоже нет дома.
 – А может, они вместе по бабам шляются?! – ослабилась Дездемона.
 – Дура, – налилась краской Люська, – у тебя только одни паскудства на уме.
 – Сама дура, – огрызнулась Дездемона. – Им только дай волю, козлам блудливым, они тут же под чужую юбку залезут.

– Ладно вам лаяться, – одёрнула обоих Зойка, – идём в правление, к преду.

И подруги, толстая Зойка и маленькая Люська, решительно зашагали к правлению. За ними, запахивая на ходу халат, поспешила Дездемона.

Рассказав председателю о своей пропаже, женщины вместе с ним отправились к заброшенным руинам барского дома, где накануне разбирали кирпич их мужья.

У развалин одиноко стоял трактор, в прицепе лежал аккуратно сложенный кирпич, и вокруг ни души.

– Куда же они могли подеваться? – недоумённо пожал плечами председатель.

– Я ж говорю, блудят где-то, – принялась за своё Дездемона.

– Три человека – не один. Если б гуляли у кого, вся деревня б знала, – задумчиво покачал головой председатель.

– А может, они в другой деревне блудят? – не успокаивалась ревнивица.

– Слушай, Верка, хватит, может, а? – раздражённо накинулась Люська на Дездемону. – Если твой по бабам шарится, это не значит, что и у других такие же.

– Вот что, девушки, – почесал затылок председатель, – в другую деревню они вряд ли подались – трактор-то здесь стоит. Походите-ка вы лучше по нашему посёлку, может, у кого в садочке опохмеляются. Ну, а если к вечеру не объявятся, тогда ко мне, будем искать всем миром. Но, скорее всего, пьют они где-нибудь втихую.

...Вечером в конторе у председателя Зойка нервно докладывала:

– Всю деревню несколько раз обошли, нет их нигде, как сквозь землю провалились.

– Вы в Осиновку позвоните или в Волково, – встряла в разговор неугомонная Дездемона, – там они развратничают, чует моё сердце, больше негде.

– Попробую, – снял телефонную трубку председатель.

Но ни в Осиновке, ни в Волково о пропавших ничего не слышали.

Через час к правлению колхоза на мотоцикле подкатил участковый.

– Вот, Филимоныч, пропали у нас трое. Вчера у барского дома кирпич чистили и с работы не вернулись. И сегодня их никто не видел. Трактор у развалин стоит, инструмент валяется, а мужиков след простыл. Прямо наваждение какое-то, словно НЛЮ их забрало.

– Знаю я это НЛЮ, – затараторила Дездемона. – Ты, Филимоныч, к Нюрке сходи, у неё они, нюхом чую.

– Да что ты чушь всё несёшь, – накинулись на Дездемону подруги. – С тобой же к Нюрке ходили, нет там никого.

– Так она вам этих кобелей и покажет, раскатали губищи, – не сдавалась ревнивая баба.

– Верка, помолчи, – оборвал её участковый. – А вы тоже успокойтесь, – прикрикнул он на загалдевших баб. – Найду я вам пропажу, куда ваши мужики не денутся. Не растворились же они. Наверняка пьют где-то, больше и думать нечего.

Но ни в этот вечер, ни на следующее утро мужики так и не объявились. Мало того, за ночь пропало ещё четверо. Филимоныч в недоумении только руками разводил и пытался переорать наседавших на него баб.

– Ну, не знаю я пока ещё, где они находятся! В других деревнях их тоже нет, значит, здесь где-то схоронились.

– А может, неживые они уже, – запричитала вдруг Люська.

– Что ты ерунду городишь, – сорвал голос участковый. – Что значит – неживые?

– А то, – с новой силой заволновались бабы. – Может, маньяк у нас в деревне объявился, или чечены в рабы мужиков уворовали, или на выкуп.

– Какой маньяк, какие чечены? – вылупил глаза Филимоныч. – Общее помешательство у вас, что ли?

– Сам дурак. Аль телевизор не глядишь? Вот в Чечении сколько рабов находили, и денег мильоны требуют! – орали бабы, не давая участковому опомниться. – А ты тут штаны протираешь. У тебя из-под носа семерых уже утащили, а ты и глазом не моргнёшь. Совсем нюх потерял!

– Да чё вы на Филимоныча набросились? – пожалела растерявшегося милиционера Верка.
– Никакие это не чечены, это волковские шалавы наших мужиков сманивают.

– Дездемона, ты уж прям сразу объяви, что в Осиновке и в Волково позавчера публичные дома открыли, а мы об этом до сих пор ничего не знали, – съязвил кто-то.

Вокруг раздался оглушительный хохот.

– Ладно, смейтесь, – обиделась Верка, – а вот как ещё кто пропадёт, тогда вспомните мои слова, да поздно будет, опутают мужиков лахудры волковские.

Дездемона как в воду смотрела – к вечеру пропало ещё девять человек.

– Звони в область, пусть собаку присылают, – наседали на участкового разъяренные бабы.

– Не смешите народ – собаку приглашать! Что тут, убийство какое произошло? Ни трупов, ни крови. Да меня пошлют куда подальше, и весь разговор.

– Тогда сам ищи, нюхай, а не стой тут как истукан!

– А вы не орите, у меня от вашего ора уже мозги вздулись, того и гляди лопнут.

– Пусть лопаются, один чёрт от них никакого проку.

– Всё, бабы, шабаш! – рывкнул на толпу Филимоныч. – Я вам говорю: они точно где-то пьют, поэтому давайте искать их всем миром. Сегодня уже поздно, скоро темно, поэтому устроим в огородах засады. Им же нужно чем-то закусывать, думаю, к утру их вычислим. Если нет, тогда с утра каждую щель в округе проверим. Согласны?

– Чего уж теперь, – дружно закивали бабы, – назначай, кто куда.

– Дежурить будете по трое. Если кого увидите, – шум не поднимайте, пусть запасутся, чем пожелают, а потом, когда обратно возвращаться станут, проследите за ними. Заметите, где прячутся, – и сразу ко мне. Мы их всей деревней брать будем. Всё ясно?

– Давно бы так, – воспрянули духом бабы, расходясь по назначенным местам. – Уж мы их возьмём, так возьмём, только кости затрещат!

Где-то только-только за полночь, сидя в засаде за кустами смородины в своем огороде, Зойка толкнула локтем Люську.

– Слышала? – указала она кивком головы в сторону забора.

– Что? – испуганно прошептала Люська.

– Штакетник треснул.

– Я сейчас проверю, – дёрнулась было с места Дездемона.

– Сидеть, спугнёшь, – схватила её за локоть Зойка. – Филимоныч приказал только вслед идти.

Бабы вновь затаились, напряжённо всматриваясь в темноту. Минуты через две от забора отшатнулась чья-то тень. Кто-то порыскал по огороду минут пять и опять исчез за забором.

– Пора, – поднялась из-за кустов Зойка.

Замирая от страха, бабы осторожно двинулись вслед ночному пришельцу. По земле стелился редкий туман, небо приволокло тучами, и только редкие звёзды, выглядывая из-за них, давали возможность преследовательницам различать впереди смутную фигуру.

Тень выделявала замысловатые петли, плыла в волнующейся дымке в сторону барских развалин.

Люська, Зойка и Верка, дрожа в предчувствии чего-то ужасного, старались не отставать от «привидения».

– Зойка, видала? – вдруг затыкала пальцем вперёд Дездемона. – Испарилось оно, нет его нигде.

– Ой-ё-ёй, – закричалась в ужасе Люська, – это мертвяк, бабоньки, зама-а-нивает!

– А-а-а! – заголосила Верка и первая кинулась прочь.

За ней рванули и остальные. Не разбирая дороги, спотыкаясь и падая, бабы с дикими подвываниями влетели в деревню. Найдя Филимоныча у правления, они, перебивая друг друга, принялись взахлёб рассказывать ему о случившемся.

– Мертвяк это был, – заикаясь, всхлипывала Люська. – Мертвяк самый натуральный, я сразу обратила внимание! Над землёй парил, ноги болтались из стороны в сторону, а как до развалин долетел, тут же пропал, сквозь землю провалился.

– Старый барин это, – выпучив глаза, показывала параметры привидения Дездемона. – Мне ещё бабка рассказывала: ходит по ночам, невесту себе ищет. Найдёт красивую и за собой в могилу утаскивает.

– Ага, точно, – раздался чей-то насмешливый голос. – За Дездемоной мертвяк приходил. Красивше её в нашей деревне сегодня не сыскать никого.

Кругом грянул громкий смех сбежавшихся на крики баб, и в сторону Верки понеслись подковырки.

– Что ж ты, Верка, за ним не бросилась? Глядишь бы, уж сидела б сейчас во дворце подземном и купалась в золоте и бриллиантах. Иль Зойка с Люськой не пустили?

– Дуры, я ить серьёзно говорю, – не на шутку разошлась Дездемона. – Барин это мёртвый, вот вам крест.

– Ага, барин, – смеялись кругом, – встал из гроба и напрямик до Верки, невесты написаной! А она его не поняла, счастье своё под землю упустила.

– Ну, всё, хватит, – отсмеявшись, строго прикрикнул на баб Филимоныч. – С бариним всё ясно. Вы мне лучше скажите: место, где это привидение исчезло, вы запомнили?

– Да вроде, – неуверенно затопталась на месте Зойка.

– Тогда пошли, – скомандовал участковый и решительно зашагал на длинных ногах в сторону барской усадьбы. Не услышав за собой шагов, Филимоныч оглянулся назад. – Вы чего? – удивлённо спросил он у стоявших как вкопанных женщин.

– Ночью?! – ахнула Дездемона. – Я не камикадзе какая-нибудь добровольно отправляться на съеденье к вурдалаку.

– Какому вурдалаку, какому вурдалаку?! – топнул сапогом обозлённый Филимоныч. – Ты чего, белены объелась или наркотик какой проглотила?

– Ничего она не глотала, – вступилась за Верку Зойка. – Откуда нам знать, кто там шастает! Может, там бандиты какие, бандеровцы?

– Кто-кто? – аж присел поражённый Филимоныч.

– Бандеровцы, – неуверенно повторила Зойка.

– Тьфу ты, черт! – сплюнул в досаде участковый. – Точно сдурели. Какие ещё бандеровцы, их уж полвека как нет!

– А если нету, тогда кто это, а? – скрестила руки на пышной груди Зойка.

– Мужики это ваши, вот кто!

– Не, мужики наши ни с того ни с сего растворяться не станут, я по своему Степану знаю, – задумчиво произнесла Люська.

– Ну-ну, давай высказывай, кто же это, по-твоему? – раздражённо посмотрел на неё Филимоныч.

– Права Верка, как бы Вы над ней не смеялись, барин это прежний, места себе не находит.

– Может, и точно барин? – засомневались вдруг бабы. – Ведь и нам раньше в детстве бабки рассказывали страшные истории про развалины.

Филимоныч, открыв от изумления рот, обводил всех обалдевшим взглядом.

– А может, и не барин, – неожиданно изменила своё мнение Люська. – Может, мертвяк какой к кому в дом хотел прийти, кладбище-то рядом.

– Свят, свят, свят, – закрестились бабы, испуганно поглядывая друг на друга.

– У тебя что, крыша совсем поехала? Приди в себя! – заорал на Люську Филимоныч. – Может, санитаров из дурдома вызвать?

Спустя минуту он обратился к толпе:

– Ладно, бабы, давайте по домам. Возьмите, если уж вам так страшно, вилы, топоры, фонарики, и вперёд, барина искать.

– Я кол осиновый захвачу, – серьёзно заявила Дездемона.

– Зачем? – не понял Филимоныч.

– В сердце вурдалаку вбивать.

– Бери хоть десять, – махнул рукой участковый.

Через час вооружённые до зубов бабы во главе с Филимонычем подошли к заброшенной усадьбе.

– Кажись, где-то здесь, – неуверенно остановилась Зойка у кустов сирени.

– Тогда так, – громким шёпотом распорядился Филимоныч, – разбиваемся на группы по пять человек и тихо, как мыши, обследуем каждый кустик, каждое деревце, каждую канавку вокруг. В случае чего, кричите. Ясно?

– Ясно, – дружно закивали бабы и разбрелись в темноте.

Минут через десять ночную тишину прервал дикий вопль:

– А-а-а!

За ним прозвучал другой, потом третий, и через минуту вся округа вопила что есть мочи. Со всех сторон мимо участкового в сторону деревни пробегали бабы. Спотыкаясь, они падали в мокрую траву, тут же вскакивали и продолжали свой бег, крича дурными голосами.

У Филимоныча глаза полезли на лоб от изумления, и он, сам не зная, что и подумать, кинулся вслед за женщинами. Только у околицы все потихоньку остановились.

– Вы чего? – перевёл сбившееся дыхание участковый, поправляя фуражку. – Случилось что?

– Заорал кто-то, – икнув, ответила Люська.

– И что?

– Страшно, – загалдели кругом бабы.

– Значит, кто-то один заорал, – стало доходить до «Анискина», – и все – тоже, кто-то один побежал – и остальные тоже, так?

– А сам-то чего, лучше, что ли? – огрызнулись бабы.

– Кто первый закричал, признавайтесь! – не стал вступать в перебранку участковый.

– Ну, я, – всхлипнула в толпе Дездемона.

– Почему, можно полюбопытствовать? – ехидно спросил Филимоныч.

– И-и-из-по-од з-з-земли г-г-голоса разд-д-давались, – стучала зубами Верка.

– Свят, свят, свят, – в страхе закрестились бабы.

– А тебе не померещилось? – прищурил глаза Филимоныч.

– Н-н-нет.

– Понятно, – участковый задумчиво почесал затылок, сдвинув фуражку на густые брови.

– Что понятно? – насторожились женщины.

– Под землёй они.

– Кто «они»? – в испуге взвизгнули в толпе. – Мертвяки?

– Дуры, мужики ваши, вот кто! – в сердцах сплюнул Филимоныч, поражаясь бабской глупости. – Видать, нашли всё ж погреба...

– Какие погреба? – с любопытством уставились на «Анискина» бабы, отходя от испуга.

– А такие, – обвёл всех победным взглядом участковый. – Если вы помните сказки про барина, должны помнить и рассказы про винные погреба, что были в старину при этой усадьбе. Мне отец рассказывал, что в его молодости эти подвалы ещё искали, а потом забросили, посчитав всё это за выдумки. Но, видать, правдой оказалось, другого объяснения пропажи наших мужиков не нахожу. Видать, наткнулись случайно на погреба, ну и...

– Идём назад! – загалдели вокруг бабы. – Верка, показывай место, где голоса слышала. Это что ж такое, без нас дворянское вино хлестать?!

– Не пойду, – упёрлась Дездемона. – Давайте утром.

– Никакого утра. Сейчас, немедленно! – орали бабы, подталкивая Верку в спину. – До утра они, может, всё выпьют. Что ж, из-за твоей трусости нам без барского вина оставаться? Веди, а то поколотим.

Вернувшись к развалинам, Дездемона молча показала «страшное» место.

Тщательно обследовав небольшой участок усадьбы, бабы наткнулись на лаз под землю, прикрытый ржавым куском железа. Из-под него наружу прорывались приглушённые мужские голоса.

– Ну, вот вам и барин-вурдалак, и мертвяки, и бандеровцы, – усмехнулся Филимоныч, отодвигая в сторону ржавую крышку. – Я спущусь первым, оценю обстановку, а потом вас кликну.

– Ни черта, – оттолкнули его в сторону бабы. – Не надо нам никакой обстановки. Знаем мы тебя, чёрта. Счас будешь орать, что всё конфискуешь именем закона. Мы чего, зря страхи такие терпели, ночь не спали, чтоб ты наше вино у нас отбирал? Отойди, Филимоныч!

– Пойдите, – попытался прорваться к лазу «Анискин», – слово даю, что не буду ничего конфисковывать. Сами подумайте, мужиков надо подготовить. А то ведь вас увидят – сразу скандал, мордобой. А я их припугну, пострашаю, тогда и вы спуститесь.

– Не врешь? – подозрительно поглядывали на Филимоныча бабы.

– Да когда я врал?! – оскорбился участковый.

– Перекрестись, – нахмурилась Зойка.

– Вот-те крест! – простучал по груди Филимоныч.

– Лезь, – согласились бабы.

Минут через пятнадцать из лаза появилось раскрасневшееся довольное лицо Филимоныча.

– Бабоньки, да там не склад, а клад самый настоящий! – в восторге тряс початой бутылкой вина «Анискин». – Ох и вина, ну и вина! На неделю пить не перепить!

– Где там наши голубочки? – радостно затараторили бабы, спускаясь в погреб. – Соскучились, небось, без нас?

– А то-о-о! – глухо ответило подземелье.

ЛОСЬ

К деду Андрею Ивановичу на юбилей собралась вся родня: сыновья с жёнами, дочери с мужьями и внуков целый детский сад. Кто к празднику пешочком до дедовой избы дотопал, а кто и поездом добирался несколько суток. Пашка, к примеру, старший сынок, аж из самой Москвы приехал, шутка ли? А ещё на поздравление родня ближняя и дальняя стеклась. Сёстры, братья Андрея Ивановича, родные да двоюродные, за ними сёстры да братья бабки Лены, жены именинника, а там дружки закадычные, да и просто соседи по улице. А коль улица на деревню Смирновку всего одна выстроилась, так можно прямо и сказать, что собрался у деда Андрея почитай весь народ, что в Смирновке проживал, человек за сто, а может, и под все двести, если с детишками высчитывать.

Ну, и ничего удивительного, ведь дед Андрей в большом почёте среди деревенских числился. В прежние времена агрономом в колхозе служил, а помимо профессии, ещё и рыбак, каких поискать, да грибник заядлый. Ко всему прочему пасеку содержал, единственную на всю деревню. Так что если за медком для профилактики от всяких там хворостей, ну, это, известное дело, к Иванычу, к кому ж ещё? И не драл дед Андрей за лакомство в три шкуры, как в городе. Кому и задарма мёду нальёт, если человек хороший или в бедности. А уж рыбак какой, тут и разговору нет, ас, да и только, корифей, хоть сейчас в академики. И о наживке всё до скрупулёзности выложит, и о снастях поделится, где какую рыбёху ловить да в какую погоду обскажет. Так что мужики к нему завсегда за советом, поскольку кто же в Смирновке не рыбак? Но Андрей Иванович всё же главный. А грибник каковский! Пойдут компанией в лес и лишь в опушку вступятся, его и нет уже. Все в корзинах только дно успеют прикрыть, а дед Андрей с полной навстречу идёт и в усы ухмыляется. И на спор не раз мужики руки били, кто быстрее грибов нарежет, да всяк Андрею Иванычу проигрывали.

Ну, во всём как будто Андрей Иванович мастак, но оказалось, что не во всём – охотник никакой. Тут и не его вина даже, просто в самой Смирновке вообще никто не охотился, как-то не заложилась эта пристрастность в местных жителях. Рыбаки, ягодуники, грибники – это да, а вот к охоте – с полным безразличием, и разговор о сём ни разу не заводился. А если б кто и завёл, поглядели бы на него, как на умалишённого, да и весь сказ.

Но как бы то ни было, а Андрей Иванович частенько сны видел, как с двустволкой по лесу на медведя крадёт, и чем ближе к зверю подбирается, тем всё больше и больше душа обмирает, а сердце колоколом в груди бьётся. А уж когда медведь, вот он, рядом, стрельни только да тащи

добычу домой, сон резко обрывался, и Андрей Иванович, весь потный, непременно вскрикивал и просыпался. Не давал, видимо, деду Андрею покоя тайный зов предков. Тайну эту про охоту жена Лена знала. Ну, а где жена знает, там и дети ведают.

Вот на юбилее Пашка и достал неожиданный подарок – ружьё-двустволку, купленное по случаю у спившегося горе-охотника. Все так и ахнули, а Андрей Иванович даже слезу пустил, так расчувствовался. Целый час ружьё главным объектом внимания было, каждому мужику подержать хоть с полминуты оружие требовалось, к плечу прижать, мушку навести. Ну, и разговоры под это дело охотничьи завязались, хоть на охоту отродясь никто в самой деревне не хаживал. Однако тут вдруг открылось, что и Николай, сосед, где-то на Дальнем Востоке медведя обкладывал, и Петро, брательник двоюродный, на волков на северах ходил, и даже Минька, деревенский пропитуха, зайцев десятками отстреливал, когда на Урале срочную служил.

□ Всё! – вскричал распалённый разговорами и спиртным Андрей Иванович. – Завтра спозаранку иду на охоту на лося! Вот! Кто со мной, полпятого сбор у ворот.

□ А чего ж на лося-то, Иваныч? Мабуть, на медведя зараз? – расхрабрились мужики. – Медведок-то, слыхивали, шастат по округе. Вона, в Красных Баках у Игнатовых улыи разорил, а в Карпунихе у Михеевых бычка задрал. Так, можа, и подстрелим его? Себе мясо, соседям – подмога.

– Нет, сказал! – стукнул кулаком по столу Андрей Иванович. – Говорено на лося, значит, на лося. Ён – зверь справной, на всех хватит. К тому ж не стреливал его никто, как я вас послушал. Вот Колян медведя брал? Брал. Так что ж, я опосля его вторым буду? Ни в жисть! Петька на волка ходил? Ходил. На фиг мне с ним повторяться. Минька зайцев травил? Травил. Не хватало, чтоб я ещё с Минькой вровень ставился!

– А чем я ниже тебя? – поперхнулся самогоном Минька.

– Сиди уж, пока не прогнали, – зашикали на него дружки-выпивохи.

– Кто лису гонял, кто тетерю выслеживал, кто белку в глаз подбивал, кому кабан на пути попадался, – продолжал Андрей Иванович загибать пальцы, – а вот на лося хаживать ещё никому не приходилось. Вот я первый на деревне его и порешу.

– А почему ты?! – вновь вскинулся охмелевший Минька. – А можа, он мне достанется!

– Ага, на живца. Бутылку с бражкой к палке привяжешь и тут же поймаешь. Они ж, лоси, только что на твою брагу и поклёвывают, особо спозаранку, когда похмелье на них, как и на тебя, западает, – засмеялись кругом.

Поутру человек двадцать вышли к лесу. У каждого за плечами мешок с припасами и нож за голенищем. А Минька, тот даже корзину прихватил и вилы в придачу.

– По грибы, что ли, Митяй? – встретили его смешком охотники.

– Ничё не по грибы, – нахмурился Минька. – Под мясо взял, мешок вот прохудился.

– А вилы пошто? Лося в глаз бить?

– Да не-е-е. Он зайцев вилами натывает. Он же у нас мастак по ушастым. Вчерась сам бахвалился, как в солдатах с ними воевал, весь Урал по сию пору без зайчатины живёт.

– Брешите, брешите, – беззлобно отбивался Минька от подтрунивавших мужиков. – А вот коль какой кабан вдруг на вас или волчара выскочит, вы что, его ножиком тыкать будете?

– И то правда, мужики, – вступился за Миньку дед Андрей. – Хоть по рогатине какой прихватите, всё ж какая-никакая подмога.

Минут через десять каждый подобрал себе по дубцу, и все дружно двинулись вслед за Андреем Ивановичем.

– Куда идём-то, Иваныч?

– В Горелый лес. Я там о прошлом годе два раза лосей видал, когда по бруснику хаживал.

– Так, мабуть, куда поближе? Это ажно чуть не десять километров топать, ежели не больше, даль така, – захныкал Минька.

– А ты не ходи, кто неволит, – отмахнулись от него охотники. – Зайцы, поди, и тут-то шлындают. Наловишь на уху.

– Вот ащё, – насупился Минька и поплёлся вслед за всеми.

Пройдя лесом больше половины пути, дед Андрей объявил привал, и все охотники с радостью попадали в траву. Лес в июльскую пору был хорош: светел, тёпл и приветлив, шелест листвы и щебетанье птиц – всё это очаровывало и наполняло лёгкостью и мечтательностью.

– Эх, хорошо-то как! – растянулся на траве во весь свой богатырский рост Пашка. – Благодать, да и только!

– Это да-а-а, – согласно кивнул дядька Петро. – Лучше нашего леса в мире и нет ничего.

– Ну, ты сказанёшь, – засмеялся Пашка. – Мир – вон какой огромный, и Африка, и Америка. Мест-то сколько всяких, не счесть. Есть, небось, и покраше.

– Места-то, может, и всякие, а такого, как у нас в Смирновке, зуб даю, нету, и не говори зазря, – зажмурил от удовольствия глаза Петро. – Где ащё стокмо ягод да грибов растёт, а? А где, чтоб березнячок, а в ём берёзки как на подбор, по-девичьи в струнку вытянулись, а? А чтоб сосняк корабельный до самого неба или ёлки распушены, будто павы? То-то! Вона и речка наша, Шиманиха, каких нет нигде. Чистотелая, величаявая, рыбами да раками богатюшая, что там Волга!

– Ты на Волге-то бывал хотя б?

– А чего на ей бывать, интерес какой? Рыбы нет, грязна от берега до берега, река разве? Токмо время тратить.

– Насчёт времени, это ты, Петро, точнёхонько угадал, – поднялся на ноги дед Андрей. – Хорош загорать, идтить пора, а то так-то и зверя не увидим.

И только он это произнёс, как где-то вдали раздался громкий дикий рёв.

– Что это? – аж подпрыгнул от неожиданности Минька. – Слыхали?

– Не глухие.

– Мабуть, гром? – предположил кто-то, когда рёв повторился.

– Какой гром, – сдвинул брови Николай, – медведь энто. Токмо он так ревьёт, боле некому.

– Можя, не он, – побледнел Минька, крепко схватившись за вилы. – Можя, кто другой?

– Кто другой?

– Ну, лось али кабан.

– Ты чё, Минька, сбрыкнулся, чего ли? – скривился Николай. – Ты ещё скажи, что энто заяц. Говорено же, медведь, токмо он так орёт, за версту слышно.

– И чаво таперь? – заволновались вокруг.

– Чаво-чаво! Дак ничего. Вона у Андрея Иваныча ружжо, будем из его косолапого стреливать. Так ведь, Андрей Иваныч?

– Так, конечно, оно так, – почесал затылок дед Андрей. – Токмо я на лося собирался, патроны на него с вечера заготовил. Подойдут ли на медведя?

– Ну, так чего паниковать-то зазря, – вытащил из пачки папиросу Николай. – Доставай, давай скорей, Иваныч, из сваво мешка патроны да заряжай, покуда медведь ещё далече.

– Давай, давай, Иваныч, – воспрянули духом мужики.

– Чичас, чичас, робята, – засуетился дед Андрей, развязывая мешок.

Несколько раз перевероротив содержимое котомки, дед Андрей ошарашенно уставился на мужиков.

– Нету, – испуганно прошептал он. – В другой мешок вчерась, видать, положил.

– А-а-а, – заскулил Минька и обессиленно опустился на землю.

– Чаво деять-то будем? – виновато обвёл всех взглядом Андрей Иванович.

– Бежать надоть, – предложил кто-то.

– Не-а, – хмуро покачал головой Николай. – От косолапого не убежишь – догонит и порешит поодиночке.

– На дерева надоть лезти, – захныкал Минька, – можя, он мимо пробежит.

– Каки дерева, дурак али как? Медведь по деревьям, что белка.

– Так и что?

– А вот что, – обвёл всех суровым взглядом Николай и затушил папиросу. – Встанем кругом, дубцы в руки, у кого ножи – тоже. Могёт, косолапый спужается и в сторону уйдёт, а нет, так хоть спробуем его завалить, чем есть. Даст бог, получится.

На том и порешили, встали в круг и стали ждать. Минут через пять со стороны густого ельника послышался хруст веток и дикий рёв. Минька закатил глаза и шлёпнулся в обморок.

– Итить его, – прошептал сквозь зубы Николай, – положите вояку в круг.

А ещё через полминуты еловый лапник раздвинулся и...

– Ах, кудрить её растак, – выдохнул кто-то из охотников, – это ж корова!

На мужиков из-за ёлок вылупилась рогатая, с белыми пятнами голова заблудившейся бурёнки.

– Ни фигу себе! Я чуть в портки не наложил со страху, а тут такое! – возмутился пришедший в себя Минька.

– А чё, надо было медведю заместо коровы, чтоб, значит, наложил? – рассмеялись вокруг.

– И чё теперь делать будем?

– Ничё, назад до дому вертаться надоть.

– А как жа лось? – совсем расстроился Минька. – Я ж мясца собрался подловить, даж корзину взял.

– А вона лось, – хохотнул Петро, указывая на бурёнку. – Вот сведём домой, а там и оприходуем, ежели бесхозная.

Так незадачливые охотники и вернулись в Смирновку несолоно хлебавши. Мало того, ещё и трофейная корова оказалась пропажей бабки Полины. После такого случая дед Андрей подарок свой велел сыну назад в город свезти, чтоб ничего о его конфузе не напоминало.

Но всё ж один раз в пару-тройку недель, как только стадо коров возвращалось в деревню с выпаса, на боку у бурёнки Андрея Ивановича краской было кем-то жирно выписано: «Лось».

Поэзия

Михаил Зайцев

Михаил Зайцев родился 1 сентября 1948 года в посёлке Новый Восток Алтайского края. Первая книга стихотворений, вышедшая в издательстве «Молодая гвардия» в 1978 году, была отмечена премией и признана лучшей книгой года среди молодых поэтов страны. Автор более двадцати поэтических сборников, лауреат многих литературных премий, в частности премии имени Марины Цветаевой и «Большой литературной премии России». Многие стихи переведены на европейские языки. Член Союза писателей России. Живёт в Волгограде.

***

И что тебе надобно в наших краях,
Чужая, залётная птица? –
Подстрелят, поджарят на жгучих углях
И станут над сердцем глумиться.

А ты ведь как раз и мечтала сказать:
«К вам сердцем хотела прижаться»,
Присолят и выдавят пальцем глаза,
Чтоб в них уже не отражаться.

Марине Ганичевой

Давай присядем, посидим
У краешка стола
И в телевизор поглядим
На всякие дела.
Что говорить, когда в стране
Все разом говорят,
И города, как на войне,
Горят, горят, горят.
А стайка ушлых удальцов
Спешит наверх скорей,
А дети русских без отцов
Растут, без матерей.
Афган, Чечня... И передел
Такой большой страны,
Что, постарев и поредев,
Пошли на убыль мы.
Нам жить с улыбкой не судьба,
И неуместен смех,
Коль все народы – за себя,
А русские – за всех.

Слова

Выплывают из памяти, словно из гавани,
Обойдённые мною когда-то слова –
Величавые, русские, светлые, главные:
Голубые просторы, небес синева...

Началась будто заново
жизнь с понедельника,
Захотелось всё вновь на весы положить –
Выплывают слова, словно Русь,
беспредельные,
Без которых нельзя, да и незачем жить.
Будто новою мерою прошлое меряю
И от этого чище, добрей становлюсь.
Выплывают слова тишины и доверия,
Веры в мудрость твою
и могущество, Русь!

***

Свет мерцающий ручья,
Тропки вздох вечерний...
– Чья ты, милая?
– Ничья.
– Вот и я ничейный!

Вскину сумку на плечо
И айда на пчельник!
– Чьё ты, полношко?
– Ничьё.
– Вот и я ничейный!

Светят звёзды горячо
Ёлкою в Сочельник.
– Чьё ты, небушко?
– Ничьё.
– Вот и я ничейный!

Тропкой, полем вдоль ручья
С ходу – в мрак вечерний.
– Чья ты, Родина?
– Ничья.
– Вот и я ничейный...

***

И вдруг внезапно, словно первый снег,
Среди ночи разбудит человек.
Ты, на звонок открыв немного дверь,
Услышишь: «Не гони меня, поверь –
Я брат тебе по сердцу и уму,
Невмоготу мне стало одному!»
На твой спросонья отчуждённый взгляд
Поникнет вдруг, попятится назад
И канет в темноту и пустоту...
Жене ты скажешь: «В дверь попал не ту».

***

Эти гости не нашего круга,
Не по кругу нас водят *они*,
Без сомнения и без испуга
Расписали по графику дни.

Им плевать на мужицкую долю –
Им показывать свой интеллект,
Невтерпёж нахихикаться вволю
Над «собранием пьянчуг и калек».

Свадьба песней богата и пищей,
Только где же хозяин-жених?
Гости ржут, запропавшего ищут,
Зная: он под пятою у них.

Ах, невеста, ах, лебедь-подруга,
Коротай одинокие дни!
Эти гости не нашего круга,
Но по кругу нас водят *они*.

В первый класс

Пора мне!
Мама добрым словом
Напутствует, не сводит глаз
С меня, а я стою в обновах –
Сегодня в школу, в первый класс.
И мама, солнечно проста,
Суёт мне шоколада плитку
И открывает мне калитку,
Как будто райские врата!

***

И я бы мог подплясывать восторгу,
Высоким чувством к Волге щеголять,
Но ранним утром погляжу на Волгу –
Идёт по глади молодая мать.

Над нею свет небесный бесконечен,
Её улыбка радости полна,
И я бегу к ней, глупый и беспечный, –
Меня швыряет к берегу волна,

Относит к дому, городу и долгу,
И силы нету противостоять...
Но поздней ночью погляжу на Волгу –
Уходит вдаль, чуть различима, мать.

Проза

Татьяна Грибанова

Татьяна Грибанова родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор трёх поэтических книг «Апрель», «Прощённый день», «Сказ о Судбищенской битве», книги деревенских рассказов «Лесковка». Печаталась в журналах: «Наши современники», Роман-журнал «XXI век», «Московский вестник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Подъём», «Простор», «Лик», «Родная Ладога», «Славянин», «Странник»; альманахах «Звезда полей», «Орёл литературный»; на сайтах Росписателя, «Русского поля», журнала «Великоросс», журнала «Камертон»; в периодической печати Москвы, Орла и др. Член Союза писателей России. Лауреат-победитель в номинации «Привет, Россия!» Всероссийского конкурса «Звезда полей» им. Н.М. Рубцова. (2012г.) Специальный диплом «Прохоровское поле» за поэму «Судбищенская битва» (2013г.)

Живёт в Орле.

ДВОЕ

*Однажды Пётр спросил у Иисуса:
моему, согрешающему против меня?*

До семи ли раз?»

На это Иисус ответил ему:

*Не говорю тебе: до семи,
но до седмижды семидесяти раз».*

I

«А и тот-то с им! – сплюнул Сергуня, проходя мимо припорошенного позёмкой Кирюхи, – нехай с паразитом Господь сам разбирается. Посчитает, что ещё нужен на этом свете – выкарабкается, а нет – к Сретенью выгаит».

Дед ещё с утра отправился в сельмаг. Уж и засумерничало, а он, пробираясь в конец деревни, всё никак не добредёт до своей хаты – то у Петра Митрофанова положение дел на Кавказе пообспросил, то столковались махнуться гусаками с Витькой Сиротинным, даже магарыч выпили.

Январь, знамо дело, – не июль, чуть развиднело, не успеешь сигаркой затянуться, уж и снова темень на дворе, хоть глаза коли.

А тут ещё – суд (будь он не ладен!). На второй день Крещенья назначили, посередь недели. Автобус – только по выходным. Как до райцентра добираться? Вот и пришлось куму кланяться: не оставь в беде. Машина у Петра Николаича, хоть и легковуха, а зверь. Ни осенская хлябь ей нипочём, ни распоследние сугробины. Всю деревню этот «зверь» выручает. Да и хозяин, дай Бог ему здоровья, – мужик с понятием, не отказывает.

– Ай, до сей поры не примирились? – только и спросил он у старика.

– Дак где ж с им, лихоманцем, поладишь? Житья от его нету!.. И за что мне доля такая злосчастливая, проклятый я что ли?.. Шибко Кирька неуживчивай! Чижало с им, кум, силов нету! Прямо невмоготу! Навязался хамлет фашистский на мою голову, – отмахнулся вязёнкой Сергуня, – и стыдил я его, мордастого, и совестил, и Христом-Богом уговаривал, дажить вожжами охаживал, толку – ну, тебе ни на маково зёрнышко... Всё, как с гуся вода...

Вот ить рассуди ты, как с им, паскудником, справиться. В прошлом годе прямо с прудка гуськов моих по очереди, всех до единого, перетаскал... Дак оно и понятно – в хате и на подворье – шаром покати, одна стеклотара, хочь лапу с голодухи соси... ни какой малой скотинишки не

имеется, а жрать-то ему, нехристю, хотца. Вон верзила гладкий какой! Здоровай, хочь об лоб поросят бей! Плечи ширше ворот. Его ж, бугайну, заместо мерена Игреньки в плуг впрягать.

- Надо было ещё тогда Степанычу заявление накатать. Участковый он или как? Должен, наконец-таки, разобраться.

- Свое ведь, - дед швыркнул носом, затынулся вчастью, раз пять подряд, - стыдоба-а!.. Лёгко сказать!.. Скрось земь провалишься! Я ж его, сопляка, во младенчестве, кады он чуть поболее воробья был, на руках тетешкал! Как же теми самыми руками - и в кутузку?.. Вот где горе-то! Не привязанный, а завизжишь...

- Ну, и получай теперь, жалостливый ты наш! – подытожил кум.

- Оно, конечно, правильно... Кхэк... Надо б приструнить как следно шкодника, – согласился, наконец-таки, Сергуня, - вот опять же - за три дня до Успенья взорвал у меня палец на правой руке – ни пить, ни есть, на всю хату выл. Картохи рыть, а я обезручил. Покудова с пальцем в больничке провожжакался, суседушка мой ненаглядной, язви его, с уборкой помог, не поленился – полбакши начисто выгреб. Хоть бы себе на прокорм картохи в погреб ссыпал, а то ить, сказывают, с Маруськой за первак рассчитался... А та тожить - скаредная душонка, нет, чтоб восвоеси спровадить, знает ведь, спёр Кирюха продукт, не постыдилась, прихапнула... Господь ей судья...

Я б, наверно, и ччас не решилс в суды ввязываться. Но почтальонша Людка, ты же знаешь её, спуску никому не даст. Дак вот... Под Николу принесла она, значить, газету, а я пробой правлю. Она и спрости, мол, что, дед, разбогател, новый замок ладишь?

Что ж ты, девка, насмехаесси, говорю, сама пенсию доставляешь, на счёт деньжишки мои знаешь... Вчёрась, сталбыть, как ты ушла, прибрал я их, растрёпа, в шкапик да, как на грех, за соломой ржаной на Мершину спровадилс. Антоновку передержал, с мочкой припозднился. Возвернулся, глядь, а пробой выворочен, туточки, прямо у порога, ломик с замком и валяются... В хате, веришь, нет, что твои басурманы похозяничали! На понюх табаку не оставлено. Холодильник нарастапашку, пуст, как ноябрьская бакша. Я - в шкапик! Как чуял! Хвать - фигу с маслом!.. И пенсию притырили... А до самого суседского подворья тонюсенький ручеёк из сахарного песку. Кирька-то не знал, что мешок с-под сахару мыши сгубили, он у меня в углушке стоял... не стронешь, дырявый... Такие вот, говорю, девка, дела... А ты тожить мне – разбогате-ел!

Кхм...Ты же знаешь, Миколаич, Людмилу-то... Толковать с ей, что с глухой али совсем бестолковой, всё одно своё гнёт... «Что тут долго думать, - тараторит, - убей меня гром – опять Кирюха, окромя и некому!» И рраз, – меня не спросимши, огорошила - на кнопки понажимала, Степанычу всё подробно и обсказала, так и так. Доложила, значить. Дажить прикрикнула в аппарат, мол, нечего тень на плетень наводить, до каких-таких пор деда будет энтот мородёр забижать? Подчистую обобрал! По миру пустил! Пошто никаких мер не принимаете?

Вот... Так и завертелос энтю дело... Не повезло мне с суседом...не повезло... Дажить под сердцем от горя звенеть стало... А теперя что ж? Теперя доставь меня, кумочка Миколаич, будь добр, в среду в район... Власть просют.

Сговорились, что дед с первыми петухами, затемно, спустится со своей Козловки (до хаты даже «зверь» не проберётся, одна разъедина, след в след, стёжка), а уж у развилка, перед мосточком, Николаич его и подхватит.

II

Козловка большой деревней не была никогда. А нынче - и подавно. На крутом урынке этом живых душ – всего-то две: дед Сергуня, под восемьдесят, и сороколетний лоботряс, горький пьяница и забулдыга, Кирюха. Остальные хаты – крест-накрест.

Дед оглянулся на неосилившего подъём Кирюху, высыпал на него от души, как из рукава, все ругательства, которые мог припомнить на тот момент, и, стараясь впотьмах не оступиться с перебитой заметью тропинки, заспешил до хаты.

Вьюга поднималась аховая. Ночь била в лицо ядрёной колкой сечкой. Жутко и студёно было на порожней улице. Деревня, как в дёготь, окунулась. На душе заворошилось что-то недоброе, и деда обуяла дикая, беспросветная тоска.

У двора в мужицкий рост за день подвалило сумёт. Подналёг плечом, кое-как отзынул калитку, протиснулся на подворье. В хлопьях бесившегося снега не различались ни обнесённый кривыми жердями стог, ни притулившаяся к его боку телега.

Духом отжитого прошлого повеяло от выступившей навстречу хаты, кружившейся вместе с землёю, снегом и небом в каком-то пустом и диком раздолье. Сергуню охватило скорбное уныние. Запеклось где-то глубоко в груди, на самом доньшке, ничем не размочить...

Из крошечного мрака не выкраивались окна. В сенцах не дохнуло дымком. Откуда ему взяться-то? Фёдоровна уже год, как на Поповке... уже и снится стала реже... теперь всё больше снится Сергуню святость... (кабы в его силах, лёг бы, не раздумывая, рядом со своей старухой)... Кому ж растопить? Слава Богу, дед на всякий случай с утра заправил дровишками свою растрескавшуюся у поддувала изразцовую группку.

Не скинув шубника, перво-наперво, Сергуня плеснул на полешки из бутылки керосинцу (хата совсем простыла, когда-когда разгорится!), и поленья тут же занялись, громко застреляли, забрызгали искрами.

Дед погромел ковшиком у фляги с водой, наполнил под завяз прокопчённый чайник, водрузил его на плитку. Прямо в полушубке уселся чистить картошку.

Уже по хате и дух жилой пошёл, а он всё не раздевался. То ли из-за надвигающегося бурана, то ли от опостылевшего одиночества (даже ходики замерли, неподдёрнутые гирьки пали на половик, и кукушка перестала с дедом «балакать»), у Сергуни ещё горше защемила душа. От чего? Да дед и сам не мог разобраться. Скулила и скулила... Прямо, как вечно голодная и прозябшая Кирюхина собачонка Муха.

А может, сожалела бобыльская душечка в этот затерянный в январе и дикой орловской глушобине вечер о дедовой непростительной упёртости? Прими он тогда сноху Галинку... Прости тогда сына, скрепись и стерпи... Не сидел бы сейчас отшельником... И хата была б протоплена, и похлёбочка с разварцу... и яишня, и пироги к Хрищенью... к Престолу... Заходить вить домой нету мочи... дальше ишо чижелше будет... А и прощать - не прощать-то Лёшку за что? Ну, взял с дитём... ну, послушался?... Дак, видать, по сердцу пришлась Галинка-то. Живут ладно... Уж и обчих двое... На внучатков бы взглянуть...

Сквозь нарастающий свист за окном, сквозь гудение разыгравшейся печки Сергуня отчётливо расслышал вой бедолажной Мухи. Откинул Фёдоровнин кружевной подзор, нащупал под кроватью скороходовскую коробку. Пошуровал в ней, кинул под язык сразу два валидола. Колкая боль в груди... Видать, разладилась в нём какая-то хреновина... И в лёгких что-то хрипло попискивает.

Постоял чуток, приткнувшись к потеплевшему лбу печки. Обрадовавшись, было, тишине за обоями, зашуршали мыши. Но дед поманил из сеней кота, и писк, и возня стихли. Приоткрыл крышку кастрюли, старик сыпнул в бурлящий кипяток щепоть соли, сдвинул доходившую картошку с жару.

Подпёр кочергой дверцу группки, придвинул под неё таз с водой (не дай Бог какой уголёк сиганёт на пол), и, нахлобучив ушанку, ещё не осознавая зачем, вышел за порог... Не осознавая зачем, саданул в метельное небо из прихваченной в чулане воздушки.

На секунду задержался на крыльце, присев на приступку, смольнул. Обвыкаясь глазами, насторожил слух: на соседском подворье, забившись в полусгнивший стожок соломы, истошно и отчаянно всхлипывала Мушка.

Усталый и тусклый Сергуня наощупь пробрался в дальний угол крыльца, где когда-то по просьбе жены пригородил кладовку. Так же нашарил, снял с гвоздя глубокое корыто. «Умели ж раньше ладить, - подумалось ему, - ить и сносу посуду нетути!»

Лет сорок назад, когда голопятым соплюнам Лёшке и Кирьке года по два было, не боле, когда их друг от друга и палкой было не отогнать, соседка Зинаида, Кирюшкина мамка, задыхаясь в доярстве, подкидывала напригляд Сергуниной матери Демьяновне и своего малолетку. Одногодки, они так и варзались вместе... Тогда детей-то, на деревне было, что комарья...

Вынесет, бывало, топтавшаяся по хозяйству Демьяновна, такое же, а может быть, и это самое корыто на подворье, на солнцепёк, нальёт водицы, та к обеду - что молоко парное. Усадит

старушка пострелят рядышком в корыто, а они и давай брызгаться, плескаться. И Демьяновна, сцепивши на фартуке руки, чуток передохнёт с ними рядышком.

Так и пособила бабка, Царство ей Небесное, выходить Зинаиде сына... А вообще-то сызмала Кирька был ребёнок, как ребёнок – сопливый, чумазый, в одной рубашонке...

Нету давно Сергуниной матушки Демьяновны... нету ни соседки Зинаиды, ни супружницы Фёдоровны... никого уж не осталось на их дальнем урынке... только совсем потерявшийся в этой растреклятой жизни Кирька да престарелый, всё ещё продолжающий тянуть земную лямку, дед Сергуня.

III

Откопав калитку, дед распахнул её пошире (чтобы проехало подцепленное верёвкой корыто). Подпёр калитку орешинной и, ворча на весь белый свет, начал пробиваться по проулку. Там, на стёжке, у трухлявых ворот, под старой, обвешанной шапками вороньих гнёзд берёзой, дед надеялся отыскать некудышнего соседа... Если его ещё не перенёс в родимую хату всетерпимец Ангел Хранитель.

Ветер сшибал Сергуню с ног, путались, мешали продвигаться полы шубника. Но, малопомалу, дед дополз до заметённого напрочь Кирюхи.

- Сынок, слышь-ка, сынок! Господе Суси! – принялся расталкивать он мужика.

Свернувшийся клубком, запорошенный Кирька не шевелился, падай на землю небо – нипочём не подымится. Только зубовный стук и скрежет. У Сергуни захолынуло, смертно упало сердце.

- Чтoб тебя!.. Батюшки-святы! Ай, совсем невмочь?.. Самая работница! Сколь делов нонче можно своротить, а ты, что сороконожка, булгатисся на земле туды-сюды, а всё без толку... Сколь вижу, соломины за жись с земли не поднял. Ходишь, обормот, по чужим дворам, побирушкой придуриваисся... Знаешь жа, что дурной, выпимши... Ни одной драки в деревне без тебя не обходится... Испортился народишко... Крепость в душе потерял... добром всё это не кончится... Спohватится, кады жареный петух клюнет... Ишь, разлётся тут... боров! Какие фортеля выкидываешь!

Тьфу! – кровь загудела глухо и тревожно, ударила деду в голову. И он забегал вокруг Кирюхи куропаткою, со всего маху принялся лупить стервеца по щекам, осипшим от волнения голосом кричал, - а ну, подымайси! Ишь, чего удумал! С кем же я в среду у Степаныча толковать стану?.. Ну, уж нетушки! Ты у меня, собачий сын, за всё ответишь. За все свои пакости под завязку схлопочешь! Я те покажу, ядрёна Матрёна, кисельные берега, молочные реки! Такую характеристику пропишу! – Сергуня, уже не разбирая по чём, изо всех старческих тщедушных силёнок ожаривал, молотил Кирюху. До тех пор, пока, наконец, тот не приоткрыл, оглумело, глаза и, окрысившись на такое, прямо сказать, плёвое отношение, не обложил деда отборным матом.

Заслышав Кирюхины матюги, Сергуня уселся на сугроб, утёр треухом проступивший от молотыбы пот, а заодно и слёзы, евшие подслеповатые его глазёнки. Страх с деда схлынул. Он улыбнулся от уха до уха, хихикнул сквозь коротко подъеденные усы.

- Вот спасибочки! Давно бы так! Спаси Христос! - мелко перекрестился дед, прошептал одними губами, - почеши язык! Полайся! А то тожить мне... клещами слово не вытащишь... молчит, как дохлый!.. Ну, тя! Перепужал в усмерть! Ты брось мне энти штучки! У меня (хоть мне уже, слава Богу, семьдесят с агроменным гаком), делов по горло, некоды с тобой валандаться! Подымайси... Христа ради... Чичас же тебе говорю! – Принялся, было, с трудом скручивать негнушимися пальцами цигарку. Но ветер разметал крупичицы табаку, вырвал из рук газетный лоскуток. К тому же, Кирюха вдруг снова обмяк и затих.

Сергуня всполошился, некогда распотякивать. Пока не хватил Кирьку «кондрашка», не теряя больше ни минуты, подкопал под ним снег, подставил корыто, кряхтя и вспоминая недобрый словом Демьяновну, выкормившую такого бугая, катушкой, кое-как впихнул в «посуд» найдёныша: «Ну, с Богом!»

IV

Была глухая январская полночь, когда, впрягшись в вожжи, измочаленный Сергуня дотащил-таки закаляневшего соседа до своей хаты, на самый взлобок Козловского бугра. Мог, не мог, а сделал!

«Усё!» - пристроив несчастного на свой тулуп, брошенный на исслеженный катанками пол, поближе к огню (ни на печь, ни на лежанку встать Кириюху у Сергуни уже не осталось сил), старик метнулся в чулан за поллитрой.

Перво-наперво (хоть душа Кирькина уже отказывалась принимать) влил ему вовнутрь гранёный стакан мутной, пахнувшей свёклой самогонки («а то как жа – чижалораненай!»), потом до самого рассвета растирал и угревал руки-ноги; подкидывал в группку поленья, не давая выстудиться хате; заваривал то на одной, то на другой, собранной ещё Фёдоровной травах, чай.

Кириюха не осиливал держать кружку, прямо не жилец на свете, и дед, понимая всё мудрым сердцем, насильно терпеливо поил его, осоловелого, поддерживая питьё шершавыми, протабаченными пальцами, выхаживал из последних сил. Узвар проливался с сухих, растрескавшихся до ран, пылающих Кирькиных губ.

...К утру, качнув присмирившие воздуха, раскололась стылая тишь. На Кириюхину хату, срубив подчистую трубу, рухнул подломленный отбушевавшим бураном вяз. Эхо долго ещё гуляло по подворью.

- Кабыть, случилось что? – дед поскрёб жёлтым заскорузлым ногтём замороженное окно, - вишь, как гукнуло!

Часу во втором пополудни, когда неожиданно, как диковина, сквозь скорлупу облаков проклюнулось несуразное солнце, болезный прочухался - краше в гроб кладут. Осунулся, оброс. В глазах всё туманилось и плыло. Его мелко трясло. На душе – муторно. Башка лопалась по швам, виски вываливались от боли. Во рту спеклось, язык к небу присох.

Плакал, слёзы в горошину... молча... сам не зная от чего... Голова его (чего уж там!) волей-неволей тряслась у Сергуни на груди. Дед, поглаживая Кирьку по спине, чуть слышно бормотал: «Укрепи, Господи!»

К обеду обмороженный заскрежетал зубами. Выпучив глаза, нате вам, завыл и застонал уже от боли, не хуже Мушки.

А ближе к ночи, когда по верхушкам Сергуниных антоновок колобом покатиалась алая Крещенская луна, он заметался и жарко сокрушённо зашептал. Не разобрать, о чём... Поднимался, кидался куда-то идти, тут же падал, обессиленный, навзничь, пышкал, как утопленник, ловил глоткой воздух.

Дед, чтобы яркий свет не мучил болезного, горевшего, словно в адовом огне, Кириюху, щёлкнул выключателем, затеплил в дальнем углу лампадку. И, мелькая в полумраке кальсонами, поминутно приходил на выручку. Шебаршился, метался от Кириюхи к Святым отцам на Божничке, от Божнички - к чугуну с растопленным гусиным жиром. Смазывал им посиневшего Кирьку.

В подтопке гудел огонь, раскалив докрасна чугунную дверцу, в открытом поддувале ало светились уголья. Время от времени, набрав в железный совок румяных, успевших нагореть берёзовых углей, сутился у самовара, подсыпая их в его прожорливое нутро. В самоваре беспрерывно домовито булькала вода, и из веру султаном бил сипящий, пропитанный малинником и вишняком духовитый пар.

Пробедолажив до свету, Сергуня смекнул, что ни медами, ни травами Кирьке уже не помочь, нельзя упускать ни минуты. Вспомнив, об уговоре с кумом, не сомкнувший глаз две ночи к ряду Сергуня, засобирился к развилку.

Как только мало-мальски развиднело, и забубнило над кухонным столом радио, с горем пополам, укутав болезного, чем только мог, дед вывел его с крыльца. Уложил кое-как в корыто на старый шубник, на охапку сена. И двинулся в путь.

Ветер гнал высью вороха обеснеженных облаков. Если бы не ночной буран, торной стёжкой под горку можно было бы спуститься куда быстрее. Но Сергуне пришлось прокладывать след по рыхлому чистополью. Когда бы не кинувшийся ему на подмогу Николаич, кто его знает – дотащил бы дед своего подопечного до развилка.

Взявшись за края шубника, уже вдвоём перегрузили они Кирюху в «зверя» и помчали на всех мыслимых и немыслимых газах в райбольницу. И только когда передали его с рук на руки срочно вызванному в регистратуру доктору, у Сергуни чуток отпустило на сердце. Как-никак, всё-таки медицина! Хоть и места живого на мужике не найти, а помереть не дадут!

...Видя, что с дедом лучше не спорить, Николаич подвёз его к РОВД. Уже через пять минут Сергуня вышел обратно, твёрдо объявил: «Никаких судов-делов не будет! Так я порешил...»

V

Под Сретенье, неожиданно, негаданно, приезжал отведать деда сын. (Видать, схлынула обида на отца).

Протолковали они с Лёшкой двое суток. Но сыну не удалось уговорить упрямого старика заколотить хату и переехать к нему на жительство. Так и отчалил разобиженный Лёшка восвояси.

Сын отбыл, а Сергуня ещё долго разяснял прижившейся в его сенцах Мушке: «Как пойтить, ну скажи ты мне на милость? Лёшка ещё куда б не шло... А сноха?.. Вдруг корить станет, припомнит старое? Мол, из-за тебя, старый, с деревни сорвались, по чужим углам мыкались. А теперь, как припёрло, деваться некуда, к нам припожаловал? А совесть у тебя имеется или с квасом съел?.. Бога ты не боишься... Не-е, Мушатка... не к чему срываться... накидал по дури каменьев, до смертюшки не собрать...»

За Мушкой он ходил сразу, как только Кирьку обустроил в больнице... Как не пожалеть?.. Когда пришёл за ней, из глаз её собачьих прямо плескалось горе и отчаяние... и мольба... и надежда.

На другой день, после Лёшкиного отъезда, дед засобирился в район. К Кирьке. Сготовился, как положено: натомил в чугулке с десяток яичек, наловил в кастрюле солёных рыжичков, натоптал банку капустки, сварил пеструху, ту, что в Крещенские холода лапку подморозила, конечно, яблочек мочёных, огурчиков-помидорчиков бочковых. Словом, всё чин чинном.

Сходил ещё раз на поклон к куму Николаичу, мол, отвези попроведать болезного, не беспокоил бы лишний раз, сам бы уж как-нибудь добрался, но вдруг Кирьку, выпишут... небось, ещё слабый...автобусом не сдюжит... За ним я... вить, окромя меня, у него, паразита, больше никого на цельном свете и нетути.

В палату Сергуню с боем, но всё-таки допустили. Правда, ненадолго. Когда дед, напялив кое-как выданные ему сестрой синие целлофановые тапки, наконец, очутился около Кирюхиной кровати, он, повидавший много чего на своём веку, содрогнулся. Если бы не знал наверняка, что это его сосед, которого он помнил с малого щенячьего возраста, Сергуня ни за что бы ни признал в страшно изуродованном человеке Кирюху.

С обмороженного лица клочьями сошла кожа, буро-красные пятна, густо покрытые всяческими мазями, всё ещё сочились и не заживали.

Поверх простыни лежали перебинтованные руки, вернее, то, что от них осталось: на правой - только два пальца, а у левой недоставало всей кисти.

Но самое страшное дед обнаружил, опустив свой взгляд ниже. Когда Сергуня подивился несоразмерно короткому телу Кирюхи, его полосула жуткая догадка: обеих ног, по самые колена, не доставало.

Подошла минута расставания. Кирюха совсем квёлый... поник, словно иззябшая болотная цапля, знал уже, что через месяц, если всё будет более-менее сносно, его переправят в одну из богаделен, и с Сергуней они скорее всего уже никогда не свидятся. Будущее его страшило до дрожи, до озноба, небо рухнуло на землю.

- Прости ты меня, дед... за-ради Христа... прости, - прошептал он, разомкнув изъязвлённые губы.

- Я что жа?.. Свое мы... Не седьмая вода на киселе... Оно, положим... сказать по правде... ты Бога проси... пушай он простит... А я что жа? – и Сергуня, ничего не видя от слёз, потопал к двери. Всю обратную дорогу, тяжело вздыхая, раскуривал одну за другой, дед, забыв о Николаиче, разяснял сам себе: «Такого старику на пригляд, проси, не проси, ни за что не выдадут».

Как не тосковала в ходиках кукушка, Сергуня так и не поддёрнул с половиков гири... А зачем ему теперь время-то?

ЕТИ

1.

Было-перебыло много чего в жизни деда Степана. Но вот что удивительно: зажил по-настоящему, кажется, только, когда вышел на пенсию.

Пристроился на птицеферму ночным сторожем, дело самое, что ни на есть стариковское. Век такой должности дожидался! Сиди, на своём посту, почитывай, или на крыше курятника, на небесах учёт веди: где чего упало, где народилось, куда чего пролетело. А главное – чтоб чего внезапного не объявилось. Благо лет... да почитай уж с десятков, как прикупил он для таких целей «дальновидной приборец».

Как-то, после Покрова, подвалили двух боровков, Степан отправился с ними на ярмарку. А когда вернулся, жена его, Фрося и слова вымолвить не смогла. С расстройства на неделю слегла... уж такая тоска у неё во всём теле объявилась! И душа захвора-а-ла!

Это ж надо так «супружницу» огоршить! До такого ещё додуматься! Все!.. До копеечки!.. Денежки от боровков на трубу подзорную пустить! Вот где горюшко-то! На «гулюшку» железную!.. Во сколь рубликов стала!.. И как только руки не одеревенели!?

И по сей день трубища та окаянная (будь она не ладна!) не сломалась, не заржавела. Как ночь, всё в небо таращится.

Уж и под девяносто, уж и волосьев на голове, что у облетевшего одуванчика: потяни ветерком, последние растеряет, а дед – всё туда же! Уходить со своего поста ни за какие коврижки не соглашается.

Правда, сейчас у него забот поприбавилось, выше шапки: и по двору приберися, и Глашку подои (а она, козлища привередна-а-я! Наподдаст и наподдаст удой), и пеструхам сыпани, и за Мурчиком проследи, чтоб с кубанов сметану не снял, да мало ли какие хлопоты крестьянские! А всё оттого, что жена окончательно от рук отбилась. С годами совсем слова его в резон не берёт. «Ить, толковал же, - вздыхает не в духах старик, - посыпь золой стёжку, склизко! Нет... Не слушает! Гнёт своё... Сама и шлёпнулась. Баба, она и есть баба: пока жареный петух с тылу не клюнет, не хватится!.. Теперь вот в больницу залегла, кода-кода возвернётся... И сама ходить, небось, ноить, и ты тут пропадай... Тяни теперя лямку один-одинёшенек... Ни блинцов тебе со сметанкой, ни похлёбочки с развару... Удовольствия прям таки ниже среднего»...

Слава Богу, часу в третьем пополудни прикатил нынче к празднику правнук Серёжка, дровец, мол, подколоть, порядок армейский в хате навести. Жаль, у деда дежурство. Ну, ничего, завтра, с утречка за Новый год по маленькой – в самый раз.

В шестом часу, когда в окна пролился густой черничный свет, прихватив новый журналчик, пододев собачий тулуп (мороз к ночи, кажись, покрепчал), в благостном расположении духа, не опечаленный ни малейшими худыми мыслями, дед отправился на свой пост. Приду, - думает, - потопчусь чуток по двору, да - в коптёрку. Какому лешему вздумается шастать по улице в праздник, да в такую холодрыгу? Ни тебе начальства, ни фулюганов, ни чёрта с рогами. Дажить шебутной, заполошной Васька Тетёркин не станет над дедом насмеяться, снежками по курятнику пулять, пеструх шарохать... Читай – не хочу!

Воздух трещал, аж в ушах звенело. Мороз - злее бабки Капотихи, ветки шиповниковой. Дед, чтоб притерпеться к холодрыге, принялся, было, натирать лицо шерстяными вязанками. Хоть три, хоть не три рукавицей щёки – ух-ха! лицо обжигало ледяным полымем. Сугробов – пропасть! Да к тому ж поднималась позёмка. Всё сильнее дёргал паршивец-ветер, шмыгал по низам, шебуршал в ракитнике, расфурыкивал неслёгшийся снег, стебал колючками в глаза. Небо – синим-синё! Темень – непроглядная. Ни месяцишка, ни собачьего брёху для ориентира. Самая воровская ночь. Дед, идя то задом, то боком, спустился ох-хох! по крутому взвозу в лощину, чертыхая стужу, наощупь, дополз до службы.

«Кхэк-кхэк! Уж думал – каюк!» - перевёл дух. Пошвыркал носом, утёр рукавом проступившие слёзы. Похлопал, словно озябший извозчик, рукавицами, обобил о колено шапку и только тогда застучал по каляному полу калошами, прошёл от дверей.

Со вчерашней ночи закуток-сторожка (три шага вдоль, пять – поперёк) повыстыл, продувает его, словно мышеловку. Старик настрогал топориком щепы, наломал об колено пересушенного тальничку, сверху – загодя наколотых берёзовых поленец; обшарил карманы, чиркнул спичкой по коробку, и буржуйка заиграла.

Самое время сообразить чайку. Степан только-только отхворался: чистил снег, распотевши, хлебнул холодной водицы, горло и «завалило». Поискал глазами чайник, греманул, вытряс ледышки. Ковшом оттолкнул в фляге плавающие чурбачки (кинул, чтоб посуд не разорвало), наполнил заново копчёный-перкопчёный чайник. Снял с гвоздя вишнёвый веник (прутики – толщиной со спичку), наломал жменьку, другую вишнячку, и – в него.

Иного напитку Степан сызмалу не признавал. Маленький правнук Серёжка всё, бывало, деда за клинушек бородки тормозит, любопытничает, чего это, мол, дедка, ты даже зимой вишенками пахнешь. А чем же ему ещё дышать? Почесть, как выкарабкался «чижало раненый» в конце сорок первого из медсанбата (лёгкое «дю-у-жа задело!»), так и дал зарок: сигарку боле вовек в руках не держать. Сколь «беломориной» не затягивался! С тех пор, как задавил в пальцах последний окурочок, одежда его дышит чебрецом-земляничником, а то всё боле вишняком.

Крошечная коптёрка потихоньку наполнялась живым духом, промёрзшие, посеребрённые углы её обтаяли, душа отмякла, дед, наконец-таки, скинул тулуп, и, оставшись в подбитой овчиной телогрейке, вынул из тормоска маковые баранки, каждый раз привозимые внуком ему в лакомство.

Стол наспроть печурки. Буржуйка гудит, раскочегарилась. Потрескивает тальничек, постреливают полешки, выскакивают раскалённые угольки, шипом шипят в приставленном к буржуйке тазу, под завяз утрамбованном снегом. Теплынь, хоть на полу валяйся. Тут и вода в чайнике «заходила».

Обмакивая баранку в кипяток, смакуя пахучий чай, дед Степан крякнул то ли от удовольствия, то ли от подзуживавшего любопытства, вооружившись очками, приготовив для картинок прикупленную правнуком лупу, развернул журнал.

И сразу же - в полстраницы чуть примутнённый снимок! «Гляди-ко! Обезьяна – не обезьяна, человек-не человек?.. Губастай верзила! – подивился через лупу дед. - В каком-то Айдахо, - где «энта Айдаха» размещается дед слыхом не слыхивал. – Ну вот, нате ж вам!.. Опять!.. Как не верить, коли прямо прописано: рост – от метра восьмидесяти до двух с половиной! От это да! А вес – мама, не балуй! - до трёхсот пятидесяти килограммов. До трёх с половиной центнеров! От это силища! От это махина! Таковскому всё – ни по чём, всё - трын-трава! – ахал дед, хлопал себя по ватным стёганым штанам.- И придумали ж прозвище – Ети. Оно, конечно, не понятно, но для ихних чудищ ничего, сойдёт. Как-то даже ласково - Е-ти».

Ходики, что Степан притащил из дому за ненадобностью (правнук водрузил на кухне новые, электронные часы), шуршали ни шатко, ни валко. Несколько раз старик придрёмывал. Очнётся – в руке надкусанная баранка, подкинет в печурку дровишек, прислушается к свисту пурги, плеснёт в алюминиевую кружку золотистого вишнёвого кипяточку и снова уткнётся в журнал.

2.

Откуда было деду знать, Серёжка ведь о своих планах ему не сказывается, какой конфуз произошёл в этот вечер с правнуком?

Недели три тому назад сговорился баламут с Сергея Кольцова младшенькой, с Настёной, Новый год вместе встречать. Уж он и так девчонку уламывал, и эдак. Видать, районные ухажёрки показали мотыльку от ворот поворот.

Если б знал тогда шалопут, чем обернутся ему эти уговоры, обежал бы за семь вёрст проказницу Настёнку.

Девчонки, они, знамо дело, болтушки, для них язык за зубами подержать – сушая казнь. Настёнка и похвалилась подружкам о Новогоднем свидании. Лучше бы она смолчала! Чего

грешить, Серёжка ей нравился, и давно. А тут, оказалось, и Валюшку, и Галинку ходок не раз провожал из клуба.

И втравили её покинутые парнем девчонки, две змеищи, в историю, до которой она сама бы вовек не додумалась. Сговорились они над гулёной в складчину подшутить, устроить ему девичью месть.

Настёнка, эдакий бесёнок, шепнула Серёжке, мол, не прочь справить Новый год в их бане. А чего? Баба Фрося – в отлучке, дед – на посту. Никто не помешает. Когда ещё такой случай подвалит?

Уж как он обрадовался, и сказать не скажешь. В душе что-то заворошилась. Расхорохорился в пух и прах. Сготовился честь по чести, праздник, как-никак, годовой! Прикупил всё, что полагается: и выпить-закусить, и подарочек «от Деда Мороза», всё чин-чинарём. Настёнка ни какой-нибудь «неходовой товар», не потасканная, не притворная. Девчонка стоящая, если что – и посвататься не грех. Таковую приступом не вот-то возьмёшь.

Истопил Серёжка от души баньку, смотался на чердак, снял бабы Фросины венчики, новенькие, с травами всякими-разными, даже в подпол нырнул, нацедил ковшик-другой медовухи. Накрыл в предбаннике стол, Настёнку дожидается. Извёлся весь.

В самый последний момент та отступилась, было. Но кому не знать, что зависть – первейшее зло и напасть? Подружки-соперницы нашептали, мол, нет в округе юбки, которую, наобещав воздушных замков, не пытался бы сдёрнуть Серёжка, и с тобой распотешится, и поминай, как звали, растает в предрассветной дымке. Не жалея, мол, его, кобелистого! Наказать его надо от всего девичьего племени.

И запала эта худая мыслишка в хорошенькой Настёнкиной головке... Часов в десять распахивается в баньке дверь, на пороге – запорошенная Настёна. Пальтишко скинула – что с шести веретён водой окатила. У Серёжки дух перехватило, сдуреть можно! Ягодка-росинка! Пряник заморский! «Ну ты, - думает, - лети холостяцкая жисть в тар-тарары! Отколобродил, тут те, паря, и пристань!.. Бросай якорь!.. Ведь мог же раньше, а не разглядел!»

Приглашает девушку к столу. Пробку - в потолок, а Настёна чуть пригубила и, ни маленько не сконфузившись: «Может, сначала - в парную?» Серёга даже опешил, в голове – шурум-бурум, такого стремительного разворота событий даже он не ожидал.

Ну, что ж – баня, так баня!

Пригасив радость, через пень-колоду, руки от волнения трясутся, (голубь ручной да и только!) стянул он с себя наутюженные брюки. Рубашку сдёрнул, аж пуговицы о половицы конопелинами жареными защёлкали, и – в парную (оно правильно, чего девчонку смущать, пусть спокойно разденется, переусердствовать никак нельзя). Первый раз в этом деле заработал. Кваску на камушки плеснул, парку поддал, всё ни сразу глаза в глаза.

Дверь тихонько скрипнула, пар в то самое время и расступись. Стоит перед ним Настёна, вот она – вся, как есть, - глаз не отвести, слова не промолвить. Серёжка остолбенел даже – захочешь сыскать изъян, ни за что не найдёшь!

А девчонка поставила на полку какие-то склянки-пузырёчки, сощурила глазки, улыбается: «Что ж ты, ай, не рад?»

Опомнился парень. Потянулся было прильнуть к тугой девичьей груди, но Настёнка увернулась: «В баню пришли или как? Давай-ка попаримся, а там, как звёзды лягут».

Во рту спеклось, голова загудела, словно опоили-одурманили чем.

Бойтся Серёжка девушку спугнуть. А у самого на уме: «Коли мужем её отсюда не выйду, не жить мне вовсе!»

- Я вот тут бальзамчик прихватила, ну-ка, зацени, - тянется Настя за пузырёчком, - на меду луговом, на травах росных, ещё бабулин рецептик, опробованный, выйдешь из баньки – неделю младенчик-младенчиком, - на ладошку вытряхнула содержимое пузырька, по Серёжке размазывает, а тот – глаза закрыл, что твой кот на завалине, вот-вот помрёт от счастья.

Не прошло и десяти минут, Настёна вдруг: «Ой, совсем забыла! Я счас!- и - шмыг в предбанник. Мало ли что человеку приспичит? Может, кваску бабы Фросиною испить?»

Лежит Серёга на полке, млеет. Шик-блеск – тру-ля-ля, радость через края! И пить – не пил, а словно нетверезый.

Отблески от печки мягкие, ласковые, возятся на полу, точно котятки малые... Волнами радости расплывается по баньке задушевное тепло. Даже ко сну клонит... Лежит парень минуту, лежит две, лежит пять... Уж пора бы Настёне возвратиться. Затревожилось вдруг сердце. Выскочил «раздешкой» в предбанник – никого, двери в сенник распахнул – темень! Прямо с лица опал.

- Настюш!

- Аиньки!

И тут! – шарах на него что-то впотьмах с чердака – мягкое, пушистое, снег – не снег, завалило с головы до ног, липнет к измазанной мёдом спине, к животу, путается в волосах. Мало того – окатило чем-то жидким, дохнуло, как из аптечки. А наверху кто-то зафыркал, запрыскал, занадсмехался.

Серёжка от неожиданности выпустил ручку двери. Проклятая дверница - хлоп! Серёжка слухом угадал: заперлась изнутри на засов.

- Здрассте! Вот это влип! Хоть в моток сигай! - мелькнуло в голове у бедолаги. Такой чудовищной наглости кто ж поймёт?.. Сглотнул слюну. От безнадёги в животе сначала объявился тихий шелест, а потом всё сильнее заурчало. Губищи-то раскатал, а получил?.. Натуральный шиш! - Фингал подвесить, подзатыльников налепить за таковскую дель – и то некому!.. Вокруг пальца обвела! Хитрая, что твоя лиса! Сотворила своё чёрное дело и хоть бы хны! Дурак я, дурак!.. Я те заделаю бяку! Попадись ты мне, отучу шкодничать!.. Ребятишек, не мене шестёрки сработаю!

Слава Богу, до хаты всего-ничего, метров триста. Банька у бережка, через пуховитую бакшу перемахнёшь, зарослями задичалого просвирника продерёшься - тут тебе и дощатая дедова веранда.

И Серёга, посинев и покрывшись гусиной кожей, врубил четвёртую. Обрулив реденький березник, бакшой, крыжовниковыми кусточками, проложил через холмистый рельеф змеевидный след.

3.

А в это время дед Степан в своей коптёрке, скрестив по-татарски на топчане ноги, изучал под лупой фотокарточку Ети. Сидел дед, сидел, журнал закончился. Ети почти родной, исследован, как свои пять пальцев... Улёгся старик на топчан, затянул, было, про Хаз-Булата – не в голосе, как-то сипловато... «видать, посла боolestи»... Ворочался, ворочался, хлопал, хлопал глазами... не спится. Как будто что зачуял. Надо же такому случиться! Век поста не покидал, а тут, знать, бес попутал, дело-то к полуночи.

«Сёдня у нас што? Тридцать первое! Ёлки зелёные! Все люди, как люди, счас за стол усаживаются. А мне, горемышному, какая радость? Позабыт, позаброшен... спасибочки, дажить мыслишкой перекинуться не с кем, - затосковал с чего-то вдруг дед, - да ну его к лешему, этот курятник! Торчи, не торчи тут, кому он нонче нужен? За всю службу ни разу пропажи не было. А нонче чего эт? Да ну, к шутам всё!» Дед, поиграв на столе пальцами, подошёл к окну, поотдышивал на стекле кружок, и вдруг решительно засобирался до хаты.

Меж тем метель поутихла. Объявилась спокойная ночь: с дымками по урынкам, с собачьим перебрёхом, с редким, нечаянным петушиным перекриком... Вроде помягчало. Небо захлестнули золотые россыпи. Так поярчало кругом! Ну, и с Богом! Дед, ружьё на плечо (рази ж можно оставить?), держа курс по изгороди, высветленной непонятно откуда объявившемся месяцем, скрип-скрип по сумётам.

Когда свернул на свой урынок, подосадовал. Света в хате не видать. Знать, правнук ушёл гулять с друзьями. «Дак и верно, - уговаривал себя дед, - дело молодое, чего ж в одиночку праздник справлять?»

Старик с трудом распахнул занесённую калитку, засеменял, было, к крыльцу. И тут... ахнул, оторопел! «Напужалси, ажни сердце упало!» Укрепи, Господи! С огородов, перемахнув через горожу, на которой всё ещё колтыхалась перемёрзлая Фросина постирушка, в том же направлении, сломя голову, кинулась высоченная фигура.

Разглядеть подслеповатыми глазами дед как следует, не мог. Но малешки струхнул. Ежистая, тяжёлая, как гиря, головень вжата в плечи, мохнатый, «знать у мамки рылом не вышел»,

шерсть в подлунном свете от инея посверкивает. Челюсть «сарпанопал» вниз откинул, «жамкает» зубами, скрежещет, сипловато, словно неделю некормленная псина, подвывает. Скуластая, страшная «харя» позеленела, носяра – багровый. Видать, в конец залубенел, «как статуя»... Набычился упырь...душонка тёмная! Свирепость несусветная в глазищах! Взглядом одарил, так одарил!.. А может, померещилось деду чёрт-те чего со страху?.. У него-то, у страху, глаза велики! Заикой станешь с этим мордастым! Колени подкашиваются... Тьфу! Грешным делом «и голубка подпустишь», теперя прохватит, как пить дать, прохватит... а то умом тронешься... «Курябчиком» рядом с такой невидалью себя чувствуешь... Отродясь хуже не видывал!

Дед, светлая головушка, хлоп себя по лбу: «Ети! К бабке не ходи – Ети! Чтоб мне Серёжкиной свадьбы не дожидаться! Голову на пень положу - Ети!.. Наши без бою не сдаются!» – вскричал дед и вскинул заряженное солью ружьё.

- Дедуня! – зябко поёжилось, взвыло чудище и, скрежеща зубищами, двинулось на деда.

Но старого пограничника голыми руками не возьмёшь.

- Слышь-ка!.. Внучковым голосом заговорил!.. Глаза отводишь, нечисть?.. Чего гнусишь-то? Ты тут не вякай! По сопатке навалить?.. Али аржаных лепёшек хошь?.. И откуль ты токо нонче в нашей деревне взялси? Иде ты токо до сей порушки обретал?.. Здравой, хошь об лоб поросят бей!... Хрен тебе, сотан дремучий, – не проведёшь! Брысь, говорю, образина, отойди оттудова, не торчи! Я те покажу, как булгатить деревню! Проваливай, ехай к едреней матери (мать-то, небось, и у тебя есть, но сёдня энто может оказаться и не в счёт), шканделяй отсюдова по добру, по здорову, нечего тут чужие горожи мять! Ишь, лось сохатай! Обормот залётнай! Я те быстро рога-то пообломаю! Ходють тут всякай лохмадеи! И как таких токо земляца держит?.. Как дам по уху!.. – Степан задохся от возмущения, даже лысина вспарила, побагровела. Антимонии разводить не досуг, погрозил Ети крючковатым пальцем и нарочито спокойным голосом припужнул, - вот погоди, ужалю! Ей Богу, ежели чего – не сумлевайси, стрельну!

Ети едва держался, чтоб не грохнутья и не завить в голос, но, видать, смекнул, а быть может, знал наверняка, что с дедом сейчас, не сладить, хоть бейся лбом об ледяной порог. Притормозил на всём бегу, сверкнул на деда Степана глазищами, но больше - никаких поползновений. Дал сиплого петуха. То ли из безумных, то ли из задумчивых глаз его плеснулось отчаяние, развернулся, р-р-раз, два! и - погалопировал к амбару. Как ветром сдуло!

Засекретился... Ни слова, ни полслова. Да ну, чего уж там!.. Загнали в угол!

Дед – вояка тот, разгорячился, передвинул шапку козырьком на затылок - нечего с чужаками чикаться, пока ещё мог дотянуться выстрелом, без промедления жажнул солью. Качнув стылую тишь, сотряс начавшие, было, застаиваться воздуха. Гу-улко саданул!.. Эхо ещё долго гуляло по подворью.

Шарахнул, а у самого сердце упало. Заполошничал, сгрёб полы полушубка (запутался было, что бобёр в силке) и, «хочь и чижало», – кузнечиком, кузнечиком - на зады, к укывшемуся в бурьянах сортиру. В тулупе да с ружьём еле протиснулся. Вбежал, и - на чепок. А то чёрт его знает!.. По правде сказать, крепость в душе всё одно не ощутил... Влип в историю!

Чудище взревело, потом, кажись, по-детски безответно-жалостливо всхлипнуло, и, не оглядываясь, ползком-ползком, скрылось в сарае. Помаленьку смолкло. Может, придуривается?..

Дед, присматривая не без робости за амбарной дверью, пообвыкся, натаскал дров, благо поленницу Серёжка сработал любо-дорого, и прямо посередь двора развёл кострище. Всю Новогоднюю ночь, подпрыгивая и стуча калошей о калошу, превозмогая зубовный стук, прокараулил захваченного в плен Ети. Оно и верно: утро вечера мудренее. Хоть в сараюшке и «тыр-пыр-сорок дыр», но выскочить некуда.

В конце концов, как только развиднело, и в курятнике хрипловато-надтреснуто заголосили молодые петушки, подзарядив ружьё, старик засеменил мелкой рысцой, крадучись, приоткрыл воротину амбара. Тишина... Только из телятника, самого тёплого угла, где раньше, когда ещё могли держать коровку, спасали от морозов новорожденных телят, высвистывался мерный храп.

- Кхм! Тык-с! Эт-то... Жив, курилка! Дрыхнешь, мать твою чудищу!.. Пискари-комарики!.. Влопался, значить? Вить я даве из-за тя праздник прозевал, язви тя душу!.. Что, взял? Накося, выкуси! Шиш тебе с мангарином! Меня коли хто провести уздумает, дня не проживёт!» - дед даже осунулся за ночь, запихнул за пазуху рукавицы, неторопясь высморкался, свернул

замысловатый кукиш. Хэкнул, сплюнул через зубы. Мигая красными, озябшими глазками, расплылся в ухмылке.

Волей-неволей, выставив предусмотрительно впереди себя ружьё, напрягся, сплошная пружина, с не скрываемым любопытством посунулся в закуть. Замирая духом, боднул дверцу, обитую изнутри старым ватным одеялом.

Зарывшись в сено, укрывшись старыми дерюжками, в углу клетушки, пожимаясь от холода, спал, целёхонек, ни зазубринки, ни царапины, рехнуться можно!.. правнук Серёжка.

«Батюшки-святые! Вынослив всё ж-таки человек!» - схлынул с деда страх.

Как бы не сопротивлялся правнук приближаться к бане, до самого Крещенья, «хочь и чижало», старик топил её беспрестанно, лупил внука веником, стирал с него зелёнку. Пух и перья, а так же медовый бальзам поддались сразу. А вот с зелёнкой пришлось повозиться.

Оно, конечно, шила в мешке не утаишь. По деревне, захлёбываясь, заметались несусветные слухи-ужасы, мол, дед Степан в бане зелёного человечка пригрел.

- Зелёного али синего не скажу, - прищурил глаз, улыбаясь от уха до уха, хохотнёт на то старик. Мало ли – коснись: что, чего? - разведёт руками, отбиваясь у колодца от острых на язык баб, - а вот Ети, верите, нет, и впрямь, чуть было не споймал. Как на духу! Вы теперя, бабоньки, по грибы-ягоды поаккуратней шастайте, глядите, попадёте сдуру к чудищу в лапы! Ох, споймает!.. знаем мы эти штучки: он же, чёрт, с миром не отпустит... зашибёт али изувечит... ищи тада на него управу!

На Крещенье, с первыми кочетками, обрядившись в новую плюшку, в любимую козюлистую шаль, с полной сумкой настряпанных пирогов, с бутылью «свойской» (как же иначе? а то люди «осудют»), баба Фрося постучалась в двери Сергея Кольцова. Дед Степан, как и положено, – при ней. Настёну сговаривать. Ну, сговаривать, так сговаривать. Тут надобно всё обсказать подробно: у вас, мол, товар, у нас - купец.

Правнук заслал – девка-то золотая, с руками и ногами возьмут, как бы не проморгать!

Поэзия

Сагидаш Зулкарнаева

Сагидаш Зулкарнаева родилась в 1968 году в селе Новопавловка Самарской области. Стихи опубликованы в отечественных и зарубежных бумажных и интернет-изданиях. Печаталась в сборниках и альманахах, кандидат в члены Союза писателей России. Лауреат нескольких сетевых конкурсов. Живёт в селе Новопавловка Самарской области.

***

Выпив ночь из синей чашки,
 Жду, когда нальют рассвет.
 Тень в смирительной рубашке
 Мой обкрадывает след.
 Обернувшись тёплым пледом,
 Обойду притихший сад.
 Пахнет горько бабье лето
 Неизбежностью утрат.
 Звёзды светят маяками –
 Может, в небо, за буйки,
 Где цветные сны руками
 Ловят божьи рыбаки?
 И по лунам, как по рунам,
 Выйти в космос напрямик,
 По дороге самой трудной,
 Где полёт – последний миг.
 Только в доме спит ребёнок,
 Захожу, скрипят полы.
 Не скрипите: сон так тонок!
 В степь пойду, сорву полынь
 И травую горькой, дикой
 Окурю себя и дом:
 Блажь полёта, уходи-ка!
 Полечу потом, потом...

***

У бабы Мани всё как встарь:
 На кухне – книжкой календарь,
 Портрет с прищуром Ильича
 И борщ краснее кумача.
 А во дворе кричит петух,
 Слетает с неба белый пух.
 Старушка хлеб в печи печёт,
 И время мимо нас течёт.

***

Клубок суеты бесконечен,
 Мотай, не гляди в небеса.
 И вот уж опущены плечи,
 И смотрят с печалью глаза.

Уйти бы из жизненной гонки
 Под ветра разбойного свист
 И стать невесомой и тонкой,
 Как этот с прожилками лист...

***

Как в чёрной речке нету дна,
 Так и в тебе мне нет опоры.
 Ты от меня уедешь скоро,
 И я останусь вновь одна.

Не оглянувшись, ты назад
 Уйдёшь, а я поставлю точку.
 И поцелую тихо дочку
 В твои прекрасные глаза.

***

Смотрите-ка, небо пробито –
 Упало на крыши и лес,
 И черпают люди в корыто
 Несметные звёзды небес.
 Лукавые бесы лакают
 Луны просочившийся свет,
 Один лишь прореху латает –
 Непризнанный небом поэт.

***

Без тебя я уже не могу,
 Привязалась, мой милый, к тебе я.
 За тобой и в пургу побегу,
 А одна, как ребёнок, робею.

Говорят, это всё не любовь,
Привыкают, мол, просто с годами.
Почему же ревную я вновь,
Если кто-то стоит между нами?

Много было на нашем веку
Глупых ссор и обид со слезами.
Всё равно без тебя не могу –
Привязалась, как видно, с годами.

***

Всё в мире тленно. Все уйдём туда.
Кто раньше, кто потом – никто не вечен.
Осядет муть, и смоем след вода,
Путь у людей так скор и быстротечен.
И всё, что было, унесётся вдаль,
Другие вслед придут, и будет снова
Поступков и страстей вариться сталь,
И круг вертеться, и рождаться слово.

***

Я еду, еду к милой маме,
Я знаю: ждёт она меня,
С утра воюя с пирогами
И печку старую кляня.
И пусть мороз сегодня страшен,
Аж снег от холода визжит,
Через лесок, вдоль белых пашен,
Дорога к мамочке бежит.
И без пальто, лишь шаль на плечи
Накинув, через всё село,
Пойдёт ко мне она навстречу
И примет дочку под крыло.

***

Да, я баба – в халате, в галошах,
Обитаю средь голой глуши.
Не люби меня, слышишь, хороший?
Отпускаю – хоть пей, хоть греши.

Я похожа на ангела? Ново...
Это с виду, в душе я – не та.
Шар воздушный от шара земного
Отличает его пустота.

Не люби, не ходи понапрасну,
Я стихами и мраком дышу,
И не мерь мою шкуру – опасно.
Я сама эту жизнь доношу.

***

Просто жить и не думать о смерти,
Просто верить всему вопреки,
Что дождей беспросветные плети
Унесутся с теченьем реки.

Просто помнить, что нам изначально
Бог даёт лишь на время весло –
Оттого так на сердце печально,
Оттого так на сердце светло.

***

Сдаёшься невзгодам метельным,
Как листьев увядшая рать.
Серебряный крестик нательный
Не пропуск в неведомый рай.
Живи не с пустыми глазами
Убитых морозом синиц,
Пусть маятник времени замер,
Нет пробных у жизни страниц.
Пусть время твоё так нелепо
Уплыло прогнившей доской,
Вода пахнет кровью и небом,
А воздух – кислотной тоской.
И всё же, чтоб выстоять, в ракурс
Берёшь не окно – небеса,
И климат душевный на градус
Поднимется, вспыхнут глаза.
Глядишь: бесконечна дорога
И вечен рассветный пожар,
Пока на мизинце у Бога
Раскрученный вертится шар.

***

Проходит мимо счастье и любовь,
Окликнешь – отзовется только эхо.
Нет, не сержусь – лечусь от боли смехом
И принимаю с честью день любой.
Чего грустить, когда идут часы,
Полны теплом небесные ладони,
Горит герань, и хлебом пахнет в доме,
Горьки слова, но помыслы чисты?
Чего мне ждать, каких высот хотеть
И обходить какие грани надо?
Ведь дальше неба некуда лететь
И дальше бездны некуда мне падать.

Проза

Юрий Жекотов

Юрий Викторович Жекотов родился в городе Николаевске-на-Амуре. Окончил Приморский сельскохозяйственный и Иркутский педагогический институты. В настоящее время работает учителем в школе. Победитель литературного конкурса «О городе строки мои» в честь 155-летия города Николаевска-на-Амуре, победитель Дальневосточного конкурса природоохранной журналистики «Живая Тайга» (Владивосток, 2011 г.), победитель Всероссийского конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» (Орёл, 2012 г.), лауреат Международных литературных конкурсов «Славянские Традиции» (Крым, 2010 г.) и «Согласование времён-2012» (Германия) и др. Автор двух книг прозы – «Зов белухи» (2007 г.) и «Солнечные хороводы» (2011 г.).

ЗАТЕРЯННАЯ ДЕРЕВЕНЬКА

Так и бежим мы по времечку всё вперёд и вперёд, всё мы заняты, всё нам некогда, недосуг оглянуться и вспомнить прошлое. Книг родовых не ведём, и хорошо, если держим в памяти, как там поживали наши предки хотя бы пару поколений назад... Иваны, не помнящие родства...

А чего там напрягаться, всматриваться в этакую поросшую быльём темноту, зачем хранить в чуланах памяти нашу прародину – лапотную Русь: первобытную кузню и мельницу; крестьянина с бородой по пояс и лошадь, надрывно тянущей за собой плуг; парня с затёртой гармошкой и кочующей из века в век частушкой; заневестившуюся девицу, на Святки выглядывающую в воде суженого-ряженого; бабу-знахарку и живущего за русской печкой домового...

По нынешней-то компьютерно-интернетной эпохе наше прошлое – полное невежество, анахронизм и атавизм. Наступи на него одной ногой, как на хвост пупырчатой ящерицы, отвалится. Да и шут с ним, не беда: новый нарастёт, лучше прежнего, лощёный и напомаженный.

А если не поленишься и хоть немного отодвинуть паутину, коей обильно заросла тропинка в прошлое, то увидятся наши предки небывалыми богатырями, кудесниками и мечтателями: в поисках Беловодья и Китеж-града открывающие новые земли, бесстрашно пускающиеся на паруснике через моря-океаны, мастера на все руки, что сами пряли и ткали, плавил и ковали, столярничали и плотничали... По той ли дорожке мы идём, что затевали в своих мыслях-мечтах наши пращуры, свериться да посоветоваться бы...

С каждым весенним паводком всё дальше уносится то время, когда капитаном Невельским открывались и определялись восточные амурские рубежи России, когда благодаря муравьевским сплавам обрастали берега могучей реки новыми хуторами и сёлами. После горького поражения России в Русско-японской войне 1904-1905 гг. Страна Восходящего Солнца по-своему перекроила границы на карте мира и, особо не церемонясь, прихватила у проявившего слабость северного соседа всю Курильскую гряду и Южный Сахалин. В период Гражданской войны и образования буферной Дальневосточной Республики азиатские колонизаторы претендовали на территории вплоть до Урала. Но к концу 1922 года, всё ещё жадно облизываясь, но поперхнувшись, так и не проглотив лакомый кусок, японцы покинули материковую часть России. И пришедший было в запустение после разрушительных войн и пожаров дальневосточный край стал сызнова заселяться вольными людьми.

В 1928 году на рейде Николаевского порта, устав молотить лопастями амурские воды, прогудел двухтрубный колёсный пароход, буксирующий за собой баржу с переселенцами. На небольшую, недавно отстроенную деревянную пристань высадились партия новосёлов. Среди них семья Засухиных: Егор Ерофеевич, Вера Семёновна и их дети Игнат, Луша, Таня, Маруся, Сергей, Аня. Им не привыкать, ехали не из европейской части России, а из села Чесноково, по современной карте находящегося в составе Амурской области. Жили Засухины в верховьях Амура, а теперь со своими традициями и обычаями пожаловали в самые низовья реки.

Родившиеся в XIX веке, много повидавшие, свидетели двух революции, Первой мировой и Гражданской войн, старшие Засухины выбрали на место жительства небольшую деревушку Какарму. Не имея капиталов в заначке, амурскую эпопею начинали почти на пустом месте, сами строились, обзавелись хозяйством. Егор Ерофеевич со временем возглавил местный колхоз, Вера Семёновна осталась рядовой колхозницей. Подросли дети и уже не покинули Дальнего Востока, разъехались по разным сёлам и городам края российской земли, давая новые ветви своему роду-племени.

По молодости если и слышал что про поселение Какарму, про свои истоки, то как-то не цепляло, не отдавалось в сердце, не чувствовал кровной связи. А тут захотелось отыскать чудо-деревушку, непременно побывать там, чтобы понять, где всё начиналось, откуда пустил корни на Нижнеамурье засухинский род...

Закипала и пенилась за кормой водица. Весёлым урчанием приветствуя колонии чаек, чиркая воду и готовясь вот-вот взлететь птицей, «казанка» уходила вверх по протоке. Хозяин лодки из посёлка Маго был немногословен, да и под шум мотора особо не поговоришь. Ныне недалёкие 25 километров под мотором от села Маго в сторону Орель-Чля, а раньше, если повезёт, раз в год катером, а в остальное время на весельных лодках и собачьих упряжках.

В изумрудных лугах разметались большие и малые рукава амурских артерий, спрятались в зарослях тальника и осоки старицы и озёрца. Пальвинская протока то искрилась первобытными малахитовыми зеркалами омутов, то перемигивалась с бирюзовым небом бриллиантовыми лучиками перекаатов, то, не скупясь, осыпала позолотой берега. Слова восхищения необъятными просторами и красотой здешних мест, сорвавшиеся с губ, но так и не умеющие передать всего величия, как никчёмные и недостойные, терялись и тонули сразу за кормой лодки...

Долина неожиданно сузилась, и протока пропадала-терялась где-то между холмов и сопок под гребнем таёжного хребта. Но наступающие на нас хмурые таёжные великаны, щетинившиеся еловыми и пихтовыми пиками, расспросив и распознав («Кто такие? Отколь путь держите? Для какой нужды?»), не видя подвоха и злого умысла, дружелюбно расступались, пропуская нас в тайные сокровенные дали...

- Приехали. Твоя Какарма, - сообщил проводник и направил «казанку» к берегу. Выгрузив мой багаж и резиновую лодку, на которой на следующий день я собирался выбираться назад, проводник заторопился в обратную дорогу.

На склоне сопки, по воле божьей, без устава, не нахрапистые, без заковыристых прибабыхов, не зная улиц и кварталов, вольно рассыпались домишки. Будто махнул рукой сеятель, и, где упало семя, получился всход, и по небесному уразумению выросла деревушка. Да, видно, запамätывал зародитель о всходах, оставил без догляда и присмотра своё детище. Скособочились, скукожились, вросли в землю избёнки, сиротливо взирают на белый свет, словно остыла небесная кузня, некому натягивать меха, раздуть огонь в дающей жизнь плавильне.

Быстро обошёл Какарму и сделал для себя неутешительный вывод: нежилая, брошенная деревня. Несколько домов с порушенными крышами, отчасти разобранные, что добру пропадать, а большинство и вовсе сгинувшие и напоминающие о себе лишь рядом нижних истлевших венцов и обломками печного кирпича.

Я выбрал себе место на одном из брёвен и отрешённо смотрел на протоку, пытаюсь понять и соизмерить то и сегодняшнее время. Когда-то здесь действовал какой-никакой колхоз, где трудились мои прадеды; в Какарме была начальная школа, в которой моя мать, макая перо в чернила, сваренные из гриба чаги, училась писать, где придётся, на любом обрывке бумаги, между строк исписанных конторских листков или (о счастье!) подаренной старой газеты; в путину рыбы шло неизмеримо больше, чем сейчас, но не хватало соли, чтобы сделать полноценные заготовки; из средств коммуникации существовала на всю деревню одна радиоточка в доме учительницы...

- Эх, беда-лебеда! Раньше протока кипела, бродила, хмелела, а нынче совсем замелела, - неожиданно раздался совсем рядом певуче-плаксивый голос.

- Так, наверное, - повернув голову налево, машинально согласился я.

В двух сажнях от меня, на том же брёвнышке, сидел старичок-моховичок с неровной нечёсаной бородкой и черепушкой, просвечивающей под тополиным пухом истончившихся волос. Непонятного фасона, латаная-перелатаная рубашка с медными пуговицами, перевязанная на поясе

бечёвкой, штаны-галифе с подвёрнутыми гачами, обувка дедка - катанки – обрезанные валенки - всё одеяние придавало ему необычный колорит. Возраста старичка точно было не определить: есть люди, преодолевшие некий рубеж-рубикон, когда годы не старят, и их перестают считать, набрось или отними пяток-другой годков, какая разница? Уж если так в годах задержался человек, то живёт по высокому умыслу, ему-то и надо в день, чтобы утолить голод, ржаной сухарик или горсть ягод, а то и насытится божьим подаением - солнечной сурьей.

- Так ты бы там, на людях, замолвил бы словечко, что пропадает, гибнет святое местечко, пересыхает речка, - вновь заговорил старик.

- Меня не послушают, - засомневался я и, в свою очередь, спросил, спохватившись:

- А Вы из Какармы?

- Выходит, здешний, кум берёзе, сват черешне, - продолжал говорить в рифму дедок.

- А где Ваш дом? Как Вас зовут? – допытывался я, ещё не веря, что в деревне действительно кто-то живёт, но ведь и не сказочный же персонаж изволил вот так вот, без всяких, показать свой лик наяву.

- Иван я, но не Царевич, зови меня по-простому – Пантелеич. Живу, где заходит солнце, с самого краю, ныне, где хочу, там гуляю, никому не мешаю, - собеседник махнул рукой неопределённо в сторону западной окраины села.

- Интересно Вы говорите, складно, - запоздало заметил я.

- Вот, беда-лебеда! Рот тесен без песен. Чего зазря язык ломать, с русским словом нужно хороводы водить да вприсядку плясать, - ответил Пантелеич.

Мы враз односложно перекликнулись:

- Да-а-а..., - протяжно выдохнул я, соглашаясь с дедом и в то же время продолжая недоверчиво («откуда он взялся?») разглядывать собеседника.

- Ох-хо-хе-хе..., - добродушно отозвался старичок, наверное, вспоминая прошлое, успевая при этом ощупывать меня весёлыми глазками и разгадывать мои думки.

- Дедушка, а Вы Засухиных знали? Расскажите, как Вы тут жили? – воспользовавшись добрым расположением, заторопился я с новыми вопросами.

- Ну, а как же, знавал таковых. Вера-краса, до спины коса, да Егор-орёл, шесть детей завёл. Жили они тихо, но видали и лихо. Годы считали не днями, а праведными трудами... - верный своей манере рифмовать строки продолжал вести разговор Пантелеич и, то вспоминая тяжёлые и горькие испытания прошлого, плакал, то радуясь добрым свершениям и радостным событиям минувших дней, по-детски открыто смеялся и в целом подкупал своей искренностью.

В то же время старожил говорил так умело, расставляя акценты и добавляя, где нужно, художественной краски, что я живо перенёсся в минувшие дни, и картины прошлого как бы встали перед глазами, а слова Пантелеича постепенно стали доноситься издалека, направляя мои мысли в нужное русло. Когда я вернулся к реалиям из прошлого и посмотрел в сторону деда, того уже не было. Старик, как незаметно появился, так и ушёл.

Поставил палатку. Перекусил. Времени в запасе оставалась ещё уйма, и я решил разыскать старика. Однако самым крайним западным строением в селе, на какое, как мне показалось, указывал Пантелеич, была хибарка-развалюшка, вряд ли годная для жилья. Ещё на что-то надеясь, я подошёл к возможному пристанищу старожила.

Дверь избёнки оказалась приоткрыта и, если каким-то чудом держалась, то благодаря тому, что полотно заклинило между косяком и порогом. В проёме была умело расставлена ловчая сеть, какую крестовик настроил так, что никакая козявка не проскочила бы. Завидев меня, паук подобрал лапки, как-то даже раздулся в размерах, заводил челюстями: то ли торопливо сучил в утробе пряжу, чтобы захомутать и сплести кокон вокруг необычно крупной скорой жертвы, то ли пыжился для виду, на самом деле собираясь дать дёру. Предательски заскрипело прогнившее крыльцо, грозя вот-вот подломиться, да и стоило ли продвигаться дальше, воевать с пауком, ведь не залез же хозяин к себе в дом через окно.

- Эй, Пантелеич!.. – на всякий случай крикнул я сквозь паутину, но, конечно же, не услышал ответа. Я развернулся и только теперь заметил недалеко от дома деревенский погост: старые могилки почти все заросли. Осмотрев кладбище, я вернулся к протоке...

Над серыми камнями и галькой берега нависла мрачная тишина. Некованым холодным металлом поблёскивала обезлюдевшая протока. На небе тесно сбивало и завивало пучки седых прядей, заплетало-развешивало ключья по еловым гривам и хребтинам. Кто-то без устали мял тучи и облака, готовя замес на большое пиршество... Из зашторенной синевы заурчало-загремело, пробило в решето набрякшие белёсые космы и забарабанило по воде тяжёлыми слепыми каплями. Сбило у одинокой яблоньки подвенечное платье, заплакали у протоки вёглы, загундосил, захлюпал болезненно-простуженно, заслезился весь мир, хмурия и пряча остатки деревни за невесть откуда набрежавшим туманом. Мгла быстро стирала все краски.

Я поспешил укрыться в палатке. Свернулся калачиком, и накрыло, запеленало душистым одеялом, сотканным из запахов приворотных трав, умасленных живицей из хвойного густолесья. Сладок и крепок сон под мерный стук дождя, под надзором предков, под родовой защитой...

Играло в три радуги небо. Лилась откуда-то добрая старинная песня. Лебеди-облака водили дружный хоровод. Плыла в ладье по синему океану-небосклону царевна невиданной красоты и ткала расписное, в живых картинках, полотенце. И чего там только не было: сверкающие жёлто-коричневыми срубам и украшенные резными ставнями избы маячили конями и петухами, прочно оседлавшими охлупни; извещая хозяев протяжным мычанием о необходимости готовить крынки да вёдра, стадо холмогорок с томящимся выменем лениво брело с лугов; дружно впрягшись в невод, тянули рыбаки переливавшуюся серебром и жемчугом удачу; с играми-затеями носились в льняных рубашках босоногие ребятишки...

Обратный путь предстоял неблизкий. Рассвет только занимался, когда я накачал лодку, забрался в «резинку», сидел, но так и не решался окончательно покинуть Какарму, место, где рядом явь и навь, где легко перемещаешься из настоящего в прошлое, где ненадолго приоткрылась заговорённая дверь с тайными кодами и замками в далёкое царство. Приоткрылась, заблезило-заблажило чудными видениями и мирами, да и не ко времени захлопнулась.

Небо разъяснилось, будто не хмурилось и не слезилось, и не было вчерашнего дождя. Два раза в одну и ту же воду не войти. Где та водица, животворящая и плодоносящая, что омывала и кормила Беловодье? Давно утекла и растворилась в море-океане... И куда приведут-выведут нынешние времена? Может, не сопротивляться, не перечить и отдаться на волю течению - пусть ведёт вода...

Я бы так ещё неизвестно сколько просидел, но лодку кто-то слегка подтолкнул, и она мягко закачалась на волнах. Я оглянулся. На берегу, довольно потирая руки, стоял Пантелеич:

- Беда-лебедя! Чего расселся, чай не невеста? Плыви, странник, нынче я здесь есаул и охранник. Плыви, бывай, но про пуповину свою помни: не рви, не рушь, не забывай. И травинка-былинка без корешков не растёт.

Волны покачивали лодку, и я из своей люльки-колыбели в последний раз взглянул на домишки, что, как цыплята без наседки, скрючились-сучились на взгорье и во все стороны выглядывали себе мамку. Повернулся по течению, куда сносило лодку, и, сначала заробев, прикрыл глаза ладошкой, а потом, набравшись смелости, отвёл руку и, не стыдясь, смотрел, как за излучиной протоки, густо намыливаясь цветочным мылом из лепестков ромашки и бессмертника, сбивая и расплёскивая пену в пузырьчатую дымку, разметав до самых небес рыжие локоны, купалось светило. Натешило, остудило в парном молоке реки свои телеса, в прозрачных росах смыло мороку от недолгого летнего сна, лёгкое и радостное поплыло солнышко на синюю горку. Довольные, что ублажили-угодили солнечному владыке, смеялись ключи и родники, подпевая солнечным затеям, счастливо тянули свои распевы большие и малые птахи. Разъярило мысли и обнадёжило солнышко...

А может, не загорюнились, не вросли в землю избы, а лишь застыли в ожидании, лишь спружинились для прыжка? Ждут-пождут и дождутся: в заоблачных нахмуренных далях громынёт-промелькнёт небесный всадник, натянет лук, пустит горючую стрелу, благодатно содрогнётся под небесными знаменьями земляца, пробудится округа. Словно кто дал команду, приосанятся кони, вскинут голову в радостном ржании, и в два ската крыша – два крыла – сделают лишь мах-другой, и помчится прежде стреноженный табунок за своим небесным предводителем в неведомые дали, в русские начала, в славянские берега!

ШУТОЧНЫЕ ДУЭЛЯНТЫ

Иван Чепурных и Евгений Сотников в былые времена лучшими друзьями звались. Всё к этому располагало. Оба возраста примерно одинакового, без юношеского снобизма и зазнайства, хозяйственные мужики, основательные, уж если за дело возьмутся, так обязательно до ума доведут, не докопаешься. И дома у Ивана и Евгения по соседству расположены: у Ивана из лиственничного кругляка, уложенного в лапу, у Евгения из просмоленного двухкантного бруса. Избы добротные, сделаны с любовью, на несколько поколений, не чета нынешним картонно-панельным, фарисейски выпячивающимся кучерявыми буферами и каланчами.

Земельные участки Чепурных и Сотникова между собой низким ровным штакетником обнесены, так, для порядка больше, с аккуратной калиточкой посередине оградки, чтобы запросто друг к другу в гости хаживать и зазря не бегать через парадные ворота.

В семьях соседей по двое ребятишек – все школьники. У Евгения погодки - старшая дочь и младший сын. У Ивана лишь чуток другой коленкор – сын на год взрослее дочери. И жёны, и дети соседей между собой ладили по примеру мужей-отцов.

Крепкой спайкой, основой для добрых товарищеских взаимоотношений было совместное увлечение - охотничья страсть. Охотники Чепурных и Сотников - хоть куда, с опытом, уважаемые, самой что ни есть высокой категории. Правда, прикипевшие к охотничьему делу по-разному: Евгений сразу же загорался при упоминании о пушном звере и мог до бесконечности вести разговор, распутывая цепочки мыслимых и немыслимых следов, законов и закономерностей таёжной жизни. Иван был «профи» по водоплавающей птице: только заслышав гомон разделившей небосклон на две половинки пернатой стаи, не мог ничего с собой поделаться и замирал, не трогался с места, пока гусиный или лебединый клин не скрывался за горизонт. Оба ещё те собачатники: Иван – владелец дымчатого вислоухого спаниеля, к которому привязался за много лет совместных охот и считал полноправным членом семьи, Евгений как заправский кинолог занимался разведением восточно-сибирских лаек, верой и правдой служивших ему в промысловую страду.

Из уважения друг к другу, несмотря на разницу в охотничьих устремлениях, не отказывались друзья от предложений совместно поохотиться. В осенний чернотроп обязательно съезжают в зимовьюшку к Евгению, вместе подготовят кулёмки и ловушки да добудут на капканы вылинявших к зиме тёмно-бурых норок, с помощью азартных вязких лаек выследят и возьмут недовольно фыркающих с кедрачей на преследователей баргузинов-соболей со зрелой, налившейся золотистой сажей шкурой. По весне непременно выберутся к добычливым скрадкам Ивана на таёжные озёра, всколыхнут души радостным криком птиц... Ну, а на красный день соберутся семьями, и когда накормлены дети, а представительницы прекрасного пола заведут свои женские беседы, за праздничной чаркой нет лучше для улады души дела, чем развеять разговорами прошлые охотничьи баталии, заглянуть в будущие походы, и нет конца-края тем радостным воспоминаниям и мечтам...

Но вот как-то в одночасье, но распалась их взаимная дружба, и утекло сквозь пальцы, иссякло уважение промеж собой. И спора из-за земли не было, и садовые насаждения не затеняли соседские земли, не мешали расти фрукту-овощу, и отравы живность не устраивала, а вот распалась дружба Сотникова и Чепурных. А всё, наверное, началось из-за того случая...

***

Обманчивая и капризная весна то začínалась дневными проталинами на дорогах, нехотя тискала шапки слежавшихся сугробов, примеряя скромные аметистовые сережки, искрилась к полудню первыми неказистыми сосульками, а то, заленившись, куталась в белую фату и, грозя скорым половодьем, сыпала мокрым снегом. Ружья охотников, тщательно смазанные, хранились в сейфах, и страждущие взгляды только начинали набирать силу (оставалось ещё добрых полтора месяца до открытия охоты по перелётным птицам).

Чертыхаясь на непогоду, в воскресенье перед ужином Иван вышел с лопатой снежок разгрести. Дальше десятка метров хоть глаз выколи, ничего не видно - замутила небеса высокая канцелярия, в довесок к зимним караваям щедро вылепливая мартовские кулебяки. Чепурных

очищал подход к поленнице, когда услышал звуки. Сперва и не поверил, замер с лопатой, напрягая слух: нет, точно – небесный перезвон, он его ни с чем не спутает – будоража до последней кровинки сердце, летят родимые гусаки!

Пересекая его частное подворье, перекликаясь и едва не задевая конёк крыши, шёл нескончаемый косяк гуменников. Иван, сразу потеряв чувство реальности, засуетился, будто и впрямь на охоте, искал засидку-укрытие и нырнул в сугроб к самому забору, для маскировки пригоршнями насыпав на себя снег, и машинально зашарил вокруг руками, пробуя нащупать (откуда же ему взяться?) ружьё... Немного придя в себя и вспомнив, что он не у лесного озера, а на собственном огороде, пытался высмотреть гусиный клин. Но как ни напрягал зрение, из-за непогоды рассмотреть птиц было невозможно. «Куда же они, лихие? Где примастрятся? Во дела!» - восторженно думал Чепурных.

Как только стихли голоса птиц, Иван не преминул поделиться счастливым открытием с соседом. Постучался в дверь и, не дожидаясь ответа, нетерпеливо зашёл в избу Сотникова, прямо с порога, ещё не видя, окликнул товарища и торжественно оповестил:

- Жека, Жека! Гусь сегодня пошёл!

- Какой гусь? – медленнее, чем обычно, выйдя навстречу гостю и ленно потянувшись, переспросил Евгений.

- Перелётный, понятное дело! Да целая стая гуменников! Большущая! – не заметив изменений в поведении товарища, восхищённо объявил Чепурных.

- Да откель им взяться!? В рань-то такую? – сладко зевнув, скептически-безразлично отнёсся к версии товарища Сотников.

- Я тоже сперва не поверил, но над самым огородом шли. Если бы не снег да если бы ружье под рукой, непременно снял бы одного-другого гусака! – горячась, торопливо рассказывал Чепурных.

- Если бы у коня было вымя, то он бы был коровой! – парировал досужие размышления соседа Евгений...

Весь следующий день Ивана терзали сомнения: «Показалось или нет?» Но когда вернулся с работы и зашёл во двор собственного дома, вновь «загоготало» и где-то совсем недалёко. Пригнувшись, Иван тенью скользнул к ограде, залёг пластом, сердце колотится. Опять крупный, сбитый из многих пар птиц клин. Но из-за весенней катавасии ничего не видно...

- Нет уж, уволь! Точно тебе говорю. По всему гуси летели вчера не случайные, складывается, ходовой гусь пошёл! - уже не сомневаясь в своей правоте, уверенно в этот вечер заявил Чепурных соседу.

- Что же, природная аномалия? – уже в нотках голоса допуская реальность сообщения, попробовал установить причину происходящего Сотников.

- Может, и природная аномалия, - не стал спорить Иван. - Отчего нам знать? Так, видно, там, наверху, надо!

- Да-а-а... - на зычном выдохе, изобразив глубокомыслие на челе, согласился Евгений.

Иван ещё три дня восхищался начавшим в неурочный час перелётом птиц, восторженно рассказывал мужикам на работе о гусях, напрямки идущих через «евонный» огород. Даже немного досадовал, если коллеги, знавшие толк в охоте, недоверчиво косились на него. А когда, зайдя в курилку, сквозь ироничный смех, который при его появлении стих, успел услышать обрывки разговора про охоту и о чепурныховских гусях, то даже слегка разозлился. И уже собирался в ближайшие выходные выбраться на разведку, прикидывая, в каком направлении летят птицы, чтобы в нужном месте организовать охотничий засидок. «Вот привезу пару трофейных гусак - вы у меня, «фомы неверующие», ещё погопочете!» - думал охотник.

Чепурных в субботу непременно бы уехал на охоту, но накануне вечером «проболталась» супруга Евгения. Заскочившая «на пару минут» соседка в рассказе о многих вестях и впечатлениях, что обычно накапливаются к заходу солнца у женщин, проговорила: «...де купил её суженый манок с батарейками, аж на 40 голосов. И кого там только нет: рябчик свистит, дикие свиньи хрюкают, даже сохатый стонет, ну и, конечно, гуси... Балуется Женя. То сам умиляется звериными голосами, то детишек разыгрывает...»

В пятницу, после истекших рабочих бдений Иван не успел калитку во двор закрыть, так сразу «полетели гуси». Чепурных незаметно подкрался к дому соседа. Сотников на собственном крыльце «партизанит», за отворотом зимней куртки какую-то штуковину «маскирует». А оттуда песня птичья...

«Разоблачённый шпион» каялся и оправдывался:

- Понимаешь, Вань, электронный манок этот ноу-хау в охотничьем деле, а вдруг напихали там всяких, каких ни попадя голосов, и непохоже звучит. А зверь наш, ты сам знаешь, чуткий, враз различит подвох! Вот и на тебе опробовал технику. Ты уж не сердчай, дружище!

- А, вот как, - внешне миролюбиво, но с застывшей маской на лице, что сложно было понять истинное настроение хозяина, напоследок сказал Иван.

Конечно, были и до этого раньше шутки-подначки среди товарищей, как без этого, но чтобы так застать врасплох, так больно ударить! Задела за живое Ивана проказа товарища – над высокими чувствами, если хотите, над любовью, пусть и охотничьей, не шутят! С месяц с Сотниковым разговор только накоротке держал. «Здрасьте» - и без подробностей к себе во двор. Евгений и сам уже переживал, винился и обрадовался, когда по сложившейся традиции Иван под перелёт птиц не утерпел, позвал с собой на охоту...

Сообща подшаманили небольшую избушку – по габаритам только еле развернуться двоим, с дымливой, закопчённой печкой у самого входа, с шероховатым столиком в десяток ладоней у низкого оконца и нарами, отобравшими добрую половину полезной площади лесного убежища, заплели хвойные пихтовые лапы в стойки и прожилины скрадков, расположенных у самого озера. Заранее разбросали резиновые чучела уток, рассчитывая на успех в первую вечернюю зорьку...

А птица шла почти непрерывно, какая хочешь, только заряжай: почти вертикально плюхались в озерко селезни кряквы, пересвистывались, то и дело выплывая из прибрежных зарослей чирки... Иван раз за разом брал оброки с птичьих стай, а у Евгения сразу не пошло – обидно мазал. Он и занижал, и брал по центру, на опережение цели, пытаясь приспособиться к неожиданным выкрутасам вроде до этого безотказного ружья – но всё без проку. Ивановский спаниель, реагирующий на выстрелы и подбегающий к его скрадку, чтобы помочь достать добычу, сначала переваривая свой многолетний опыт, смотрел осуждающе, а потом, дабы не ломать сложившихся собачьих привычек, и вовсе перестал обращать внимание на его охотничьи мельтешения, словно там не серьёзный человек, а безусый мальчишка балуется пугачом с пистонами. Ко времени, когда отгорели последние кумачовые краски заката против вязки уток Ивана у Евгения хоть бы один трофей - лишь нанизанные на остов охотничьей судьбы досады и неудачи от многочисленных промахов.

- Ничего не понимаю, - внимательно осмотрев ружьё и заглянув с разных концов в дульные отверстия, вечером, в избушке, подводил итоги свой «целкости» Евгений.

- Может, волнуешься? – присоединившись к проверке оружия и испытав тугость спускового крючка, но также не найдя никаких огрехов, сочувственно спросил Иван.

- Да как всегда, ни больше ни меньше, - с упадническим настроением пожаловался компаньон.

- Бывает. Не раскисай! Завтра своё возьмёшь, – ободрил неудачника товарищ.

Однако утром всё складывалось по тому же вчерашнему сценарию. К середине основного акта охоты желание хоть во что-либо, но непременно побыстрее попасть, вывело Евгения из душевного равновесия, и он суетился, лишь понапрасну пугал, «бахая» уже невпопад по идущей на недосягаемом расстоянии и едва видимой птице.

В избушке Евгений, не находя себе покоя и места, мыкался, как набитый ватой очумелый манекен. Растерянно опрокинул чайник у печки, несколько раз пронося мимо рта утиное крылышко от щедро пущенной на общий котёл Иваном трофейной утки, так и застывал с открытым ртом, терзаемый скверными предчувствиями. Чепурных тактично молчал, лишь украдкой бросая взгляды на товарища. Лишённый же человеческой корректности спаниель смотрел на неудачливого охотника с полным пренебрежением...

- А ты давно был у окулиста? А если это зрение хандрит? Сейчас мы посмотрим, – неожиданно предположил вероятную причину неудач компаньона Иван. Покопавшись у себя в вещмешке, Чепурных вынул и протянул Евгению свёрнутый вчетверо листок.

- На-ка, Жека, проверься!

Не подозревая подвоха, Сотников взял листок. По слогам, как первоклассник, Евгений начал читать первую строку, испуганно оглянулся на Ивана и, надеясь, что это случайно, кратковременно, с новым усердием пытался рассмотреть почему-то потерявшие чёткие очертания буквы.

- Буквы какие-то расплывчатые! - испуганно заявил он. Взгляд охотника, теряя былой блеск, заметался с товарища на текст, пока совсем не сник.

Иван сочувственно помалкивал, никак не отреагировал на заявление напарника. Евгений обессилено опустил на нары и уже молчал весь вечер, изводя себя мрачными мыслями.

Наутро Иван ушёл к скрадкам один, а когда вернулся после добычливой зорьки, застал Сотникова всё в том же сонном положении...

- Жека, вставай, а то пролежни будут, - безуспешно попытался к обеду расшевелить он товарища, который ещё в этот день не съел и крохи.

Евгений лежал в полной прострации, пытаясь застывшим гипнотическим взором пробуравить крышу избушки. Иван и сам не ожидал такой пессимистической реакции соратника на «потерю зрения». Дело в том, что он «постарался» и, желая отомстить за прошлый розыгрыш «с манком», загодя вынул из патронов товарища дробь, заменив её для веса простым песком. А чтобы натолкнуть товарища на мысль о собственной «зрительной инвалидности», запасся «письменами» с размытыми буквами, какие в нужный момент и подсунул компаньону. Сейчас, пока Евгений «отдыхал», он зарядил «пятёрку» на место, рассчитывая вечерними удачливыми выстрелами вернуть другу бодрое расположение духа.

Однако Евгений на его призывы выбираться к озеру никак не отреагировал, продолжая и к вечерней зорьке лежать на полатах неподвижно, вытянув руки вдоль тела. И лишь по слабым, но ритмичным качкам груди, можно было понять, что человеческие члены ещё не покинула жизнь.

Чепурных не на шутку испугался за здоровье товарища, а когда с помощью уговоров, мол, надо поохотиться, что сегодня обязательно повезёт, не удалось вывести его из оцепенения, решил дать «признательные показания»:

- Да пошутил я. Разыграл тебя! Холостыми патронами ты стрелял!

- Спасибо тебе, - лишь слегка наклонив в сторону приятеля голову, неожиданно благодарно отреагировал Сотников.

- За что благодаришь-то? – опешил Чепурных.

- Не успокаивай, Ваня. Ты же сам понимаешь, чего я лишился. Без зрения, без охоты мне не жить, - страдальчески прошептал Евгений.

- Жека, я прошу тебя, только один последний выстрел, ради меня! - уговаривал друга Иван. Чепурных помог товарищу выбраться из избушки, подставив плечо обессиленному и духовно потерянному напарнику, отвёл того к скрадкам и вложил в руки уже заряженное ружьё...

Когда Евгений удачно попал в первый раз, закричал от счастья! С каждым точным попаданием Сотников оживал, прямо на глазах. Иван радовался вместе с другом...

Может, кто-то, вспомнив «курьёзы» весенней охоты, только посмеётся: ну, подумаешь, конечно, обидный, но всё-таки розыгрыш! К тому же квиты в «шуточно-перешуточном» состязании - счёт 1 : 1. Тут бы и отойти на исходные, выбросив белый флаг, прекратить ненужные баталии и договориться о безоговорочном и вечном перемирии. Дела житейские – всяко бывает. Но червячок обиды всё-таки до поры затаился внутри Евгения, а потом, не ко времени, обнаружил себя – трепыхнулся...

Хоть и ждали-готовились, но беда у Ивана: спаниель уж который год недомогал, и, как ни берёт хозяин, как ни скармливал «сахарные косточки» умнейшему четвероногому помощнику, а истекли последние собачьи часы. Всему свой черёд...

Евгений к соседу с сочувствием. Иван жалится, повспоминал совместные со спаниелем охоты, необычный нюх, собачью интуицию и выучку:

- ...Может, где и ныне гуляет его собачий брѣх по болотам и озёрам, в мире отлетавших гусей и уток... Не зазря же он бегал. Вон ещё и шерстинки на его собачьем коврике не остыли, - искренне веря в продолжение любой жизни, в том числе и собачьей, в иных ипостасях и трансформациях, заканчивал свои воспоминания Иван.

Самый бы срок охотникам, к случаю, и выпить за окончательную мировую. Но словно дёрнул лукавый Евгения за язык, а потом потянул властно, выуживая слово за словом, сплетая их в басни и побасёнки.

- Вань, а ты бы собрал шерсть, что осталась от спаниеля, приберёг на всякий случай, - вдруг предложил Евгений. Глаза его, помимо воли, сверкнули смешливым задором.

- Это зачем ещё? – опешил Иван, приняв блеск товарищеских зенок за скупую мужскую слезливость разделившего его несчастье товарища.

- Небось, не знаешь? – Евгений, сделав недоумённый вид, разыскивал в лабиринтах своей фантазии продолжения начатого рассказа.

- Не томи, объясни, о чём разговор?! – немного поразмышляв, но так и не догадавшись, к чему клонит товарищ, спросил Иван.

- Да понятно что..., - так и не нашёлся Сотников, продолжая играть в молчанку. Со стороны, надо отдать должное актёрским способностям Евгения, казалось, что он раздумывает, стоит ли доверять товарищу какую-то важную тайну. Иван преданно смотрел ему в глаза, не нарушая молчания, сглатывая сухие комки, отчего-то скапливающиеся в горле, и всем своим видом показывая: если что, он не подведёт, на него положиться можно! И Евгений, наконец, продолжил:

- Клонировать твою собаку нужно - вот чего! Вернуть спаниеля! И уже молодого! И технологии есть подходящие. Это мы с тобой в деревне - ведро с коромыслом. А знающие люди давно этим занимаются.

- Прямо-таки вернуть? - недоверчиво переспросил Иван.

- Проверенное дело! И тютелька в тютельку, как две капли воды! Дело верное! Если хочешь, могу спросить у коллеги по работе - Сергея Сергеича. Он своего пекинеса – любимца жены – оживил, - продолжал уверенно сочинять, найдя благодарного слушателя, Евгений.

- Но ты уж как-нибудь обязательно вымани секрет, Жека! Век же благодарен буду! – уже чуть не взмолился Иван. – Ты же знаешь, что эта собака для меня значила! Будто частичку от меня отняли.

- Вернём, вернём твою частичку! - ободрил на прощание товарища Сотников.

Через три дня, напустив излишней туманной таинственности, по большому секрету, лишь только подчеркнув свою бескорыстность и преданность дружбе, Евгений поведал товарищу «бесценную тайну». Подсказал Сотников «верную рецептуру», как в домашних условиях «продвинутые умы современности» воспроизводят «живых существ»: «...в козье молоко опустить собачью шерсть и помешивать, не лениться, как можно чаще, но уж утром и вечером обязательно, пока не образуются зародыш...»

Козье молоко Иван нашёл без проблем, банок в хозяйстве пруд пруди, шерсть от спаниеля, спасибо другу – подсказал, сберёг, за чем же дело стало... Первую неделю Чепурных тщательно мешал, а во вторую уже баночку на свет стал поглядывать – не появился ли в сусле зародыш. Евгений, видя, с какой убеждённой и кропотливостью, не считаясь с личным временем, заботится о возрождении собаки сосед, иногда и сам заражался его верой и, заходя в гости, взирая на содержимое литровой ёмкости, думал: «Чем чёрт не шутит, а вдруг?»

Однако шли дни, и уж истекала вторая неделя «зачатия» спаниеля, а хоть бы какой самый маленький комочек появился. И решил Сотников напрямую уточнить у Сергея Сергеича, может, неправильно что-то делает. Тот на смех поднял. И несколько раз, пока Иван был в распято-обескураженном состоянии, переспрашивал до подробностей, как он «забродку» делал...

От пара раскалённого лета и без того до одурения плавилась мозги. А тут от выплеснутой в огород «козье закваски» вдобавок обидно в носопатку шибануло молозивным духом...

Иван не сразу нашёлся, чтобы нанести достойный ответный удар. Но к концу лета решил и сам пошутковать. Хотя, если бы знал, как обернётся, может, трижды подумал, стоит ли...

Не доверяя памяти, нашёл Иван в книге «Заповедная Россия» фотографию баргузина и, глядячи на образец, не пожалел, подстриг-подровнял свою домашнюю кошку под соболешку. После цирюльничьих дел натёр мастер шёрстку мурки настоящей шкуркой соболя и запустил в полночь в соседский двор лаек позлить. И кто Ивана на такую проказу надоумил? Планировал он

сон соседский нарушить – пусть побеспокоится хозяин, поломает голову от собачьего куража, да не учёл все «каверзы и сюрпризы» жизни.

А Нарта, беда и выручка, добычливая лайка Евгения, гуляла, а потому от греха прочно была заперта хозяином в вольере. А тут к одной собачьей страсти – другая, а они природные инстинкты, ещё такую силищу имеют, против них не попрёшь - не утерпела Нарта, сделала подкоп под стенку вольера. Кошка в «соболиной» шкуре вовремя ретировалась, а вот кобелёк залётный нарисовался - местный дворовый предводитель. Евгений лайку отловил, да поздно, в общем, под самый охотничий сезон – добычливый чернотроп – забрюхателя собака. Заприметил Сотников и произошедшие катаклизмы с соседской кошкой – смекнул, что к чему...

Прежде дружные Евгений и Иван теперь и не «здоровкались» - если невзначай проходили рядом, то бронзовели, будто вышколенные солдафоны, смотря прямо, вроде нет никого по сторонам, а сосед – пустое место, печатали ровный шаг в пыльную улицу.

А уж перед самым выездом на охоту разошёлся Сотников:

- Ах ты, ядрёна вошь! Охоту рушить! Без собаки наполовину скостится добыча... - ярился при домочадцах охотник, грозясь непременно возмездием. А наутро достал ружьё и, отрешённо поглядывая в окно, выходящее на соседний двор, принялся его начищать. И чего тут супруге думать после его вчерашних заявлений? Та к соседке предупредить на всякий случай, а Чепурнычиха к месту вспомнила, что давеча читал её суженый книжку про дуэль и восхищался бесстрашием и благородством старинных нравов.

Вышли не на шутку растревоженные женщины на улицу, а там, словно петуший гребень перед дракой, наливалась заря такими кровавыми красками, что неминуемо быть беде. Вон как всё повернулось! Как разошёлся из шуток раздор, требуя в своё ненасытное пламя всё новые жертвы!

Ох, уж эти впечатлительные женские натуры! Эвакуировав детишек по соседям, жёны охотников приступили к оперативным спасательным действиям. Супруга Евгения не смогла дозвониться и побежала к брату, работающему в милиции, чтобы пособил по-свойски, развёл без лишней огласки враждебные стороны. Чепурнычиха обзванивала близкую и дальнюю родню, чтобы откладывали все дела и, ноги в руки, спешили на подмогу...

Стягивались многочисленные родственники и хорошие знакомые, настороженно вслушиваясь в тишину и не ведая, случилось ли самое страшное или ещё нет, не решаясь идти на штурм - охотничью меткость все знают и, ожидая, что вот-вот подтянутся «основные силы», и тогда, если будет не поздно, можно успеть, помочь, обуздать, укротить...

Наконец подъехал родственник милиционер. Вжимаясь спиной в забор и держа наготове расстёгнутой кобуру, крался он к домам охотников. Ещё несколько смельчаков «из народа» попластунски подбирались к «горячей точке»...

Вдруг со стороны охотничьих усадеб раздался сумасбродный и так не вяжущийся со сложившейся обстановкой голос:

- Летят утки, летят утки... и два гуся!

- Крыша поехала, грех, видно, большой взят на душу, - услышав слова песни и предполагая самое невероятное развитие ситуации, сделал кто-то заключение.

- Летят утки, летят утки... и два гуся! - повторилось из-за забора, будто и не было больше слов у песни. Но вроде не сольный концерт - звучали два голоса. Жёны охотников прислушались и признали:

- Они родимые! Иван и Евгений – живы-живёхоньки!

Опять пропели за оградой, особое ударение делая на последнюю фразу. После «...двух гусей» песня ломалась и не знала продолжения, а затем снова с «Летят утки...» резко набирала обороты. Когда гурьбой, прячась за спины друг друга, спасители вторглись во двор Чепурных, то застали такую картину: прямо посередине двора, за столиком с домашней снедью и початой бутылкой «пшеничной» на лавочке, плечом к плечу, обнявшись, сидели два друга и, раскачиваясь, пели песню. И, надо сказать, имели полное на это право.

Пока жёны были в тревожно-суматошных бегах, охотники, не помышляя ни о каких «кровавых разборках», занимались домашними делами. И тут редкий случай: одновременно охотники заметили, что прямо на межу посередине огорода спикировал с небес гусь. «Раненый он, наверное, собирался дотянуть до ближайшего озера, но не рассчитал сил», - решили охотники и

дружно ринулись помогать пернатому страннику. Птица недоверчиво шипела, но, попав в руки людей, присмирела. Охотники бережно принесли гусака в сени, наложив лангету на перебитое крыло, перебинтовали и пустили в стайку к домашней живности. А под гоготание спасённого и взятого на излечения гусака быстро собирался стол. Нашлась и заправка...

Вот так по воле случая и закончился этот охотничий раздор. А может, кто и из управителей судеб, зорко следивший за земными мельтешениями, устал терпеть охотничьи выкрутасы и, как всегда, не требуя признания и благодарности, повернул события к нужному исходу

Поэзия

Галина Таланова

Галина Бочкова (Таланова) родилась в Горьком, окончила биологический факультет Горьковского государственного университета, кандидат технических наук. Поэт, прозаик. Автор шести книг стихов, публиковалась в отечественных и зарубежных изданиях. Член Союза писателей России, лауреат различных литературных премий. Живёт в Нижнем Новгороде.

***

Так в доме прибранном тревожно.
Зачем на цыпочках хожу
И стул так ставлю осторожно,
Как будто сон чей сторожу?
Опять забылась, что одна?
Слова роняю над тетрадкой,
Нырну – и в памяти со дна
Достану ракушку украдкой.
Слезой промою перламутр,
И край поранит мёртвым боком,
Но затяну повязки жгут
И буду думать о высоком.

***

Вот и всё.
Не будет больше лета.
Только снег, как тополиный пух...
Помнишь, август
Полыхал кометой,
Воздух был разгорячён и сух?
Ягоды рябина осыпала
Угольками в пепельный ковыль,
На цветах увядших оседала
Липким слоем угольная пыль.
Солнце раскалённое катилось
Головнёй дымившего костра,
Ничего тем летом не случилось,
Только боль была, как нож, остра,
В бок впивалась горестной догадкой,
Что конец пожара впереди:
Подкрадётся с лисьей он повадкой –
Рыжий хвост мелькнул уже в груди,
Заметая горестные мысли,
Что как яд – сквозь дым пожара вдох.
Все деревья осыпали листья,
Словно искры, падали на мох.

***

Жаркий июль зажимает в тиски.
Ночи душны и травища по пояс.
Снова в объятьях неясной тоски.
Снова печальная пишется повесть.
Дом покосился, навес набекрень,
Петли скрипят заржавело и жалко.
Там, где в окошко стучалась сирень,
Стёкла царапает жалобно палка –
Словно котёнок скребётся в окно,
Выпустив когти из мягких бареток.
А на обоях от ливней пятно,
Крыша – пристанище сломанных веток,
Что обломили с берёзы ветра,
Словно шалаш разметала здесь осень.
Снова лягушки орут до утра.
Память на отмель, как лодку, выносит:
Носом уткнётся всё в ту же косу,
Где все живые и брод по колено,
Где столько света в июльском лесу,
Что до сих пор я не вырвусь из плена.
Свет паутиной оплёл, словно моль,
В люльке качаюсь из солнечных нитей,
Залитой светом, баюкая боль,
И не готовлюсь для новых отплытий.

***

Как скоротечно ветренное лето,
Как суетлива прозрачная жизнь!
Вновь жмуришься от солнечного света
И говоришь себе: не плачь, держись!
Лови лучи, что пряно пахнут мятой,
И изучай на небе облака.
Наедине с волнами и утратой,
Как рыба, плавай в омуте садка.
Всё мнится голос, будоражит эхом,
Что растворил плевавший снегом март,
И прячешь от людей тоску за смехом,
Как в разноцветном всполохе петард.

Рвануть чеку, забредив пляской света,
 Что стёртое лицо проявит вмиг...
 Так одиноко и пустынно лето,
 Вкус волчьих ягод леденит язык.

***

Опять лечу на карусели,
 Что, как юла, с одной ногой.
 Дни отпускные пролетели,
 Не став равнинною рекой.
 Опять лечу, куда – не знаю.
 На чём стоит юлы той ось?
 В цейтнот, как в ощиц, попадая,
 Я просвечу ход дней насквозь:
 Волчок всё крутится, но тише,
 Ребром готов к стене припасть,
 И с каждым кругом к ней всё ближе,
 Чтоб прислониться – и упасть.

***

Бабье лето ещё впереди,
 Серебрится в лучах паутина,
 Что не сбили, лупцуя, дожди,
 Вся иссушена – в трещинах – глина,
 Но уже леденеет к утру
 Выдох озера, севший на травы,
 И его со щеки не сотру...
 Режет слух крик вороны картавий:

Оседлала слабеющий сук,
 Что не выпустил листья по маю.
 Сохнет тополь, таивший недуг,
 Наклоняясь к земле, ближе к краю.
 Сохнет тополь, ветвями сучит
 И ломает усохшие пальцы.
 И, качаясь, ворона кричит,
 Что мы все в этом мире – скитальцы.

***

Так быстро молодость прошла,
 Так незаметно пролетела!
 Самой себе теперь смешна,
 Что так счастливой быть хотела.
 Всё тот же воздух и тоска,
 И сосны вечно зеленеют,
 И горстку серого песка
 Всё между пальцев руки веют,
 Пересыпают...
 Ноги – мнут...
 Как по доске стиральной бродишь,
 И с пятки кожи стёрт лоскут,
 И боль унять к воде уходишь.
 Вода былая утекла,
 И ты в другой остудишь ноги.
 Всё изумрудней, глубже мгла,
 Всё незаметнее тревоги.

Проза

Мария Скрягина

Мария Александровна Скрягина - писатель, критик, журналист.

Родилась в 1977 году в городе Омске. В 1999-м закончила факультет теологии и мировых культур ОмГУ, специальность - теолог. В 2005 году книга рассказов была удостоена поощрительной премии на Омском областном литературном конкурсе имени Ф.М. Достоевского. Рассказ «Тайга» в 2005 году занял первое место на конкурсе Союза писателей России «Русская тема». Дипломант Шестого литературного Волошинского конкурса за рассказ «Тайна спящей царевны» (2008), победитель конкурса исторического рассказа издательства «Олма» (2009), участник длинного списка премии «Добрая лира» (2010), участник лонг-листа премии имени В. Астафьева последних лет. Победитель литературного конкурса короткого рассказа имени В.М. Шукина «Светлые души» 2011-2012 годов.

ТАЙНА СПЯЩЕЙ ЦАРЕВНЫ

Рассказ

Туманы, туманы, волглые травы... Их вкус она знала с детства, может, с самого рождения... Вкус горьковатый, немного тревожный, осенний. Скотоводы нашли её тогда в траве. Маленький свёрток, укутанный в мех, неизвестно сколько пролежавший на холодной земле. Травы и небо – огромное, глазастое, дрожащее – так и остались её жизнью, её настоящей жизнью...

Девочку обнаружили на рассвете, и маленькое лицо было в каплях от тумана. Лошадь с наездником, шедшая ровным шагом, уткнулась тёплым влажноватым носом во что-то беззвучное, но живое. Лошадиный запах она тоже запомнит на всю жизнь. Запах добрый и беззлобный. Лошадь облизала ей лицо, странное лицо – белое, с нездешними чертами, – заржала призывно, словно нашла жеребёнка. Наездник спустился, взглянул – белолицый человечек с раскрытыми синими глазами. Удивился. Брёл сквозь утреннюю пелену и наткнулся на ребёнка. Чужого, ребёнка чужаков, это он сразу увидел, почуял. Но комочек беззащитный взял...

Тогда же, на рассвете, в их дом пришла старуха-шаманка. Развернула свёрток, долго рассматривала девочку, потом велела всем выйти, и они, сквозь шкуры, слышали её бормотание, причудливые звуки и пение. Шаманка сказала, что ребёнок – дар духов, велела его беречь, потом усмехнулась сама себе: «Хотя, если до сих пор не пропала, то и потом выживет». «Только знайте, это не ваш ребёнок. Это ребёнок духов», – повторила она строго, оставила на шее у девочки амулет из бусин и ушла.

Приёмная мать сначала боялась, что девочка немая, так как она не плакала, не издавала звуков, лежала, вытаращив синие глаза. Потом захныкала, смешно, недовольно, и Кыдым поспешила согреть молока, чтобы накормить ребёнка. Младший сын, едва научившийся ходить, уцепился за её юбку. Старший смотрел со стороны, не совсем понимая, что происходит, пока Кертек, положив руку ему на плечо, не сказал: «Чего боишься? Это твоя сестра».

Девочка оказалась слабенькой, и Кыдым старательно выхаживала её. Ничем она не отличалась от её собственных детей, разве что белой кожей да синими глазами, так же тянула к ней ручки, так же любила спать, уткнувшись матери в плечо, так же забавно что-то бормотала по-детски, так же училась ходить. Шли дни, и Кыдым уже казалось, что это её настоящая дочь, что не было никакого свёртка в тумане, что просто пришёл день, и девочка родилась. «Как назовём её, Кертек?» «Назовём Алай».

Была осень. Алай жила с пастухами уже восемь лет. Кертек и Кыдым были людьми тихими, добрыми, много трудились. Отец мастерил ей игрушки, сочинял сказки, вместе они возились с лошадьми. Почему он так любил эту синеглазую девочку, Кертек не знал. Он до сих пор помнил то странное, смешанное чувство умиления, обретения и непонимания, когда нашёл её

в траве. Что это было? Знак свыше, подарок богов, знак ему оттуда, с небесных пастбищ, может, от сестры, маленькой девочкой упавшей с обрыва, может, от матери, умершей при родах? Дар этих смертей, так поразивших его в детстве. Всё бродил он, всё сидел у ночных поднебесных костров, всё надеялся, что родные отзовутся с неба, дадут знак, не оставят его. Но время шло, шла его жизнь, неспешная, неторопливая, однообразная, приходили и уходили лошади, появилась молчаливая Кыдым, родившая ему двоих сыновей. Росли дети, приходили и уходили лошади, зажигались и гасли костры, а Кертек ждал чего-то, грызя соломинки и поглядывая наверх, пока однажды не нашёл Алай у себя под ногами.

Он был уверен, что это ответ на его ожидания, пускай странный, но знак. Он часто разглядывал её, наблюдал, замечал всё необычное, думал, чем порадовать. Алай была тёплой, радостной, иногда уходила в себя, подолгу молчала, но заключалось в этой тишине такое спокойствие, такая доброта, что даже молчать приятно было рядом с ней.

Кертек иногда брал её с собой на пастбища, и Алай это нравилось больше всего. Травы, небо и лошади. Алай могла обнять кобылу за ноги и стоять так долго-долго, словно слушая безмолвный лошадиный рассказ. А лошадь уткнётся ей носом в голову и лишь прядает ушами. Отец только умилялся, не зря прозвал её Жеребёнком ещё с того дня, как услышал удивлённое ржание во мгле.

Однажды на пастбище под утро, сквозь сон Кертек услышал навязчивый повторяющийся звук, звук лошадиной тревоги. Лошади боялись, и он даже знал, кого. Где-то поблизости бродил злой и опасный зверь. Кертек огляделся, а дочери не было. Выскочил из шалаша и отпрянул. Алай стояла рядом с волками – пятеро серых, ощерившихся морд, десять внимательных рубиновых глаз. А она стояла и будто не пускала их, Кертек бросился к ней, и в ту же секунду волки развернулись и ушли. И он даже не понял, на самом ли деле это были звери, или ему почудились их зловещие тени в утреннем, сизом тумане.

Потом он вспоминал, как однажды свеживал овцу, как, сосредоточившись на работе, не услышал шагов за спиной, не заметил, как подошла Алай и стала смотреть на кровавое месиво у него под руками, где были шкуры, кишки, мясо, недавно ещё живое, тихое, смиренное создание. Он оглянулся, с ножом в испачканной кровью руке, и увидел, что Алай рвёт. Сердце улетело куда-то вниз, так нехорошо ему стало, что он, как разъяренный зверь, стал звать Кыдым и ругать её последними словами: «Ты что, спишь? Чем занимаешься? А ну, заведи ребёнка!» Быстрым шагом пришла испуганная жена, увела Алай. Уже уходя, дочь обернулась, и в её глазах Кертек увидел неподдельный ужас. Она была маленькая, пяти лет, и он не смог ей ничего объяснить, даже не знал, как.

А ещё она была с ним на своей первой охоте. Этого ни он, ни она не забудут никогда.

Пронзённое стрелой существо трепыхалось от боли, билось, кричало всем своим нутром, молило о жизни, задыхаясь, захлёбываясь кровью. Всё это вдруг навалилось на Алай, накатило внезапно, словно она сама вылетела вместе со стрелой, разорвала чужую плоть, а потом слилась с ней. В глазах у Алай потемнело, она стала быстро проваливаться куда-то, едва успев позвать, прошептать: «Папа!» Отец оглянулся, не зная, что его зовут, и увидел, как дочь, выпустив поводья, заваливается и падает с лошади. Он развернул коня и, испуганный, помчался к ней.

Алай была без сознания, совсем бледная, из носа текла тонкой струйкой кровь. «Девочка моя! Ты что? Что с тобой?» Он стал отирать ей лицо холодным снегом, а она лежала, то ли живая, то ли уходящая в мир иной, белая, тихая, хрупкая девочка его, жеребёночек из тумана. Отец не знал, что делать, тряс её, звал и когда уже решил, что она умерла, Алай открыла глаза, взглянула на него и заплакала взахлёб. Отец прижал её к себе, стал укачивать, как маленького ребёнка, говорить что-то ласковое и пытаться удержать своё сильно бьющееся, испуганное сердце. Алай плакала и дрожала, перед глазами мелькали видения, яркие, чёткие – Алай-стрела, Алай-птица, красные капли на белом, и Алай, получеловек-полуптица, в перьях, в крови, скрючившись, на снегу. Тело дрожало, трепетало, звенело, тело пело тетивой. И пело оно от боли и страха, и Алай изо всех желала, чтобы оно замолчало. Отец, крепко подхватив девочку, посадил её с собой на коня, позвал лошадь Алай и отправился домой. Убитая птица так и осталась лежать на снегу.

Алай проспала весь день до вечера. Потом сидела молча у костра, разглядывая что-то в его пламени. Отец зашёл неслышно и наблюдал за ней. Его поразило, как осунулось у дочери лицо,

стало какое-то взрослое, сосредоточенное, с некрасивой морщиной между бровей. Он всё бы отдал, чтобы эта морщина испарилась, разгладилась, чтобы синие глаза засияли, как прежде, чтобы девочка улыбнулась. Сердце его сжалось при мысли о словах шаманки, он вдруг ощутил всю тяжесть камня, что таскал на душе с того дня. Рано или поздно Алай отберут у него, у девочки из тумана своя судьба, неясно какая, но ему, он знал точно, придётся вернуться в туман уже одному.

Он присел рядом, обнял дочь. «Жеребёночек, напугала ты меня. Что с тобой, миленькая? Что случилось?» Она подняла на него свои синие глаза, и лицо её исказилось от боли: «Папа, я убила живое...» Сказала и уткнулась ему в грудь. Он почувствовал, что она плачет. «Ничего страшного, Жеребёночек, ничего, это бывает. Так устроена жизнь, так устроена. Если хочешь, больше не будешь ходить на охоту. Будешь дома, не плачь, маленькая моя, только не плачь». Он уложил её спать и вышел наружу. «Надо же – «убила живое». Он догадывался, что утром был не просто случай на охоте, там было что-то, чего он не мог понять. Белое лицо с красной извилистой ниточкой всё ещё стояло у него перед глазами. Он отёр лицо снегом и ушёл в ночь, к лошадям.

«Папа!» - она тихо позвала его. «Папа, не ходи на охоту. Медведь убьёт тебя». Кертек остановился. Он не был трусом и, даже зная, что это правда, всё равно пошёл бы. Но он хотел понять, наконец, что такое заключено в этой девочке, которая разговаривает с волками и которая умирает вместе с убитой птицей. «Откуда тебе это известно, доченька?» - спросил он мягко. «Я видела». Он всё же собрался уйти, как вдруг Алай мёртвой хваткой вцепилась ему в руку: «Не ходи». Она посмотрела на него строго и зло, и ему так захотелось спать, что подогнулись ноги. Кертек уснул у порога, а с охоты не вернулся его соплеменник.

После он уже не ломал голову, он всё понял. У него не будет дочери. Потому что у шаманов нет ни отцов, ни матерей, ведь они сами – и отец, и мать своему племени. Оставалось только смириться.

В тот день шаманка Янар сама нашла Алай. Она была очень старой, на её веку родилось и умерло множество людей, сменялись вожди, а к ней смерть всё не приходила. Она ещё держалась благодаря необычайной внутренней силе, которую черпала будто из другого мира.

- Ты ведь хочешь спросить меня о чём-то? – сказала она строго, и Алай смутилась.

- А я даже знаю, о чём. – Старуха усмехнулась. - Ты была ещё очень маленькой, но я уже видела в тебе зерно. И сейчас это зерно прорастает и не даёт тебе покоя.

Чего же ты желаешь? Тебя манит тайна? Сила? Но что ты понимаешь в этом? Ты чувствуешь в себе волшебство, и думаешь, что владеть им легко, что оно будет на службе у тебя? Какое заблуждение...

Ты только в начале пути, и ещё можно отступить, поверь мне, можно. Ты считаешь себя неповторимой, единственной, гордишься этим, но исключительность означает одиночество. Ты одинока в своих видениях, ты одинока, когда лечишь, когда отправляешься в мир духов, когда разговариваешь с ними и просишь помощи, ты одна на один со своим даром. И то ли он тебе награда, то ли проклятие. Ты не можешь быть как все, у тебя особое положение, нельзя быть слабой, трусливой и безответственной, нельзя делать то, что хочешь, а лишь то, чего ждут от тебя. Днём ли, ночью – вставай, иди по первому зову. Нравится тебе такая судьба?

Шаман – это душа племени, его корень. И ты должна осознать себя не просто человеком, ты должна осознать себя корнем племени, который держит его на этой земле, который связывает его с небесами. Ты не есть просто Алай, ты больше, чем она. Нужно быть доброй – будешь доброй, понадобится твоя жестокость – будешь жестока. Ты готова к этому? Выдержишь?

Мне было столько же лет, сколько тебе, когда я тяжело заболела. Все думали, что умру. Меня била лихорадка, я не могла ни есть, ни спать, лежала в бесспамятстве, в сплошной черноте. Потом меня стали мучить видения. Кто-то настойчиво звал меня. Он кричал то громко, казалось, лопнут барабанные перепонки, то шептал тихо, но от этих звуков хотелось бежать на край света. Так однажды я очнулась в лесу, не помню даже, как туда забрела. Увидела костёр и пошла на его свет, хотя ноги едва держали меня.

Возле костра сидели духи – страшные, причудливые животные, которые уже ждали свою жертву. Они схватили меня и стали рвать в клочья, содрали кожу, перебрали кости, вынули все

внутренности. Боль была жуткая, но они не останавливались... Потом духи дали мне новое сердце, и я стала шаманкой.

- Ты рассказываешь ужасное...

- Подумай-подумай, - говорила старуха, разглядывая белое лицо с глазами цвета весеннего неба. Она знала, что всё уже решено, что не пройдёт и месяца, как у племени будет новая шаманка, но ведь нужно было сказать о главном, о том, что духи не скажут никогда?

Почему она была такой, откуда появился этот необъяснимый дар, то слабо мерцающий в ней, спокойный, изливающий серебристое лунное сияние, иногда зеленоватое свечение или охватывающий её как болезненный жар, как огонь, Алай не знала. Сколько она себя помнила, странное ощущение незамкнутости собственного существа уже было. Были и странные вопросы. Едва научившись говорить, а может быть, и мыслить, она спрашивала себя: «Кто я? Откуда? Зачем я здесь?»

Мать и отец отвечали что-то, но это было не то. Глыба громадного звёздного неба скрывала иные ответы, и Алай тянула вверх шею, чтобы заглянуть за неё, чтобы преодолеть этот порог неизвестности, пока однажды ей это не удалось, и чернота не разверзлась, пока не открылась Земля. Алай словно вспорола небесный шов и через небо увидела землю. А Земля была огромна! Алай чувствовала это сквозь расстояния и восхищалась. Стоило внутренне замереть, сосредоточиться, как начинали проступать страны и племена, города и народы, и Алай захлёбывалась в восторге от этих впечатлений. Ей, тоненькому подростку с плато, удалось увидеть то, что не мог видеть никто. Для этого не нужны были снадобья, зелья, духи и обряды. У Алай был дар, он был заключён внутри неё, и над ним никто не был властен.

Алай чувствовала болезни и умела лечить руками, она знала всё о пропажах и ворах, она возвращала из Страны Мёртвых и разрешала споры, она сочиняла песни о своих чудесных видениях, она предсказывала погоду. И, главное, она знала будущее. Народов, племени и любого человека. Кроме девушки по имени Алай.

Что уготовано для неё самой, ей было неизвестно. Сколько времени отпущено, неясно. Что-то нужно было успеть сделать для племени, возможно, спасти кому-то жизнь, что-то изобрести, изменить. Неслучайно же она появилась в этом высокогорном уголке. Алай искала в своих видениях ключ, смысл собственного существования, но не могла найти. Возможно, она была ещё слишком далеко, а возможно, ей не дано было этого знать. Алай думала о своей смерти, пыталась представить её, но всё было покрыто тёмной тишиной. Только обрывок, что-то жёлтое, непонятное, расплывчатое, не пускающее взгляд дальше, словно кто-то ладонью закрывает глаза, словно оберегает от того нехорошего, что можно увидеть. Алай обречённо качала головой: «Не вижу, не вижу» – и внутри у неё холодело. Она боялась смерти...

- Госпожа Алай, у нас ягнёнок должен родиться, - звали её, и она шла танцевать шаманскую пляску для одного-единственного ягнёнка, танцевать, помогать вставать на слабенькие ещё ножки, первый раз глотнуть материнского молока.

- Госпожа Алай, мы выводим овец на новое пастбище, - и Алай пела и плясала для высокогорных трав, стелющихся низким ковром, и травы внимали ей.

- Госпожа Алай, - говорил кто-то сквозь слёзы, и она шла петь погребальные песни.

- Госпожа Алай, - она отзывалась и думала: «Неужели настанет время, когда человек перестанет беречь всё это, когда станет без надобности убивать тысячами животных, вырубать леса, иссушать реки, вытаскивать мёртвых из их усыпальниц и могил, когда он перестанет бояться богов и духов, потому что просто перестанет верить в них?»

Её названный брат Улагаш был красив – грубые, мужественные черты лица и добрые, доверчивые глаза, похожие на глаза оленя, украшенные по-женски длинными ресницами. Он был высок, хорошо сложен. Ещё подросток, но уже мужчина. Ради Алай он был готов на любой подвиг, на любую жертву. Чуткий, искренний, заботливый и удивительно тёплый. Это тепло, это мягкое свечение шло от него к Алай и согревало её, берегло от одиночества, окутывало нежным туманом. И Алай в свои четырнадцать не знала, что этот туман, на который так сладко отзывалось её сердце, это и есть любовь.

*Тысячи зёрен невидимых вдруг всколыхнулись,
Дрогнули, как одно, и начали во мне прорастать.
Ростки зелёные, такие нежные, множатся внутри,
Словно я степь, и вот уже травами, травами звенящими,
Окутана я, я шелест их, я зелень их, я шёлк их...*

Травы заглушали всё, они стелились в ней мягким зелёным ковром, и не было ничего, кроме бурлящих соков, хрупкого шелеста, такого приятного, окутывающего, обволакивающего. Алай поддавалась, купалась, нежилась в зелёной реке, пока вдруг не осознала, что ослепла. Нет, глаза её не подводили, но то, другое, большое, сквозь время и расстояния, того не было. Зелёная река баюкала её в своих травах, накрывая её с головой, и вот уже нет Алай.

Алай лежала среди трав под звёздным небом, звёзды смотрели ей прямо в глаза, вопрошающе, призывно, с надеждой. Они не могли быть немymi, они хотели, чтобы их слышали. Шелестели травы, едва слышно, укрывая свои тайны в корнях. Там, в долине, жили люди, с которыми она была связана непонятным ей образом. Вокруг был мир, нити к которому были у неё в руках. И там же, в долине, был человек, один-единственный, который стоил всех нитей, всех путей, всех пространств. Она прижала руки к груди. Что ты делаешь, Алай? Что делаешь?

Небо нависло над ней, почти соприкасаясь с землей. Алай была, словно чудесная жемчужина в раковине, сокрытая от всех. Здесь и сейчас она должна родиться заново, единожды и навсегда. Девушка закрыла глаза. Ей почудилась песня, такая тихая, что, казалось, звучит в унисон стоявшей вокруг тишине. Голос был ласковый, слов не разобрать, они просто сливались в напевные звуки. Алай почувствовала что-то родное в этом голосе, в непонятных словах. Она любила этот голос, эту песню, она не хотела с ней расставаться.

«Пой», – сказала она в неизвестность. Такой красивой песни не слышала она никогда, в ней сплетались падающие звёзды, горные вершины и холодные ручьи, щебет птиц, шёпот травы, распускающиеся цветы по весне, хруст снега и кружева снежинки, ягнёнок, прижимающийся к матери, мяуканье рысят, эта песня обнимала собой весь мир, не забывая никакой мелочи. Алай напрягала слух, чтобы услышать хоть слово. Ей так хотелось запомнить, о чём поется, не забыть бы, не забыть. И вдруг до неё донеслось ясно:

*Там, где нет мира, была соткана песня
И отпущена на свободу,
Она была ветром, она была птицей,
Она искала одну-единственную дорогу:
Она искала сердце, из которого литься.
Там, где мир спрятан горами,
Между травами и небесами,
Она нашла уста,
В которых стала словами.*

*Ты, моя песня, данная свыше,
Ты началась, когда меня не было.
Ты закончишься, когда меня не будет.
Ты звучишь из сердца моего,
Ты поводырь между землей и небом,
Ты отводишь беды,
Ты спасаешь от смерти,
Ты зовёшь за собой и знаешь ответ,
Как рождаются звёзды, травы и люди.
Ты оберег земли моей, людей моих.
Сердце будет оплакивать жертву мою,
Но я тебя слышу и отныне пою...*

«Мой голос», - она улыбнулась. «Мой голос и моя песня».

Как предать любимого человека, как солгать и быть жестокой? Внезапно Алай пронзила сильная боль, от которой хотелось согнуться, лечь на траву и лежать, не вставая. Страдания её брата, её собственная тоска и отчаяние слились воедино. Что ж, Алай, пришло время жертвоприношений. Вымолить бесчувствие, когда твоя способность – чувствовать. «Я бы никогда не предала тебя, я бы любила тебя вечно, я...»

Но губы должны вымолвить иное, то, что навсегда изменит их жизнь.

- Я хочу подарить тебе амулет, - она протянула ему золотую фигурку оленя с головой грифона. – Где бы ты ни был, он уберёжёт тебя в самые трудные минуты.

Улагаш шагнул к ней, хотел обнять, но Алай сказала властно и холодно:

- Прежде выслушай меня. Сегодня духи говорили со мной. Тебе предстоит долгая дорога. Ты не можешь остаться с племенем, ты должен уйти. Твой путь лежит на запад, в войска скифского князя.

- Что ты говоришь, Алай? Любимая моя, почему ты отсылаешь меня?

- Это воля духов, я не в силах что-либо изменить.

- Если так, пойдём со мною, Алай. Мы не можем разлучиться, – он ещё до конца не верил, что всё происходит всерьёз.

- Ты уйдёшь один. А я останусь. Я принадлежу духам и племени, моя судьба – служить им.

- Что за твари эти духи? Где они? Я не вижу их!

- Прощай, Улагаш.

- Где они? Скажи! Почему они имеют такую власть над тобою?

- Духи повсюду. Они говорят мне, чтобы ты уходил. Твоя жизнь – не здесь. Не я – твоя жизнь...

В её руках был холод, почти лёд. Она вложила ещё немного ненависти в его сердце и почувствовала, что всё кончено. Он не простит. Никогда.

- Тогда оставайся с духами, ведьма!

Он развернулся, чтобы уйти. И бросил в темноту:

- Я не думал, что ты предашь меня. Лучше бы подарила мне смерть...

Когда Улагаш ушёл, она заплакала. Одиночество отныне будет её вечной участью. Больше никто из людей не подойдёт ближе, чем он. Никто. Алай плакала, размазывая синюю ритуальную краску по щекам. Потом закричала в небо злые слова, но небо не отозвалось, духи безмолвствовали. Люди грелись вокруг костров, с любимыми, с семьями, разговаривали, смеялись, и только Алай, молодая шаманка, сидела одна посреди плато, раскачивалась и пела заклинания, заклинания о себе самой, которым не суждено было подействовать. «Мы ещё будем вместе», - всхлипывала Алай, но это не утешало её, знающую всё наперёд. Такого будущего она не хотела, но лавина жизни не спрашивала о её желаниях, всё для неё было предуготовлено, только Алай не знала, кем и когда.

К двадцати годам она почиталась как сильнейшая шаманка среди окружающих племён. Её авторитет был непререкаем – она знала и умела то, что другим шаманам было не под силу. Вожди одаривали её самыми красивыми одеждами и украшениями, ей жертвовали самых лучших ягнят и лошадей, а весной двадцать первого года её жизни Алай была татуирована. Обе руки, от плеч до кистей, украсили изображения удивительных животных.

Олень с клювом грифона, рогами оленя и козерога – на левом плече. Ниже – баран с закинутой назад головой, у его ног – пятнистый барс с длинным закрученным хвостом. Под барсом – зверь с когтистыми лапами, хвостом тигра, туловищем оленя и головой грифона. Возможно, то были именно духи, пришедшие когда-то за прежней шаманкой племени и поменявшие ей обычное человеческое сердце на железное. Алай не знала – она никогда не видела их, но сейчас таинственные существа из другого мира были призваны ей в помощь. И это должен был видеть каждый.

И всё же, несмотря на оказанные ей почести и уважение соплеменников, Алай понимала, что она не всемогуща и не всеведуща, её знаниям были положены пределы, и как ни стремилась она преступить их, ничего не получалось.

«Человек так мал в размерах не то что Вселенной, он мелок для планеты, для её масштабов, её истории. Что значит человеческая жизнь, в чём её суть? Для чего люди рождаются и умирают? Песчинки, песчинки и ничего более – так кажется иногда. Чем уникален каждый из нас: старуха Болган или младенец Уюль?»

Алай часто исподтишка разглядывала людей своего племени, прогуливаясь мимо них, сидя около жилищ. Она знала про них многое, но в то же время они были загадочны как ничто иное в мире. Они родились в это время, в этом месте. У них была определённая внешность и черты характера. Судьбы их переплетались самым странным образом. Если бы Кертек выбрал не Кыдым, не родился бы Улагаш, да и сама Алай – была бы она найдена под копытами коня?

Или животные. Алай брала в руки маленькое существо, которое послушно замирало в её руках, только сквозь шкурку чувствовалось неистовое биение сердца. В этом сердечке, крохотном, дрожащем, и была самая большая тайна. «Кто завёл его? Для чего оно бьётся? Как осознаёт себя это создание? Что у него за мысли, и есть ли душа?» Непонятно было и тяготение животных к человеку. Например, лошадей. «Что им человек? Почему они живут рядом, даже если люди бывают жестоки по отношению к ним? Приручены. Но что это значит? Почему любят эти руки? Жизнь, жизнь, она такая разная и такая хрупкая».

Их племя жило в красивом месте – на высокогорном плато, в междуречье двух рек, в небольшой долине с прижатыми к земле травами и кустарником. Странное сочетание – горы и степь. Словно земля подняла ладонь к небу, чтобы оттуда кто-то мог лучше видеть своё творение. Иногда Алай казалось, что она дышит здесь не воздухом, а вечностью, тем, что не имеет ни начала, ни конца.

Быстрокрылые птицы небесные поднимались ввысь, и Алай часто устремлялась за ними в бездонную синеву и сама становилась птицей. Холодный ветер, чувство разрывающей на части свободы, и там внизу – земля, её земля, белоснежная, изумрудная, цветущая, медно-золочёная, увядающая, но всегда прекрасная. Тогда сердце Алай преисполнялось нежности, и она давала клятву то ли себе, то ли небу:

- Никогда не предавай свою землю. Что бы ни было – защищай, бейся, умирай, но не сдавайся, не оставляй то, что дороже всего.

Какая-то весть летела издалека, весть важная именно для неё, Алай. *Он* возвращается. Все эти годы Алай хранила Улагаша от смерти, посылала ему вещие сны и добрые знаки. А ещё поддерживала в нём огонек обиды, который тлел, жёл и не давал ему вернуться. Но потом огонь погас. Человек умеет прощать. И в своём прощении может быть сильным и великодушным, как никто. Алай уже не смогла пробиться к чужому сердцу, заставить его обижаться или ненавидеть, потому что сердце стало твёрдым в своей любви и доброте.

Там, за многие дни пути, у спешащего человека билась в голове только одна мысль. Улагаш, несведущий в предсказаниях, лучше её самой знал, что вернётся к ней, отберёт её у духов, отнимет силой. Он не боится. Всё его существо было подчинено одной цели, как когда-то сбежать от нее, так теперь во что бы то ни стало вернуться. К Алай, к Жеребёночку из тумана. Он сжимал в руках амулет с щербинкой у оленя в подбрюшье, и эта щербинка была ему дороже всего на свете.

Когда утром её позвали в посёлок, она ничего не предчувствовала. Не уловила странного во взгляде девушки, что пришла за ней. И только когда увидела знакомый дом, сердце дрогнуло и покатилося вниз. Отец лежал на войлочной подкладке, укрытый мехом. Мать стояла рядом, печальная и потерянная.

- Жеребёночек, отец умирает...

Нет, ни за что! Этого не могло быть, потому что не могло быть. Это сон, дурной сон, одно из её видений. Алай подошла к постели. Перед ней лежал совсем седой, старый человек. Сердце её сжалось на мгновение так сильно, как будто его и вовсе не было.

- Ничего не случится, мама, - она взяла Кертека за руку. Рука была холодная и слабая. Алай села на край постели, пытаясь понять, что случилось, чем болен её отец, как и чем она может помочь ему. Она согревала его руки, она подгоняла кровь, уговаривая уставшее сердце биться, не останавливаться, не предавать отца.

- Отпусти меня, Жеребёночек. Просто моё время пришло. Ты сама это знаешь. Теперь моя дорога – туда. Не кори себя, ведь не ты придумала старость.

- Папа, я смогу, я сумею. Тебе только кажется, что ты умираешь. Надо прогнать болезнь – и всё будет как раньше. Ты будешь сильным и молодым, будешь пасти лошадей и играть с внуками. У тебя ещё много времени, не поддавайся!

- Моё время пришло, Алай. Будет час, когда ты поймёшь, как это бывает. А сейчас отпусти меня, не трать зря силы. Прощай...

Кертек закрыл глаза, и Кыдым в слезах бросилась оплакивать его.

Алай встала с постели. Вот как это бывает. Вот как... Одна фраза вертелась у неё в мозгу, как веретено, закручивая всё её существо в воронку. Просто умер, ушёл. Вот как это бывает. Боль о других бывала сильной, но сейчас ничто не могло сравниться с тем горем, которое охватило Алай. Завыть, как бродячий, раненый пёс, выть как волчица, потерявшая волчат, и чтобы от плача рушились горы, небо падало вниз, а звёзды уплывали по реке, сжигая всё вокруг. Завыть. Заплакать. Папа!

Всю ночь в долине бушевал ураган. Ливень был злой и холодный. Алай сидела в своём убежище, смотря на пламя костра, и тихие слёзы текли по её лицу. Она не понимала, кто и для чего так устроил мир.

В ту ночь ей был сон, страшный и правдивый. Будто вечером далёкий голос звал её, и она вышла на пустынное плато. Серебристо-синий воздух неслышно висел вокруг. Далёкий голос умолк. И в то же мгновение ветер сорвал сумерки с земли и унёс в небо, где они закружились, как в пыльной буре. Невообразимый грохот, как будто горы сталкивались между собой, заложил уши. Ничто не стояло на месте, всё двигалось, гудело, несло, и лишь посреди плато стояла Алай, тоненькая, маленькая фигурка. Ураган рвал её одежду на части, ураган пытался унести её, но не мог, потому что Алай держал корень, уходивший глубоко в землю, и, что бы ни случилось, земля держала её крепче крепкого, как мать дитя. Потом ветер стих, и Алай услышала голос прямо у себя за спиной.

- Я здесь, - сказал голос, и от него пошли мурашки по телу, и задрожали руки, но когда Алай собралась повернуться и ответить, она проснулась. «Значит, вот как это будет». Неотвратимое надвигалось, и оставалось совсем мало времени.

Человек выступил из тьмы неслышно, появился из ниоткуда, словно вырос из границы между светом от костра и окружающей ночью. Алай ждала его прихода, но всё же вздрогнула.

- Приветствую тебя, госпожа Алай! Знаешь ли ты, зачем я здесь?

- Да, вождь.

- И что же ты мне ответишь?

- Это мой народ, и хочешь ли ты того или нет, я не отдам его тебе. Там, откуда ты пришёл, всё можно решить силой, не так ли? Вас взрастили как воинов, и вы не знаете другой жизни, кроме войны. Но мой народ не таков. Это племя жизни. Для нас главное – жизнь! Даже умирая, мы просто переправляемся на небесные пастбища. И чего же ты хочешь? Прийти, убить, подчинить? Лишить свободы? Этого не будет!

- Ты очень высокомерна. Даже для шаманки.

- Я знаю цену своему высокомерию. Ты хочешь эту землю, но не знаешь, как подступиться. Твой злой голос говорит тебе: «Убивай, грабь, хватай, властвуй!» Но другой голос у тебя в голове шепчет: «Не трогай!» Это мой голос. Я никогда не пушу тебя сюда, пока ты не изменишь намерения, пока ты не поймёшь, что нам нужен только мир.

- Думаешь, что ты сильна? Слишком дерзко говоришь. Я бывал в таких битвах, где оружие плавилось от ярости. Я был так изранен, что живого места не оставалось на теле, но видишь, я жив. А ты хочешь напугать меня шаманскими рассказами! На всякое оружие найдётся другое оружие!

Он поднял глаза, и в них засверкала тьма:

- Берегись, ведьма!

- Убирайся прочь!

Сноп искр взвился в воздух и окатил чужака. Тот даже не шевельнулся. Медленно встал и, уходя в черноту, бросил:

- Ещё не встанет солнце, а всё здесь будет моим...

Вождь пришёл немедля. Он сел к костру, суровый, сосредоточенный человек, старше Алай всего на несколько лет. В его лице, озаряемом огнём, перед Алай промелькнули сотни лиц вождей племени, прошлых и будущих. Потом они исчезли, и осталось только одно лицо, с упрямо сомкнутыми губами.

Алай на мгновение залюбовалась. Она восхищалась им как воином, восхищалась тем, чего ей не было дано – силой, мужественностью, жестокостью, умением владеть боевым мечом, отчаянной храбростью при встрече с врагом. Перед ней был мужчина, который защитит свой народ ценою жизни.

- Эркат, сегодня ночью я должна буду одолеть врага, с которым ещё никогда не сталкивалась. Он обладает редкостной силой и очень жесток. Не знаю, сумею ли справиться. Но что бы ни случилось, ты, Эркат, должен будешь убить вождя. Духи будут благоволить тебе. Тогда его брат станет во главе чужеземцев. Он человек с холодным сердцем, расчётливый, спокойный, он не станет воевать, вы сумеете договориться. Не жалея золота для искупления смерти старшего. Ты понял меня?

- Зачем тебе сражаться с ним? Я сам убью его.

- Так нужно, Эркат. Так нужно потому, что если я не одолею его, он зальёт здесь всё кровью. И первым, кого он убьёт, будешь ты, молодой вождь...

Алай проводила князя. Приближалась середина ночи, и нужно было собираться в мир между небом и землей, мир, куда не дано попасть простому смертному, где живут духи и бродят шаманы. Главное было – не думать о предстоящем, иначе можно испугаться и всё сорвать.

Алай постояла несколько минут под созвездиями, такими яркими и громадными ранней весной, вдохнула холодный воздух. Она плохо видела будущее, всё было непонятными обрывками: мать держит в руках жёлтую ткань, рассыпавшаяся синяя краска, бронзовое зеркало, ржание лошадей, тихое пение. И запах сухой травы, приятный, горько-сладкий, родной. «Всё будет хорошо!» – выкрикнула она в небо, улыбаясь кому-то далёкому. Алай вернулась к себе, легла на кровать, укрытую мягкими шкурами, и погрузилась в сон.

Проснувшись, она обнаружила себя свернувшейся в клубок на пожухшей осенней листве. Это был чужой, незнакомый лес. Было тихо, пустынно и от этого тревожно. Потом раздался рык зверя и звук приближающегося большого животного, шуршали листья, трещали ветки, сжималось сердце. «Почему духи не дали мне другого, железного, которое бы не боялось?» – успела подумать Алай и схватила медведя за передние лапы. Медведь попытался вырваться, но хватка Алай была сильна. В этом мире она могла побороть такого зверя. Он был большим, но и она превратилась в великаншу. Медведь ревел и обливался слюной, от него пахло густым животным запахом. Алай не давала ему вырваться. Они так и стояли – громадный, почти чёрный медведь и высокая Алай. «Прочь!» – закричала она ему и оттолкнула. Медведь отошёл назад, но тут же напустился снова.

Он увеличился в размерах, и рычание его гроыхало по всему лесу. Алай знала, что силы ещё есть, и она тоже может расти. Вновь схватка, вновь медвежьи лапы в замке девичьих рук с надувшимися жилами. Вдруг медведь дёрнулся и опрокинул её на землю. Алай почувствовала сильную боль во всём теле и удар головой. Она судорожно вдохнула воздух, пахнуло прелым листом. Медведь висел над ней чёрной тушей, и ей казалось, что он усмехается. Слюна из его пасти капала ей на лоб. Нужно было подрасти, ещё чуть-чуть, чтобы отбросить его. Алай собрала последние силы, она уже едва могла двигаться и дышать. Потом сделала рывок. Медведь скатился с неё. Алай сжала руками его толстую шею. Раздался хруст. Девушка с плато всё-таки победила медведя. В следующую секунду её охватила небывалая слабость, она почувствовала, как сейчас внутри разорвётся сердце, переполненное кровью.

«Может, я просто хотела жить? Но возможно ли это – просто жить? Даже обладая многими знаниями, имея в руках бесчисленные нити, ведущие к разгадкам, я не сумела ничего понять. Я была включена в мироздание, как бывает включена в него гора, я была чем-то, но не знала, с какой целью. Я чувствовала что-то нездешнее, высшее, я бывала почти рядом, но всегда какая-то грань не давала мне идти дальше. Вот и сейчас не знаю, что будет дальше. Конец ли это?»

«Не я тебя родила, но я тебя хороню, я отправляю тебя на небесные пастбища, я обряжаю тебя как невесту. Спи, Жеребёночек. Ты проснёшься уже там, на небе, и встретишь своего отца,

которого так любила», – Кыдым пришла к умершей дочери, когда тело уже было подготовлено к погребению.

Следуя похоронному обряду, из тела шаманки вынули внутренности и заполнили его сухой травой, корешками, овечьей шерстью, лошадиным волосом и земляной смесью. Кожу покрыли снадобьем из ртути. Теперь её тело могло сохраняться длительное время, и Алай была не страшна долгая дорога до небесных пастбищ.

Эркат вспоминал, как рано утром пришёл к ней в дом, чтобы сказать о смерти вождя чужаков. Он смотрел на светлолицую спящую женщину, пока не понял, что она умерла. Он всё ещё не верил, думал, что она очнётся, даже позвал её:

- Госпожа Алай! Госпожа Алай! - потом дотронулся до ледяной руки и заплакал.

Он сам выбрал лошадей, с которыми шаманке следовало отправиться в путешествие. Это были самые лучшие и надёжные кони, и он знал – они не подведут. Шестеро коней были убиты и уложены на дно могильной ямы. Туда же Кыдым поставила посуду с пищей и кувшины с водой. В последний раз взглянула на Алай.

Вот она лежит тихая, недвижимая, в нарядной жёлтой рубашке из шёлка, в красно-белой юбке из тончайшей шерсти, в золотых серьгах и украшениях, в амулетах, одетая, словно на праздник. На обритой голове – высокое, замысловатое украшение из её собственных волос, конского волоса, войлока, шерсти и дерева, с фигурками золотых оленей и золочёных птиц. Птицы, знающие тайные пути, скоро взмахнут крыльями и укажут верное направление своей госпоже. «Доброй дороги тебе, Алай!»

Её останки были обнаружены в деревянном срубе из лиственницы на дне могильной ямы, заполненной льдом. Женщина лежала в позе спящей на правом боку, со слегка согнутыми в коленях ногами и скрещёнными на животе руками. Она была укрыта меховым покрывалом с узорами из золотой фольги.

Археологи из Северо-Азиатской экспедиции не могли поверить своим глазам: тело молодой женщины было в прекрасном состоянии, хотя пролежало во льду две с половиной тысячи лет. Возможно, могила женщины сохранилась благодаря тому, что над основным погребением в деревянном гробу располагались останки мужчины.

В его могиле был найден боевой чекан и золотой амулет в виде оленя с головой грифона. Там же были захоронены три коня. Видимо, верхнее погребение было ограблено, а усыпальница женщины уцелела. Мумия «алтайской принцессы» была одной из важнейших находок экспедиции, проводившей в 1995 году исследования на высокогорном плато Укок, расположенном в пограничной зоне с Китаем, Монголией и Казахстаном. Долгое время тело спящей царевны выставлялось в разных музеях мира вместе с экспозицией, посвящённой истории и этнографии Сибири, после чего было отправлено в Новосибирск...

*Моя одинокая песня,
Совсем одинокая,
Меня не было,
Когда она началась,
Меня не будет,
Когда она закончится.
Только один голос,
Знающий всё,
Такой нежный,
Такой грубый,
Такой ласковый,
Такой яростный,
Голос моей жизни...*

Поэзия

Владимир Спектор

Владимир Спектор родился в 1951 году в Луганске. Член Национального Союза журналистов Украины, главный редактор литературного альманаха и сайта «Свой вариант». Сопредседатель Межрегионального Союза писателей и Конгресса литераторов Украины, член исполкома Международного сообщества писательских союзов (МСПС) и Президиума Международного Литературного фонда. Автор двадцати книг стихотворений и очерковой прозы. Лауреат международных литературных премий имени Юрия Долгорукого, имени Арсения Тарковского, «Круг родства» имени Риталия Заславского.

ПО КОНТУРУ МЕЧТЫ

***
Запах «Красной Москвы» -
    середина двадцатого века.
Время – «после войны».
    Время движется только вперёд.
На углу возле рынка –
    С весёлым баяном калека.
Он танцует без ног,
    он без голоса песни поёт...

Это – в памяти всё у меня,
    У всего поколенья.
Мы друг друга в толпе
    Мимоходом легко узнаём.
По глазам, в коих время
    мелькает незваною тенью
И по запаху «Красной Москвы»
    В подсознание своём...

***
Блеск хромовых сапог тогда,
Как чудо электроники сейчас.
И неизменна лишь звезда,
Чей вечный взгляд сквозь время не угас.

В нём – суета и маета
Полузабытых дел, ненужных слов.
Не для души всё, но - для рта...
А для звезды небесной - лишь любовь.

***
По контуру мечты,
По краешку тревоги,
Где только я и ты,
И помыслы о Боге,

Там чья-то тень с утра –
Лука, а, может, Павел...
И жизнь – словно игра,
Но, Боже мой, без правил.

***
В душе – мерцающий, незримый свет,
Он с лёгкостью пронзает стены.
Взгляни вокруг – преград, как будто, нет.
Но как тревожны перемены.

Небесной тверди слыша неуют,
Беспечно дышит твердь земная.
И нам с тобой – вдоль перемен маршрут,
Пока горит огонь, мерца.

***
Какою мерою измерить
Всё, что сбылось и не сбылось,
Приобретенья и потери,
Судьбу, пронзённую насквозь

Желаньем счастья и свободы,
Любви познаём и добра?...
О Боже, за спиною – годы,
И от «сегодня» до «вчера»,

Как от зарплаты до расплаты –
Мгновений честные гроши.
Мгновений, трепетом объятых,
Впитавших ткань моей души.

А в ней – доставшийся в наследство
Набросок моего пути...
Цель не оправдывает средства,
Но помогает их найти.

***

И в самом деле, всё могло быть хуже. –
Мы живы, невзирая на эпоху.
И даже голубь, словно ангел, кружит,
Как будто подтверждая: «Всё неплохо».

Хотя судьба ведёт свой счёт потерям,
Где голубь предстаёт воздушным змеем...
В то, что могло быть хуже – твёрдо верю.
А в лучшее мне верится труднее.

***

Бессмертие – у каждого своё.
Зато безжизненность – одна на всех.
И молнии внезапное копьё
Всегда ли поражает лютый грех?

Сквозь время пограничной полосы,
Сквозь жизнь и смерть – судьбы тугая нить.
И, кажется, любовь, а не часы
Отсчитывает: быть или не быть...

***

Было и прошло. Но не бесследно.
Память, словно первая любовь,
Избирательно немилосердна,
Окунаясь в детство вновь и вновь,

Падая в случайные мгновенья,
Где добром отсверкивает зло...
Счастьем было просто ощущение,
Что осталось больше, чем прошло.

***

Яблоки-дички летят, летят...
Падают на траву.
Жизнь – это тоже фруктовый сад.
В мечтах или наяву

Кто-то цветёт и даёт плоды
Даже в засушливый год...
Яблоня-дичка не ждёт воды –
Просто растёт, растёт.

***

Нет времени объятья раскрывать
И – уклоняться некогда от них.
И в спешке пропадает благодать,
Чужих не отличая от своих.

Нет времени сравнить добро и зло,
Не забывая в муках о добре...
От «было» до «проходит» и «прошло» –
Нет времени. Нет времени. Нет вре...

***

У первых холодов – нестрашный вид –
В зелёных листьях притаилось лето.
И ощущение осени парит,
Как голубь мира над планетой.

И синева раскрытого зрачка
Подобна синеве небесной.
И даже грусть пока ещё легка,
Как будто пёрышко над бездной.

***

Сквозь шум прибоя слышится:
*«Лета бо не стоят, и вся в небытие
отходят, глубинами забвенья помрачась...»*
Шумит прибой и пенится, как сотни лет
назад,

Приходит кто-то и уходит,
Сдавая и захватывая власть.
Но солнце так же безмятежно светит, как
тогда,
И корабли, меняя очертанья,
Всё плывут сквозь бездну лет.
И нет ответов на вопросы вечные: «Зачем?
Куда?»
И время, что струится мимо сквозь любовь и
нелюбовь,

Таит ответ...

***

В мои летящие песни
ты проникаешь сквозь воздух.
Ты принимаешь взглядом
к моим потаённым мечтам...
Но пересыхает в гортани
осеннее слово «поздно»,
И память вскрывает пространство
на вечные «тут» и «там».

За гранью дыхания – тени
забытых воздушных замков.
Там – память и поцелуи,
и нашей любви цветы.
Там – жизнь без волшебных сказок
и скатерти-самобранки.
Но главное, что за гранью
дыханья – и я, и ты...

Юбилейные даты

Николай Василевский

**Редакция журнала «Берега» и Калининградское отделение
Союза писателей России сердечно поздравляет
Николая Василевского с 65-летием!**

Николай Александрович Василевский родился 10 мая 1949 года, образование высшее (Смоленское культурно-просветительное училище, Московский Литературный институт им. М. Горького, Ленинградский институт социологии и политологии), член Союза журналистов РФ, член Союза писателей РФ, Заслуженный работник культуры РФ, поэт, автор шести поэтических книг и цыганско-русского словаря (северорусский диалект), лауреат Всероссийских конкурсов самодельного народного творчества, литературных конкурсов «Пою о родине моей», «Вдохновение», обладатель премии «Тёркинские чтения» в конкурсе, посвящённом А.Т. Твардовскому, награждён Почётной грамотой Правления Союза писателей России «За большой вклад в развитие современной отечественной словесности».

В Калининградской области проживает с 1975 года. Работал режиссёром Озёрского народного театра, директором Озёрского районного Дома культуры, заведующим отделом сельского хозяйства редакции Озёрской районной газеты «Знамя труда». В 1984 году был назначен заместителем редактора Полесской районной газеты «Идеи Ильича». С 1989 года по 2009 год работал начальником отдела культуры и исторического наследия администрации Полесского района.

С сентября 2009 года работает в муниципальном бюджетном учреждении «Полесский культурно-досуговый центр» заведующим музеем истории города Полесска (Лабиау). За 14 лет со дня создания Н.А. Василевским музея в бывшем замке Лабиау побывало более 8000 экскурсантов из городов и посёлков Калининградской области, России, Белоруссии, Украины, Литвы, Польши, Германии. Николай Александрович проводит большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодёжи.

ОГНИ НА БЕРЕГУ

Рассказ

Весь день над Куршским заливом висел густой туман. Было холодно. Северо-западный ветер то и дело гнул маковки прибрежных деревьев, затем, когда это ему надоедало, опускался ниже и заигрывал с травами, покрытыми каплями застывшей росы. К вечеру ветер усилился, туман немного рассеялся. Из окна дома, в котором я спрятался от холодрыги, стал виден берег. Вместе с воем ветра до моего слуха долетал шум прибоя. В такую пору здесь обычно тихо и пустынно. Старожилы говорят, что именно сейчас, поздней осенью, когда снег ещё не выпал, а всё вокруг говорит, что зима не за горами и вот-вот явится, дюны завершают своё движение по Куршской косе. Я долго не верил этим людским байкам и всё же решил удостовериться в их правдивости. И что? Собрался однажды в ночь и пошёл вдоль берега. За деревней, под лай собак, поднялся на высокий песчаный холм и замер в волнении и ожидании. Ярко светила луна, обливая матовым светом небольшую приморскую деревушку, стоящие вдоль дороги многовековые дубы, ясени, грабы, липы, кучкующиеся кустарники. Кстати, они, как и люди, живут здесь, на косе, семьями. В одиночку трудно выжить не только людям, но и деревьям. Особенно в таком месте, как эта небольшая песчаная полоска между Балтийским морем и Куршским заливом. И вот в эти минуты покоя я вдруг почувствовал, что земля под моими ногами покачнулась и пошла в сторону. Медленно, еле ощутимо вся эта песчаная махина двинулась к морю. Неужели я – свидетель того, о чём говорят старожилы? Да ведь это же чудо! Рассказать кому - не поверят, скажут, мол,

выдумщик, фантазёр! И они по-своему будут правы: разве можно предположить, что полоса песчаной, покрытой травой и лесами, земли в одночасье тронулась с места и пошла гулять сама по себе то влево, то вправо? Говорить и предполагать можно, что угодно, но чтобы стать свидетелем подобного передвижения земли – такое случается раз в жизни. Ну и пусть! Пусть не верят. Зато я сам в тот день познал эту истину: земля, в том числе и Куршская коса, движется, не стоит на месте. А как интересно, ей-богу. Захотела, двинулась к морю, почувствовала опасность, вернулась к заливу: тут спокойнее и волны и ветер. Тут надёжнее стволы деревьев.

Кутаясь в воспоминания десятилетней давности, я почти забыл о том, что за окном предзимье, холодный ветер и непроглядная темень, какая бывает только здесь, на Балтике, на калининградской земле. Неужели так было всегда – и сто, и двести лет тому назад? Неужели эта земля и всё, что её окружает, сохранили свой неповторимый облик? Неужели меняются только люди, её обитатели, а может, они и не меняются вовсе? Меняются одежды, нравы? Однако, что это за огни на берегу? Один, второй, третий... Они двигаются вдоль берега, на расстоянии пятидесяти метров друг от друга. Одеться, выйти из тёплого дома и посмотреть, полюбопытствовать? Нет! Слишком зябко на улице. Дом, в котором я провожу свои выходные дни, принадлежит Калининградскому отделению Союза журналистов СССР, а когда-то он, наверное, был собственностью какого-нибудь прусского рыбака. Этот куршский рыбак был немцем или литовцем и очень любил своё занятие: и зимой, и весной, во все времена года ловил рыбу - линя, карася, щуку, окуня, судака, угря, плотву... Куршский залив был полон рыбы. Он был кормильцем его большой семьи. Наверное, всё здесь тогда было иначе. Деревья были маленькими, а дом большим. И стоял этот дом намного ближе к заливу, нежели он стоит сейчас. Пески теснятся к заливу. Здесь спокойнее, нежели у моря, поэтому они отдалили от дома прибрежную часть суши. И всё-таки, что же это за огни на берегу? Нет, пойду, посмотрю! Неистовый, холодный ветер шумит в голых кронах деревьев, шуршит осокой, разросшейся вдоль сточной канавы, тербит полы моей тёплой куртки-ветровки. Огни на берегу всё ближе и ярче. Тёмными, массивными, продолговатыми пятнами на песке распластались повернутые вверх днищами рыбацкие лодки.

- Ну что, не видать? - обращаясь в темноту, звучит наперекор ветру звонкий женский голос.

- Нет... Не видно! - отвечает издали другая женщина. И фонарь в её руке движется дальше вдоль берега к третьему огню. Оттуда слышится брань:

- Говорила я ему: не ходи сегодня, завтра пойдёшь, а он, чертяка этакий, всё не слушает. Мужики, мол, собираются, а я что, сиднем на берегу сидеть буду?

- Да хватит тебе, Елена, тоску нагонять. Ополумела, что ли? Не в первый раз наши мужья с рыбалки задерживаются.

Голоса женщин бежали по песку вдоль берега туда и обратно. Эта их связь друг с другом понятна только им, живущим здесь с той самой поры, когда из многих уголков тогдашнего Советского Союза первые переселенческие вагоны прибыли в Кёнигсбергскую область. Нет, наверное, это уже не первые переселенцы, а их дети, внуки. Судя по обличью, при свете фонарей я дал бы этим женщинам лет по сорок-сорок пять, а тем первым переселенкам должно быть много больше. Хотя как знать!

- Идут! - послышался чей-то радостный возглас. В тёмной густоте залива пронзительно басыли мужские голоса:

- Всё в порядке. Пришли! Берег!

Фонари женщин сошлись в кучу и молча застыли на берегу, возле которого ткнулись в песок три или четыре рыбацкие лодки. Мужчины вышли на сушу, закурили и начали выгребать из лодок улов.

«Странно, - подумал я, - в такую пору года, в такую погоду – и рыбачить?! Вот уж, действительно, охота пуще неволи!»

С этими мыслями я побрёл к себе в дом, где было тепло и уютно от потрескивающих в тёмно-голубой кафельной печи дров.

Юбилейные даты

А.Г. Елфимов

Обращение Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» к 180-летию создания П.П. Ершовым сказки «Конёк-Горбунок»

Редакция журнала «Берега» и Калининградское отделение Союза писателей России поддерживает идею читательского марафона Общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» по всей России 1 июня года Культуры. Это чтение сказки Петра Ершова «Конёк-Горбунок» - этой русской «Илиады». Будем говорить о России, как территории нравственности, что заложено свыше в основе народной души - быть честным с собой и окружающим миром:

*Хоть Ивана вы умнее,
Да Иван-то вас честнее.*

Участвуя в поэтическом марафоне, мы реально выступим против косности и корыстолюбия, двойных стандартов, плутовства и моральной нечистоплотности. По выражению русского писателя Д.И. Фонвизина, «ум – чистая безделица, а подлинную цену ему даёт благонравие». Носители приземлённого практицизма и сами боятся условной «глупости» Ивана, его естественной рассудительности, органического разума, здравого смысла и сметливости. В истории России всегда находились те, кто «отдавал её в мученья»:

*Я велью тебя терзать,
В мелки части разорвать...*

И русский народ находил в себе физические, моральные, духовные силы спасти мир от монголо-татарского, наполеоновского, гитлеровского нашествия. Это народ-победитель. Теперь настал черёд спасать и самих себя, и мир от морального разложения, в том числе и такими средствами, как богатство, острота народного юмора, яркость, образность, живость, остроумие народной фантазии, отраженные в «Коньке-Горбунке».

Дорогие друзья!

Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», верный своим изначально поставленным целям, главной из которых является сохранение исторической и культурной памяти, в год 180-летия создания Петром Павловичем Ершовым своей бессмертной сказки, в год, объявленный Президентом РФ В.В. Путиным Годом Культуры, выступил с инициативой проведения чтецкого марафона, посвящённого этой дате и Международному дню защиты детей.

Школьники и студенты, рабочие и домохозяйки, преподаватели и музейные работники, чиновники и предприниматели, в общем, все те, для кого дорога память о нашем великом земляке и его великом творении, станут читать «Конька-Горбунка». Кто пару строк, кто пару строф, а кто и полностью – двадцать четыре часа...

Но, как нам представляется, эта акция должна обрести всероссийское звучание не только именем великого уроженца и гражданина Тобольска, но именами и произведениями других выдающихся русских поэтов, мыслителей, прозаиков.

И здесь своё слово должны сказать города, входящие в Ассоциацию малых исторических городов России.

Углич, Суздаль, Елабуга, Тобольск, Азов, Кунгур, Дмитров, Мышкин... Возможно, эти исторические центры и мало различимы на современных географических и административных картах, но это словно о них, о каждом в отдельности говорится в русской пословице: «Мал золотник, да дорог». И если эти русские города невелики административными масштабами, то они

велики своей Историей, и место их в истории Государства Российского – не на периферии, а в центре Русской Вселенной, там, где находится «красный», святой угол, иконостас.

Напомню слова министра культуры В. Мединского, сказанные им на заседании Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации: «Именно эти города сохраняют уклад нашей жизни, это исторически опробованная модель мирного сосуществования людей самых разных национальностей». Напомню и слова из нашего Обращения, в котором говорилось об инициативе проведения чтецкого марафона: «Сегодня много говорится о поисках того, что может объединить всех нас. «Выплывают расписные челны» глобальных проектов и программ, делаются заявления с высоких трибун, но дальше деклараций дело, как правило, не идёт.

Недавно известный публицист и писатель Александр Проханов, находясь в Тобольске на юбилее нашего Фонда, отметил, что «не удаётся консолидировать граждан на большом спектре вопросов. И эти разрывы, разломы приводят к огромным утечкам социальной энергии. Смута отвлекает народ от решения кардинальных проблем. Это не может длиться вечно...»

Не может. Но для этого необходимо и каждодневное взросление души, невозможное без сохранения святынь исторической памяти, святынь единокровного родства между прошлым и настоящим, без чего о будущем говорить не приходится...»

Мы должны поставить вопрос возврата русской культуры на тот надлежащий уровень, с которым мы всегда имели дело. Мы обязаны напомнить всем и каждому, что потеря интереса к чтению – это потеря нашей культуры, а потеря культуры – потеря государства.

Именно в этом суть нашей совместной акция, когда тысячи людей обратятся к русской классике, чья человечность и осмысленность спасает – и спасёт! – наш русский мир. Русская классика сотворена сынами России – из всех местностей, где Отечество наше обретало свой голос – от самой почвы, рождавшей такие имена, как Пётр Павлович Ершов. Как Лесков, Аксаков, Фет...

Наше культурное единение цены вообще не имеет, ибо выбивает почву из-под ног тех, кто хотел бы повторить «Майдан» и в России. Кстати, нам стоит выступить и с обращением к жителям Севастополя, Ялты, Керчи, Феодосии, Мариуполя о присоединении к нашему Празднику русской словесности.

Нам есть чем гордиться и есть чем спастись – нашей великой культурой и нашей славной, иногда трагической историей, которые просто не имеют право закончиться временами великой смуты, которая всё ещё продолжается. Продолжается смущение души нашего народа, когда пытаются навязать нам лживую историю Отечества. Но пока не разрушено наше культурно-историческое единодушие и единокровие, наше стремление друг к другу, Россия непобедима!

Память

Лидия Довыденко

ДОРОГИЕ МОИ ФРОНТОВИКИ

Они любили жизнь, мои дорогие ветераны, и святой праздник – День Победы. Их судьбы подобны бусинкам, вплетённым в роскошную косу российской красавицы по имени Победа. «И так сладко рядить Победу, // Словно девушку, в жемчуга!» Эти слова написал Николай Гумилёв в Первую мировую войну, а звучат они и сегодня свежо и ярко, потому что День Победы – священный праздник, требующий поклониться «тем годам, которых забывать нельзя». Кто-то суетно пытается украсть у нашего народа Победу, умалить Её, переписать историю, но Россия боль свою всегда умела переплавить в силу. Сохраняет она потребность поклониться «и живым, и мёртвым» «всем миром, всем народом, всей землёй!» за тот «великий бой», в котором народ, связанный святым братством, совершил великий подвиг, решив исход битвы, неслыханной по жестокости. Мой рассказ звучит устами тех, кто вернулся из боя, выжил «всем смертям назло», но перед тем, как уйти в другой мир, завещал нам жизнь. На разных дорогах встретили они Победу, но все искренне верили, что фашизм, ввергнувший их, их семьи в ад войны, нужно победить, и они это сделали, потому что шли не убивать, а защищать страну.

ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ РОМАХИН

Путь к Победе у него начался с горестного отступления к Москве из Белоруссии, где он проходил воинскую службу. Закончив учительские курсы в 1940 году, Павел Иванович получил направление на работу в школу на Кубань, в Роговской район, в станицу Джерелиевскую, а осенью его взяли в армию. Служил в Гайновке Гродненской области в артиллерии:

– Мне доверили дальномер, я определял высоту, передавал на приборы, а потом по целям била зенитка. В мае 1941 года нас отправили в деревню Крупки Минской области на сборы. «Кукурузник» рукав таскает, а мы по нему бьём. Если близко к самолёту стреляем, он крыльями покачивает. Когда началась война, у нас было только две пушки для тренировки, а стрелять нечем. А тут уже Минск бомбить начали. Меня перебросили на артиллерийский склад, доверили нам эшелон с боеприпасами. С фронта приезжали машины, а мы грузили снаряды. К осени вместе с нашими отступающими частями мы приблизились к Москве. На станции Реутово мы выгрузили последние снаряды и начали сами делать мины, упаковывая в ящики. У нас не было начальства. Руководил всеми старшина, а я у него был в заместителях. Потом меня перевели в школу миномётчиков. От Сталинграда наша часть была перебросена к Ростову. Здесь фашисты, боясь мешка у Кавказа, сопротивлялись недолго и отступили. И вот Полтава. В памяти навсегда остался случай удивительный, даже мистический.

Копая окоп. Вдруг непонятно откуда к ногам упал лист бумаги, на котором с удивлением вижу портрет А.С. Пушкина. Сложил листок вчетверо и носил в гимнастерке всю войну. И сейчас сохранилась лишь его четвертинка.

Павел Иванович достаёт альбом с фотографиями и показывает стёршуюся четвертинку портрета Пушкина.

– Это моя священная реликвия, может быть, сохранившая солдата на войне. Я всё время думал, как это могло случиться тогда, что ветер принёс мне этот листок. Мы рыли окопы в

широком поле, окружённом лесом, до ближайшей деревни километров пять. На войне не до поэзии, тяжёлые солдатские будни, и хотелось как-то объяснить себе, что же это значит, что к моим ногам ниоткуда, можно сказать, с неба упал портрет поэта. Стал вспоминать стихи Пушкина, которые учил в школе. И тут пришли на ум строчки из «Полтавского боя» Пушкина:

Уж близок полдень. Жар пылает.
 Как пахарь, битва отдыхает.
 Кой-где гарцуют казаки.
 Ровнясь, строятся полки.
 Молчит музыка боевая.
 На холмах пушки, присмирив,
 Прервали свой голодный рев.
 И все – равнину оглашая,
 далече грянуло ура:
 Полки увидели Петра

– И я себе объяснил появление передо мною портрета Пушкина, как знак предстоявшей победы над врагом. Как шведы были разгромлены под Полтавой, так будут разгромлены фашисты.

С этой верой, с боями Павел Иванович прошёл Украину, а потом – Румынию, Венгрию, Болгарию, Югославию. Как поётся в песне, «мы пол-Европы прошагали», это относится в полной мере и к Павлу Ивановичу Ромахиному.

– Как замечательно нас встречали в Югославии! – вспоминает солдат. – Для нас открыли бесплатные харчевни, приносили нам корзины винограда. Так хорошо, сердечно, дружелюбно к нам относились!

День Победы Павел Иванович встретил в Альпийских горах. О врагах, о фашистах мой рассказчик всё время говорит «он» (враг):

– «Он» засел в горах, укрепился на вершинах, и нам нужно было его оттуда выбивать. Альпы – очень красивые горы, но погибло здесь наших солдат немало, – загрузил Павел Иванович. Какой немислимой ценой досталась Победа!

Мы помолчали, а потом мой герой продолжил:

– Согривала мысль, что здесь когда-то был Суворов. Мне неоднократно предлагали пойти учиться на командира, но я не хотел расставаться со своими ребятами, и остался солдатом.

А потом было возвращение на родину, от Альпийских гор до Каменец-Подольска – пешком. Кроме множества медалей, у Павла Ивановича два ордена Славы. Я прошу рассказать о событиях, предшествовавших этим наградам.

– К первому ордену я был представлен после взятия Днепра. Нам сообщили, что немцы везут снаряды для фронта колонной машин. Это было в плавнях Днепра в 1943 году. Мы эту колонну своими минами расчехостили в пух и прах, – вспоминает Павел Иванович. – А второй орден – за Будапешт. Это горная крепость. Гитлер планировал её не сдавать. Мы свою огневую позицию установили, а связи нет, где-то провод перебит. Посылали связиста, он не вернулся. Ещё двоих послали – тоже не вернулись. Послали меня. Я дошёл до перекрёстка улиц и вижу, что там лежат мои мёртвые товарищи. Перекрёсток простреливается, чтобы не дать нам наладить связь. Я высчитал, что «он» бьёт через каждые две-три минуты. И мне понадобилось выскакать из укрытия на эти две минуты несколько раз, чтобы провода соединить: выбежал – собрал провода, и в укрытие. Выбежал – зачистил зубами их – и в укрытие. Я соединил их и услышал, что миномёты вскоре заговорили...

После демобилизации Павел Иванович вернулся в родную деревню в Рязанской области, а подруга писала ему с Кубани письма. Её звали Надежда Григорьевна, и она стала женой Павла Ивановича. Вместе уехали в Краснодарский край. Работали в школе в посёлке имени Тамаровского. Павел Иванович стал директором школы, преподавал историю, а Надежда Григорьевна – русский язык и литературу. Закончив Московский педагогический институт, он вместе с семьёй уезжает в Сибирь. После войны в деревнях Кубани было мало детей, а значит,

часов в школе тоже было немного. И Павел Иванович оказывается в посёлке Котовском, в Яйском районе Новокузнецкой области. Здесь он тоже работал директором школы. В письмах, которые ему слали оттуда позже, ученики писали: «Деревья, посаженные Вами, сейчас превратились в шумящий сад». Дело в том, что Павлу Ивановичу было удивительно, как это люди живут без сада у дома. Деревня большая среди тайги, и одна единственная берёза на улице. По его почину и предложению были высажены сады у домов, у школы, на улице. И все жители потом вспоминали добрым словом директора школы Ромахина.

Павел Иванович с семьёй возвратился на Кубань, поселился в станице Роговской. Здесь были корни его жены, Надежды Григорьевны, далёкие предки которой были выходцами из Запорожья. Здесь, на Кубани, у её прадеда Балахтыря была своя земля, табуны лошадей, стадо коров, а бычков вообще не считать. На месте прежнего прадедовского дома был построен новый дом. И земля приняла нового хозяина.

– Был у меня ещё один случай в жизни, который считаю знаковым. Однажды в 1957 году копал я огород и нашёл мужской серебряный перстень с двумя буквами «П» и «И». Буквы на печатке выбиты такие витиеватые, линии плавные, закруглённые. И я решил, что это знак мне: «Твоя земля, работай на ней, возделывай её».

И Павел Иванович дом построил, сад посадил, растил своих детей и своих учеников. После смерти Надежды Григорьевны в 2003 году Павел Иванович переехал в Балтийск Калининградской области, к дочери Ларисе, тоже по профессии учительнице истории, как и отец.

Он вспоминает свой великолепный сад, виноградник и скучает без него. Два года назад Павел Иванович начал писать стихи, хотя раньше, чтобы написать письмо, надо было сделать усилие над собой. Но ведь он с родины Есенина, и не зря ему с неба упал листок с портретом Пушкина.

– Сад ты мой любимый, – складываются строчки у Павла Ивановича. Он вспоминает черешню у дома, грецкий орех, цветущий абрикос, колодец, оставшийся от деда Данилы, громадные кисти винограда, помидоры весом в кило – один.

Две больших толстых тетради стихов Павла Ивановича Лариса с любовью перелистывает и какие-то зачитывает мне.

– Мне все его стихи нравятся, но особенно те, где звучит потрясающая любовь к маме: «Глаза твои свели с ума, // Как много света вижу в них!»

А также в его стихах много описаний природы, – продолжает Лариса. – Он хочет природу очеловечить, чтобы мы понимали друг друга.

Павел Иванович в свои 96 лет был полон любви и нежности к людям, к природе, к своим двум внукам и правнукам.

ГРИГОРИЙ ПЕТРОВИЧ ВОРОБЬЁВ

Он родился в 1922 году в Рязанской области, был жизнелюбивым человеком, открытым, добрым. О войне рассказывать не любил, потому что тяжело вспоминать боль, горечь, муку человеческую. Рассказал он лишь вот какой эпизод:

– Помнится тяжелейший бой у деревни Керново на речке Воронке. Рота, где я служил, получила приказ: выкопать окопы в человеческий рост, и «Ни шагу назад!» Чтобы нас оттуда выкурить, фашисты наносили бомбовые, артиллерийские удары, миномётным и пулемётным огнём нас накрывали. Но мы держались. И тут вдруг наступила тишина. Стали шевелиться, стряхивать с себя землю, попавшую в уши, за шиворот. У немцев передышка. А нам очень пить хочется. Пока не начался следующий обстрел, я решил выбраться в сгоревшую недалеко деревню, чтобы добыть воды. Ползком и перебежками добрался я до места, где была деревня. Жуткая улица, только печи от домов остались. Головни ещё дымятся. Колодец нашёл, а ведра нет. И вижу, что одно здание поодаль уцелело. Решил я в него войти. Оказалось, это школа. Я осторожно ступил на порог, толкнул дверь

с коридора, прямо напротив входа. Это была, видимо, учительская, где стоял стол, а на нём – патефон. В эту минуту я забыл о войне, о только что пережитом ужасе от воя снарядов и оглушительной бомбардировки с воздуха. Я рванулся к патефону и завёл его, поставил иголку на пластинку. Полилась чудесная мелодия. Это был «Вальс цветов» из балета «Щелкунчик» П.И. Чайковского. Что это было за потрясение души, я не могу передать. И все волнения, то напряжение физических и душевных сил, которое было пережито во время боя, на несколько мгновений забылись. Такой контраст был между смертельной опасностью и классической музыкой!

Патефон с этой единственной пластинкой я взял и понёс с собой; соседняя с учительской дверь привела в класс, где в левом углу на скамейке стояла кадка – широкое деревянное ведро с металлической ручкой. Я смог дотащить до окопа воду вместе с патефоном. Заведя его, я смотрел, как смягчаются лица солдат, когда звучала мелодия Чайковского. Патефон передавали из рук в руки по окопу и слушали, согреваясь музыкой, пока пластинка окончательно не затёрлась. Уже после войны, находясь в гостях в Минске, я уговорил своего брата пойти в Академический театр на балет «Щелкунчик». Брат долго сопротивлялся:

– Тащишь меня на детскую сказку.

А потом, после спектакля, вместе радовались миру, находясь под воздействием волшебного спектакля.

О себе Григорий Петрович рассказал так:

– У моих родителей было три сына и одна дочь. Я был призван на действительную службу 6 октября 1940 года после окончания техникума. Во время войны сражался в действующих войсках береговой службы Балтийского флота, начиная с первого дня войны. Участвовал в обороне Лиепаи, Ленинграда, а затем – в прорыве блокады и освобождении Прибалтики в звании сержанта, командира отделения, помощника командира взвода. После победы, 30 января 1946 года, переведён в Пиллау (Балтийск) в составе строительного управления флота с дислокацией в Фишхаузене (Приморске). Принимал активное участие в ремонте, в строительстве военных и гражданских объектов. 12 декабря 1956 года назначен директором строительной школы, где учились дети из детских домов. Всего 2000 человек получили документы о строительном образовании. С 1 сентября 1961 года в школе стали готовить матросов I класса – рулевых и рыбообработчиков. Всего обучено и выпущено 8000 специалистов на все типы судов Калининградрыбпрома. В 1965 году награждён знаком «Отличник профтехобразования». 1 июля 1987 года училище было закрыто, и я был назначен начальником дорожного участка Горкомхоза. Тогда было заасфальтировано 6000 квадратных метров дорог и тротуаров, посажено около 1000 деревьев, восстановлен 1 километр ливневой канализации. С 1 июня 1997 года я на пенсии. Состою в Совете ветеранов, принимаю участие в военно-патриотическом воспитании молодёжи. Жена – Воробьёва Лидия Константиновна – участник войны, минёр, умерла в 1997 году. У нас одна дочь, двое внуков и два правнука.

Григорий Петрович Воробьёв награждён орденом «Отечественной войны II степени» и 30-ю медалями. Среди его реликвий письмо, которое он получил уже после окончания войны. В нём написано: «Спасителю моей жизни». На просьбу рассказать, как это было, Григорий Петрович скромно отвечает, что это было на Троицкой высотке, что это письмо одного бойца, которого раненым вынесли с поля боя на плащпалатке четверо солдат.

– Я был одним из этих четверых, – тихо произносит ветеран и замолкает. Как расскажешь о том, что ещё до сих пор не сказано...

ОЛЕНКОВА КЛАВДИЯ ВАСИЛЬЕВНА

– Я вернусь, мама! – говорила Клавдия Васильевна, уходя на войну. Она родилась 20 мая 1924 года в деревне Гаврилово Ногинского района Московской области в крестьянской семье. Умерла в 2010 году в Балтийске.

– Нас, детей, было шестеро, – вспоминала Клавдия Васильевна. – Один брат, остальные – сёстры. Отец наш умер в 30-е годы. Мать воспитывала нас одна. Брат был призван служить на Дальний Восток, но потом был переведён со своей частью под Смоленск, где и погиб.

В школу мы ходили в соседнее село, расположенное за шесть километров от нашей деревни. Одежды и обуви не хватало, поэтому один приходил, раздевался, разувался и передавал следующему ребёнку. Две старшие сестры в школу не ходили, а помогали по хозяйству дома. У нас была корова, но молока мы не видели, потому что сдавали его по госпоставке. Налог присылали платить за всё: молоко, мясо, яйца, шерсть. Есть это в хозяйстве или нет, не имело значения – заплати. Я после школы поступила в педагогическое училище, но не успела его закончить. Началась война. В мае 1942 года в 9 часов утра я была в военкомате. Нас погрузили в вагоны – и вперёд! Прибыли в Выползово Калининской области. Там распределили – куда, кому, на какие курсы. Я попала на курсы водителей автомобилей. Обучение длилось месяц, а потом я оказалась в 75-м БАО (Батальоне аэродромного обслуживания), села за руль полторки на автозаправку. Мы прибыли на озеро Селигер. Две недели я была стажёром, и вот самостоятельный выезд на аэродром. Нужно подвезти на машине горючее в случае вылета самолетов на боевое задание.

Я выехала одна. К дороге близко подступал густой кустарник. И вдруг машина заглохла. Я вышла из машины и подняла капот. Поняла, что ничего не могу сделать, и горько заплакала. Со слезами на глазах стала шевелить проводки, и вдруг... машина заработала. Всё дежурство я её не глушила, так как боялась, что она не заведётся, когда надо будет выезжать на аэродром. Постепенно я стала привыкать к машине. И ребята хорошие были в автороте. Всегда помогали, никогда не оставляли в беде. Но командир роты – капитан Вишнеvский – был очень строгим и требовательным. Служба была очень тяжёлой. Недосыпали, ходили впроголодь. Утром в столовой выдадут сухари или пайку хлеба – и вперёд! Во время дежурства есть хочется, достанешь сухарь, а он бензином пахнет, солидолом, но жуешь. И всё время мечтала, как закончится война, вернусь домой, буду месяц отсыпаться.

Много испытаний поджидало Клавдию Васильевну на войне: бомбёжки, окружение, обстрелы. Однажды она ехала в колонне по лесной просеке, замыкая вереницу машин, везла цистерну топлива. Дорога была настолько ужасной, что пробила сразу три колеса. Остановилась. Колонна ушла вперёд. Вокруг ни души. Она двинулась на край просеки и увидела вдали советскую машину, а рядом двое солдат. У них закончилось топливо. Клавдия предложила им бензин взамен на ремонт шин её автомобиля. Водитель машины согласился и направился к полторке Клавдии.

– А где шофёр? – спрашивает он у Клавдии.

– Это я, – отвечала девушка.

Ей не верили, пока она не показала свои руки, сбитые, с мозолями, с пятнами гари. Все три колеса ей быстро отремонтировали, и Клавдия догнала своих.

Как хотелось мирной жизни! Однажды на Курской дуге ждало Клавдию Васильевну маленькое потрясение, которое не забылось до конца дней. Она проезжала по местам крупного сражения: всюду кровавые трупы, вздыбленная воронками земля, изувеченные деревья и техника. От больших деревьев стояли высоченные пни, потому что подрублены были снарядами. Стояла жара, ужасно хотелось пить. И вдруг Клавдия выехала к реке. Остановила машину, вышла, наклонилась над рекой, чтобы попить и... с содроганием отшатнулась от берега. Вода была красная от человеческой крови, в реке угадывались человеческие тела. Тогда Клавдия решила подняться вдоль берега вверх по течению, и минут через двадцать перед ней открылась нетронутая войной зелёная поляна с цветами на ней, а у берега чистая, прозрачная вода над

песчаным дном. Показалось, что она в раю, что перенеслась в счастливую мирную жизнь. Вспомнилась родная деревня. Красота природы перевернула всю душу, но и дала ей, измученной, какую-то новую силу, чтобы жить и сражаться дальше.

В апреле 1945 года часть, где служила Клавдия Васильевна, вброд переправлялась через Неман. На середине реки мотор машины захлебнулся. Не раздумывая, Клавдия разделась до белья и прыгнула в ледяную воду. Стояла ранняя весна, воздух был холодным и влажным. А вода в реке казалась ещё холоднее. Машину удалось завести, и Клавдия выехала на берег. Однополчане уже несли ей тёплую одежду и спирт.

Окончание войны наступило для Клавдии Васильевны в городе Шадов под Ригой. И вот, наконец, 29 сентября 1945 года она демобилизовалась.

Она вернулась, как и обещала маме, в свою деревню. Но Клавдия Васильевна, которая прошла три года войны, дома вдруг заболела, целых полтора года не могла выкарабкаться.

– Вернулась домой с деревянным чемоданчиком, денег ни копейки не было, деревня разорена. Всё, что было в доме, выменяно на хлеб. На войне ни разу не чихнула, даже насморка ни разу не было, – говорит Клавдия Васильевна, – бывало, сырую воду пьёшь, даже в болоте мох раздвинешь и напьёшься, и была здорова, а после войны, видно, спало напряжение, да и питание скудное, лекарств никаких в деревне. Только травы пила, этим и спаслась, приехав в Балтийск к своей старшей сестре. Работала коком на корабле, в военторге, ходила на расчистку послевоенных завалов, а позже устроилась в филиал завода «Газавтоматика». Работала токарем-оператором, обслуживая 15 станков. Выйдя на пенсию, не сидела дома, а старалась подработать, ведь после смерти мужа приходилось рассчитывать только на себя.

Вышла замуж она в Балтийске, оставив свою девичью фамилию, мотивируя тем, что из Голенковых одна осталась. За руль машины, теперь уже новенького «Москвича», она снова села лишь в 1983 году. Женщина за рулём в те времена выглядела экзотично. Но главное, Клавдия Васильевна была человеком прекрасной души, верной подругой и общественницей. В праздники она надевала свои боевые награды: орден Отечественной войны II степени и множество медалей, среди которых и «Ветеран труда».

Память

Ирина Булдакова

Ирина Васильевна Булдакова родилась в Баку в октябре 1934 года. В 41-м была эвакуирована на родину отца, в село Сосновка Саратовской области. Бомбёжки, голод, смерть близких пережила тяжело, как и все дети войны.

В 1946 году вернулась в подмосковную Балашиху, поступила в МГУ им. Ломоносова на факультет журналистики. Распределена в Калининград на первое государственное телевидение, где работала с 1958-го по 2006 год редактором, ведущей программ. Член Союза журналистов РФ. Заслуженный работник культуры России. Автор тысяч телепрограмм, десятка фильмов, занимавших Гран-при на всероссийских и международных фестивалях.

В 2009 году выпустила сборник стихов. В 2012, победив в конкурсе издательской программы министерства культуры области, вышел в свет сборник калининградских авторов - детей войны «Цветы под танком». В настоящее время возглавляет региональную «Ассоциацию творческих союзов».

Берега

Берега, берега! Берега...
И мосты, как гвардейские ленты.
Не безбрежна большая вода,
На высотах стоят монументы.

Наклонился ивняк над водой,
Встал камыш обелисками битвы!
А над берегом – вечный покой,
И кресты ждут поклонной молитвы

Как стоял Сталинград, не забудь!
Берег бился, «катюшами» скалясь.
Пусть попробует врать кто-нибудь,
Что с фашистами не расквитались!

Крымский берег – неповторим,
Выбит морем, как орден на ленте.
Крым Андреевским флагом храним,
Русским именем на монументе.

Берег моря и берег реки...
Их с любовью всегда обживали,
Зажигали в ночи маяки,
На Крещение в прорубь ныряли.

Сколько б я ни встречал берегов,
Вспоминается тот, сокровенный.
С кем угодно поспорить готов:
Он один был такой во Вселенной.

Берег детства! Всё в солнце блестит,
Брызги, всплески под гомон весёлый!
Отмель зыбкой ладошкой манит,
Я шагнул, и песок невесомый

Провалился... И берег исчез,
Нет ни неба, ни дна под ногами.
Детский крик: «Ну, куда ты полез?
Там ведь омут!» Спасли... с мужиками.

Берег юности! Парк вековой,
Изогнулась берёза над речкой.
Здесь часами сидели с тобой
И вели разговор бесконечный...

Зашуршали ресницы осок
И закат за рекой заалел.
Соскользнувший прозрачный платок
У твоих целовал я колен...

Берега!.. Берега иногда,
Видно, держатся сговором нежным.
Где ключи, там - святая вода,
Где любовь, наши души – безбрежны...

Память

Александр Красов

Писатель, поэт, творческий руководитель «Союза свободных писателей», лауреат и неоднократный дипломант литературных конкурсов в номинации «Поэзия». Публиковался в коллективных сборниках и периодических изданиях. Автор нескольких поэтических книг. Член Союза писателей России.

БЕРЕГА

Подвигу Николая Загорского

... Он почувствовал, что весь горит...

Г.Х. АНДЕРСЕН

Ну, зачем ты сказала: «Мы скоро увидимся»?! Я не хочу. Слышишь?!..

Ночь разомлела. Смелеют кузнечики. В бледной полоске зари растворяются звёзды, дрожа. И всё глубже на небе межа между нами. Туман так пьянит! Как бессонное твоё дыхание у самых губ ненасытных в последнюю ночь! И томительный шёпот: «Мы скоро...»

Нет! Не искушай! Ненавижу себя за соблазн сказать: «Да»!

Всё светлее вода под прозрачным туманом. Последним обманом луна укрывается за силуэты деревьев.

Пугающая тишина.

Слышишь?!..

Ты должна жить! Ради нашего будущего – синеглазого, смелого, как я сейчас, и красивого, как ты всегда!..

Нервы – рвущиеся провода.

Исподволь, словно из преисподней, на низких, терзающих душу регистрах – неясный, но неумолимо крадущийся гул.

Вдруг сквозь пепел рассвета, разрезав квадратами даль, заскользили в сгустившийся сумрак низин тени танков. Туман, потревоженный, зашевелился, мерцая зрачками приглушённых фар. Лязг и скрежет сквозь рёв оглушительный ближе. Уже вижу выхлопы искр, туполобые башни... Жерла орудий, зловеще покачиваясь и ныряя в туман, устремляются вниз к насыпному мосту через спящие топи.

И вот – головной, показав мне свой крест в перекрестье прицела, вползает на мост.

Броневой трасса, сверкнув фиолетовой искрой, вонзилась в пятнистую шкуру брони...

Ни о чём не жалею... Ты лишь сохрани всё, что было нам дорого, не растеряй в суете, когда новой весной запоёт соловей, не знакомый с войной. И за мной, чтобы страх не прокрался, что всё было зря: похоронки, ранения, концлагеря – ради непокорённых душою и телом детей наших, смелых, красивых и не продающих свободу, спасённую мной...

Головной дёрнулся и застыл. Вспышки выстрелов со всех сторон. Боль разрывов. Бетонные крошки в лицо опалённое...

«Есть!» - в перекрестье – второй. Вспыхнул искрами рядом с дымящимся первым, качнулись кусты...

Торопись с переправой, пока я собой прикрываю весь белый от яблонь и груш правый берег, где ты мне шептала...

А боль стала глуше. Лишь струйки туманят прицел. Едкий запах горящего тола у самой бойницы...

И в Ницце сейчас неспокойно. Ты там обязательно будешь, спросив: «Как тебе?..» Я в ответ улыбнусь лучом солнца на твоих губах...

Ах, как хочется жить! Когда в этой низине опять забелеют кувшинки в спокойной воде и ромашки затянут все шрамы...

А мы так подходим друг другу! Всегда.

Да, я знаю, секунды мои пересчитаны и плотно сложены в ящики цвета листвы, запылившейся от бесконечных разрывов. Печально звеня, они падают, падают, мерно сверкая сквозь пар золотистыми гильзами. Всё впереди стало огненно-чёрным. Горящую траву секут то и дело осколки. И комья земли, оставляя дымиться воронки, взлетают и, падая, катятся, катятся вниз к затаившейся речке, где перед рассветом захлёбывался соловей под плакучими ивами...

Плакать не надо... Но не забывай: я тебя обрекаю на счастье, бросая, как жертву последнюю миру, в разъярённых «Тигров» отчаянное: «За любовь!»

Переводы

Адам Мицкевич Крымские сонеты.

Сергей Овчаренко - поэт и переводчик. Член Союза писателей России – автор восьми сборников стихов: «Сказки улицы Урицкого» (1999 г., 2002 г. – 2-е издание); «За памятью отца...» (2001 г.); «Два города» (2002 г.); «Старые дворы» (2005 г.); «Ночь колдовства» (2007 г.); «Журавлиное счастье войны» (2010 г.). Недавно вышли в свет ещё две книги Сергея Овчаренко – книга-пародия «Подвески королевы» и сборник лирических стихотворений «Зимняя, весенняя, летняя, осенняя». Являясь председателем Евпаторийского клуба любителей поэзии, он входит также в число организаторов ежегодного Международного фестиваля «Поэтический маршрут. Трамвайчик №...» и учредителей Евпаторийского культурно-просветительского общества имени Анны Ахматовой. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Автономной Республики Крым.

I. АККЕРМАНСКИЕ СТЕПИ

Вплываю на простор сухого океана.
Нырять в зелень воз; как лодка на волнах,
Среди шумящих нив мы движемся в цветах,
Минуя острова багряные бурьяна.

Свет меркнет, ни пути не видно, ни кургана;
И путеводных звёзд ищу зря в небесах;
Не утренней зари там отблеск в облаках,
То вспыхнул над Днестром маяк у Аккермана.

Стоим! – Такая тишь, что слышу шелест крыльев,
И соколиный взор их не прервёт полёт;
Колышет мотылёк цветок в траве ковыльной,

И скользкой грудью уж меж стебельков ползёт.
Но ухо в тишине такой, увы, бессильно
Услышать глас Литвы. - Никто нас не зовёт!

II. ШТИЛЬ

НА ВЕРШИНЕ ТАРХАНКУТА

Под ветром на корме лениво флаги реют,
И еле плещет в бухте игривая волна;
Как юная невеста, очнувшись ото сна,
Вздохнёт и вновь летит в объятия Морфея.

На древках мачт нагих, устав как после битвы,
Висят в спокойном сне хоругви парусов;
Кольшется корабль, не чувствуя оков;
Матросы, отдохнув, и веселы, и сыты.

О море! стайка рыб твоих в воде резвится,
Полипу же на дне во мраке сладко спится,
А щупальцами он в тиши лишь шевелит.

О мысль! в твоей глубине воспоминаний гидра,
Что спит в минуту бед, безвольна в страсти играх,
Но при покое в сердце свой коготок вонзит.

III. ПЛАВАНИЕ

Под грозный шум несёт чудовищ из пучины.
- Полундра! Все наверх! – на трап матрос взбежал,
В невидимую сеть, споткнувшись вдруг, попав,
Повис в ней, как паук в тончайшей паутине.

Ветр! – Ветр! – ликует бриг, канаты рвёт и лини,
Сквозь пенную метель взбирается на вал,
Гнёт шею, тучи лбом на лоскуты порвав,
Взяв ветер под крыло, летит в небесной сини.

Полётом мачт парит над бездною мой дух,
Как косы парусов фантазия, и слиться
С весёлою толпой невольный крик стремится;

Дам руку кораблю, на грудь ему паду,
Сдаётся, что быстрее его так поведу:
Мне любо и легко! я знаю, как быть птицей.

IV. БУРЯ

Треск палуб, сорван грот, рык вод и вьюги вздохи,
Команды страшный крик и помп зловещий звук,
Трос выронил моряк из ослабевших рук,
Закат кроваво ал, надежды нет и крохи.

Завыл в восторге вихрь, на горы волн и пены,
Что из пучин морских вздымает каждый миг,
Выходит Гений-смерть и движется на бриг,
Как опытный солдат в проломленные стены.

Кто тянет к небу руки к концу на полпути,
Кто молится богам в предчувствии могилы,
Кто падает, прощаясь, в объятия друзей...

Паломник в стороне сидел в тени ветвей
И думал: счастлив тот, кто растрянжирит силы,
Но знает, как молиться и как сказать «прости».

V. ВИД ГОР ИЗ СТЕПЕЙ КОЗЛОВА
ПИЛИГРИМ И МИРЗА

Пилигрим

Там? Не Аллах ль среди глубин морских потоков
Для ангелов из туч отлил трон ледяной?
Иль Дивы, суши твердь подняв сплошной стеной,
Закрыли все пути созвездиям с востока?

Верх - в пламени, смотри! Горит Царьград без срока?
Иль расцветил Аллах земли покров ночной,
Дрейфующим мирам там щедрою рукой
Лампады разбросав на небесах высоко?

Мирза

Там? У зимы бывал; я видел в снежном царстве
Как из гнезда её пьют жадно рек стада;
Оставлен где мой след, орёл там гость не частый,

Где в колыбели туч, набегавшись, всегда
Гром дремлет, видя сны; там над чалмой не гаснет
Во мраке одинокая звезда.
То Чатырдаг!

Пилигрим

А-а-а!

VI. БАХЧИСАРАЙ

Гирей, ваш дворец сегодня в запустенье.
Где важные паши стучали лбами в пол,
Где зал любовных игр и ханский где престол
Полёты саранчи и мерзких жаб скопление.

В цветные витражи змеёй вползли растенья,
Безмолвный камень стен плющ ободрал, как вор.
Над делом рук людских свершая приговор,
Он кистью Вальтасара вывел «Разоренье».

В гареме среди чаш работы безупречной
Есть мраморный фонтан, что до сих пор стоит.
Роняя жемчуг слёз, твердит он бесконечно:

«Где ж вы, любовь и власть, где славы пышный вид!
Должны вы быть в веках, но струи быстротечны,
О горе! вас уж нет, а голос их звучит».

Перевод Сергея Овчаренко

Молодые авторы

«Кто-то же должен быть с ними!»

О рассказах Елены Тулушевой и об их авторе

Елену Тулушеву начинающим автором не назовёшь, хотя пишет она всего два года. В литературу Елена пришла сложившимся человеком. В 27 лет за её плечами Московский институт клинической психологии, аспирантура, работа во Франции и Соединённых Штатах (в рамках проекта «Духовность для детей»). Скажут: «Экая везуха!» Но вряд ли любители «везухи» согласились бы по примеру Елены заниматься с неблагополучными подростками из гетто Лос-Анджелеса, куда даже свирепые американские копы предпочитают не соваться.

Вернувшись в Россию, она продолжает ту же работу с молодёжью столичных окраин. Елена — старший медицинский психолог в реабилитационном центре для подростков, переживших насилие, а также страдающих алкогольной и наркотической зависимостью. «Мы пытаемся дать им возможность посмотреть на мир по-новому, предложить вариант другой жизни», — говорит она.

Как-то я спросил Елену, не жалеет ли, что посвятила жизнь работе с таким малосимпатичным в большинстве, а зачастую и агрессивным контингентом. Казалось бы, обладательница красного диплома престижного столичного вуза могла бы найти место получше. Ни минуты не раздумывая, как о чём-то давно решённом, она сказала: «Кто-то же должен быть с ними!»

Тулушева не из тех, кто может удовлетвориться заботой о неблагополучных с девяти до шести. В свободное время она активно занимается волонтерской работой, выступает по радио и телевидению, рассказывая о трагедиях наркозависимых ребят.

Писательство для Елены — ещё одна возможность продолжить борьбу за своих подопечных. Герои её рассказов — реальные люди. С каждым она работала не один день, пытаясь понять, где истоки обрушения молодых судеб. И теперь даёт им высказаться, а подчас и выплакаться (рассказ «Виною выжившего»). А это уже немало.

Она пишет в жанре нон-фикшн, самом популярном сегодня. Популярном, но и уязвимом: при поверхностном чтении может показаться, что здесь не требуется искусства письма. Дескать, литература такого рода рождается сама собой, знай, записывай. На самом деле нон-фикшн требует даже большей творческой изощрённости, чем традиционная проза.

Подчеркну ряд несомненных достоинств авторской манеры Тулушевой. Во-первых, это точно выбранные социальные типажы. Того же Славу из одноимённого рассказа легко узнать на фотографиях ребят из Бирюлёва или с Манежной. Органичная речь — язык столичных окраин. Разумеется, он далёк от того упругого, разнообразного, душистого языка, к которому нас приучила деревенская проза. Но на асфальте, заплёванном и стылком, говорят по-другому.

Во-вторых, это художественно выразительные детали. В рассказе «Мамы» подросток, узнав, что его вырастила не родная мать, по-иному смотрит на неё: «Он заново изучал это чужое лицо». Сказано с характерной подростковой безжалостностью. И беззащитностью.

Рассказы компактны и динамичны — результат тщательного отбора материала. Особо отмечу объективизм. Редкое качество. В отличие от большинства сверстников, норовящих не просто «войти» в созданный ими текст, но и заполнить его своим присутствием, Тулушева держится в стороне, предпочитая внимательно наблюдать за героями. Они занимают всю сцену, действуют, думают, печалются, злятся. Это придаёт повествованию энергию и убедительность.

Иной раз такая манера выходит Елене боком. На форуме молодых писателей в Липках, где её рассказы обсуждали на семинаре «Нашего современника», многие требовали от автора «перевоспитать» скинхеда Славу, одержимого эгоистическим юношеским «богоборчеством».

Так и хотелось сказать: «Не нравится герой? Ну, так и автор от него не в восторге». Изображая Славу, Тулушева рассказывает о явлении, присутствующем в молодёжной субкультуре, влияющем на жизнь общества. Слава — типичный скинхед со всем комплексом идей, устремлений, фобий этих злых и несчастных ребят, выброшенных на обочину жизни. Желаете «исправить» таких, как он, — идите к ним! Научитесь говорить с ними! Между прочим, именно этим и занимается Елена в реабилитационном центре, пока вы «благочестиво» резонёрствуете.

И последнее, на что обращу внимание читателей. В рассказах Тулушевой впечатляет разнообразие форм повествования. Вместо стандартного пересказа происходящего от лица автора здесь и внутренний монолог (рассказы «Слава», «Винойю выжившего»), и напряжённый диалог («Мамы»). И это не просто демонстрация технической «оснащённости». Это приём, позволяющий читателям глубже проникнуть в мир героя, взглянуть на жизнь его глазами.

Не могу не упомянуть о рассказе «Когда я умру, я стану собакой», хоть он и не вошёл в подборку (выбивается тематически). Это виртуозный монтаж двух параллельных диалогов. Молодая пара лениво переговаривается в номере курортного отеля. А в углу негромко работает телевизор — там свой сюжет с драматическими поворотами. Время от времени парень пересказывает происходящее на экране подруге, лежащей на кровати. Автор ни единым словом не обозначает своего отношения, но читателю и так ясно: эти двое, несмотря на физическую близость, предельно разобщены. Им нечего сказать друг другу.

Я сам не раз писал о разобщённости людей, о формах социальной солидарности, о необходимости помощи обездоленным, о волонтерской работе. Мне близка нравственная основа деятельности и творчества Елены Тулушевой. С удовольствием представляю читателям её первую публикацию!

Александр КАЗИНЦЕВ

Елена Тулушева

СЛАВА

Звонок в дверь. Вот уроды! К матери что ли? Скоро вроде Рождество, наверняка кто-то из её церковных. Кто ещё придёт в такую рань, когда у страны двухнедельный запой — только эти, святоши. Башка раскалывается. Надо Филу набрать, сегодня хоть выйти освежиться. Что ж так долго не открывает?! Убил бы, весь мозг прозвонили!

Не вынимая головы из-под одеяла, он нащупал на полу липкий мобильник. Дрянь какая, опять залили! На раздражающем глаз дисплее высветилось 7.30. — Что за... Ну это уж слишком! К матери в такую рань никогда не приходили. Совесть-то у них должна быть... Или не к матери?... — неприятный холодок пробежал по хребту до самой макушки. — Спокойно. Что дёргаться? Уже три дня прошло. Чёрт! В голове застучало, как молотком. «Славик, тебе же врачи говорили, нельзя пить столько — у тебя давление!» — скривя лицо, он спародировал мамину интонацию. — Забавно. Он начал вспоминать лысого Игоря Владимировича, который через тройные бифокалы внимательно разглядывал волны его ЭКГ: «Ну, и куда ж Вы, молодой человек, такими темпами приедете? Сначала алкоголь, потом пьяные выходки, незащищённые половые связи, наркотики... А с Вашим сердцем, не дай бог!» — Да уж, мужик, тебе-то бог явно всего этого не дал, так что не завидуй.

Воспоминания оборвал повторившийся звонок. Неожиданно для себя он съёжился и вжался в спинку дивана. — Да что это я? Сейчас мать откроет или спровадит, кого там принесло. — В коридоре слышались спешные шаги, а из спальни — недовольное ворчание отчима. Секунды превратились в тягучую смолу. — Почему не открывает? — Поддавшись какому-то

животному страху, он вытащил голову из душного тепла и начал прислушиваться. Мать явно была растеряна, открывала медленно, осторожно. Мужские голоса. — Неужели всё-таки к нему?! — Забыв о тяжести похмелья, он в одном скачком допрыгнул до двери и задвинул щеколду. Глупый детский каприз, когда он потребовал от матери замок на дверь, кажется, впервые в жизни помог ему почувствовать себя в безопасности. Тогда, в двенадцать лет, его раздражало её вторжение в самый разгар игры в «приставку» с ребятами с её стандартными «мальчики-не-хотите-покушать». Он нахмурился — сейчас не время для детских воспоминаний, надо срочно прийти в себя.

— Вот, пожалуйста, ордер на обыск, — послышалось размеренно из коридора. — Да Вы не переживайте, Вы же знаете — Слава у нас на учёте давно. Разговор, конечно, серьёзный. Думаю, он сам сейчас всё расскажет.

— А обыск зачем? — голос матери звучал встревоженно. На него накатила паника. Он замер, зацепившись взглядом за книжную полку. — Чёрт, книги! — Две полки готовых улик, всё перемешку. — Скорей думай!

Стук в дверь. И следом бешеный стук — сердце.

— Слава, к тебе пришли. Из милиции. — Мать всеми силами старалась придать голосу твёрдость и спокойствие. Получалось плохо. Задрожав, как в детстве после холодной речки, он с трудом нарочито безразлично выдавил:

— Ща, мам, я голый. Сейчас штаны натяну.

— Может, вам пока чаю? Давайте я документы заодно поищу. У него выписки есть, характеристика из колледжа хорошая. Мы тогда для комиссии брали, после их собраний на Манежной площади, помните?

— Да уж как не вспомнить, Татьяна Борисовна! Собранище вышло у них на славу. Это уже какой — третий его привод был? Давайте, несите бумажки, они ему пригодятся.

Думай, думай же! Ты же умный! Среди всех этих тупых баранов ты из тех единиц, которые реально понимают суть движения. Вот они — доказательства твоего интеллекта — чёрные обложки, затёртые страницы... Это же могила — точно зона!.. Окно... Ещё темно, холод, все спят, никто не услышит! Он подбежал к подоконнику — от рамы потягивало зябкой промозглостью, на улице медленно падали редкие снежинки. — Плохо, не заметёт — вдруг найдут? Хотя — как докажут? Тогда, на Манежке, у них даже на камерах мелькала его фигура — и то не сумели, а не пойман на месте — не вор. Пришлось отпустить за неимением доказательств. Скорей! В запасе минуты две, не больше.

Старые расшатанные стеклопакеты открылись бесшумно. Он сгрёб с полки полную охапку, свалил на подоконник и неловкими движениями начал выкидывать книги как можно дальше в окно, чтобы не ударились о балконы или карнизы нижних этажей. Внутри всё кипело. Казалось, он теряет драгоценное время, не в силах поворачиваться быстрее. В любой момент они могут ворваться. Вторая полка, самое дорогое, его любимое. Книги будто цепляются за шкаф, возмущаются. Их совсем немного — но этого достаточно, чтобы всё сломать. Последняя партия почти растаяла в окне. Осталась только она — его гордость, святыня, книга «великого тирана». Он в ярости крутился по комнате, пытаясь пристроить её куда-нибудь, где не найдут.

— Идиот, раньше надо было думать, никаких секретных мест или лазеек. Всё на виду! Эта привычка с кадетского корпуса — там быстро «объясняли» новичкам, что такое «прятать»: твои вещи никогда не могли быть только твоими, если ты не из сильнейших. Три года кадетства — три года тоски, унижения, бесконечной борьбы за выживание. Он так и не смог простить матери все эти скитания — пятидневки в саду, лагеря на все три смены и, наконец, — подобие армии для сотни брошенных мальчишек. Первое время он тайком плакал, каждые выходные жаловался ей, просил забрать, обещая прекратить школьные драки и прогулы. Она только разводила руками: у неё работа, надо на что-то жить, тянуть его в одиночку, совсем не остаётся времени за ним следить. Он кивал, старался понять, вытирал слёзы и снова возвращался туда каждое воскресенье. Он старался, но так и не смог простить. Там было совсем не так, как показывали в старых военных фильмах. Чтобы выжить, нужно было драться. Постоянно, за всё: за очередь в душ, за вторую котлету, за свою койку у окна. Он дрался с яростью, мысленно представляя в каждом обидчике пьяного отца, которого так и не запомнил. Он с недетской жестокостью бил в лицо, под дых, представляя, как отец корчится от боли. Сначала он дрался, чтобы выжить, защитить себя, затем,

завоеывая всё больший авторитет, он дрался уже просто, чтобы удержать позицию. Ему нравились восхищённые взгляды ребят, когда он входил в «качалку», нравилось чувствовать бешеный стук сердца, привкус крови во рту.

Стук сердца... Сейчас оно билось так быстро, будто боялось, что скоро замолкнет. Прятать некуда — последняя книжка полетела в окно. Он глубоко вздохнул, вытер потные ладони о простыню, натянул домашние треники и направился к двери.

— Здравсьте, а вы ко мне? — он не пытался сделать вид, что удивлён.

— Ну, привет, Слава! К тебе. Давно не виделись, — лицо лейтенанта изображало пародию на улыбку. Второй, с раздражённо скучающим видом, мешал сахар, мерзко позвякивая ложкой. Звук отдавался в голове долгим эхом.

— Да вроде не так уж и давно, — просиял как можно более беззаботно Слава, — с прошедшими вас!

— Ну что, сам расскажешь или освежить твою память? — поздравление с праздниками не добавило лицам гостей доброжелательности.

— А что? Случилось что-то?

— Значит, освежить...

— М-м-м, да вы начните, а я, может, вспомню. Сами понимаете — Новый год, каникулы. — Желудок начал ныть и выкручиваться, к горлу подступила тошнота, во рту пересохло.

— Где ты был в ночь с первого на второе января?

Конеч. Время остановилось, стук внутри тоже замер. Они знают. Откуда?! Это точно конеч. Сколько раз всё проходило гладко. Неужели Фил? Да нет, не мог он. Хотя если взяли с чем-то, надавили, мог и сдать... Сами идиоты, без масок вышли. Но ведь смотрели по сторонам — никого вокруг. Этот второй не мог знать ни имён, ни адресов. Он и опознать бы их вряд ли смог — темно было, все на одно лицо. Сколько таких ходит по району в праздники. Недоглядели. Да что там — в пьяном угаре можно и не такое проглядеть!

Главное — не молчать слишком долго, а то точно уцепятся. Так, пришли в 7.30. Значит, боялись не застать. Значит, дело ещё не завели — прислали бы повестку, наверное. Возможно, ничего у них и нет, пришли так, просто подозревают. Районная база состоящих на учёте не такая уж большая, вот и ходят, выискивают, может, кто сам дрогнет — сознается. От этих мыслей стало легче: вывернусь. Презумпция невиновности, всё такое...

— Ну, с первого на второе... я как все! — так же безмятежно улыбнулся он.

— Как кто — все? — Тот, что пониже ростом — Павел Сергеевич — начал заметно раздражаться. Он лично вёл дела Славы, был его «куратором». Нормальный, в принципе, мужик, сколько раз болтали вне стен отделения, бывало, смеялись вместе. Но сейчас... Сейчас он смотрел совсем по-другому, как будто у себя в кабинете, полном других ментов. Может, дело во втором, что пришёл? А зачем они пришли вдвоём, раньше такого не было... Спокойно, надо прекращать улыбаться, лучше прощупать, что у них реально есть.

— Как все — пил с ребятами. Потом ещё с девчонками из колледжа. Вы скажите время, чтоб я припомнил.

— Время, Слава, с 23.00 до полуночи. Ну и, собственно, после полуночи тоже.

Знают. Пропал. Всё сходится. Лицо начало гореть, на лбу выступили капли пота. Теперь бы понять, как много они уже знают, да не сказать лишнего.

— Думаю, мы гуляли. Вроде... Да, гуляли по району, петарды пускали. Ничего особенного.

— Ну да, действительно. А что было потом?

Просто давят, разводят. До последнего надо отпираться.

— Да всю ночь и гуляли. Потом... под утро домой. Вроде.

— Да, он пришёл около пяти. Ключ не взял, мне пришлось открывать, — всё это время мать молчала, боясь пошевелиться.

— Татьяна Борисовна, Ваши показания нам понадобятся позже! — мать невольно замолчала, оборванная на полуслове, и начала бесцельно переставлять предметы.

Они и правда начинали злиться. Пятое января, 7.30, выезд с обыском. За смену заплатят по праздничному тарифу, но всё же они надеялись провести её в тёплом кабинете, по очереди отсыпаясь и просматривая повторения новогодних «Огоньков». Но на них повесили эпизод с

нанесением тяжких телесных повреждений, да, возможно, ещё и по 282-й статье. А с нынешним мэром вся верхушка готова выслуживаться по этой линии, целые блоки профилактической работы разработали. На бумаге, конечно, но трудились же. И вот тебе — малолетние придурки не рассчитали силы. А по шапке получит весь отдел.

— Слава, мы тут до ночи сидеть не будем. Или сам расскажешь, или посидишь у нас сутки, поумнеешь.

— У вас? Да что он сделал?! Он мой сын, я имею право знать, с какой целью вы его допрашиваете! Он несовершеннолетний! — голос матери звучал истерически.

— Татьяна Борисовна, — уже на повышенных тонах продолжал Павел, — Ваш сын, Слава, подозревается в нанесении тяжких телесных повреждений в виде ножевых ранений. Радуйтесь, что ещё не с летальным исходом. Но это — уже возможно реальные сроки, а не «условка». А это, соответственно, значит — и Вам, и Славе стоит с нами сотрудничать. Вы меня хорошо понимаете?

«Радуйтесь, что не с летальным»?! — Идиоты, не добились, не проверили. Баран, надо же было так, ведь нож был, столько ударов — всё мимо что ли?

Голова закружилась. Перед глазами замелькали едва сохранившиеся в памяти картинки. Он выходит из дома с ножом. Просто так, весь день пил, и адреналин зашкаливает. Фил и Лось ждут у подъезда. Пьяные. От холода, наверное, их понесло. Им весело и хочется беситься, как в детстве, тупо громко ржать и бегать. Провал. Сколько прошло времени — час, два? Потом картинка: убегающий мужик под их громкие улюлюкания... Жалкий трус — сбежал, бросив друга на расправу. Его уже повалили и дубасят ногами, прыгают, довольно скалятся. Это вкус власти над чьей-то жизнью, с каждым разом он всё сильнее и сильнее. А потом — нож. Он не мог вспомнить, в какой момент достал его и как решился... Да вряд ли он вообще мог тогда думать. Картинки сменяли друг друга, как за окном поезда. Он ударил его ножом, он помнил это ощущение — раньше не знал, как это — когда лезвие протыкает кожу, входит в мышцы, застревая меж рёбрами. Раньше он дрался только руками и кастетом. Было холодно, от удара рука начала заливаться тёплой кровью этого урода. Это было чем-то новым, и он вспомнил, как замер, разглядывая стекающие по рукоятке капли. Что произошло дальше — никто не понял. За эти дни они ещё не успели протрезветь настолько, чтобы всё это обсудить. Только картинка в голове, как этот бежит к ближайшему подъезду, бормоча что-то на своём языке. Как он мог бежать? Может, показалось? Пьяный угар? Нет, он помнил пик своего бешенства — это было уже в подъезде. Он не орал, он хотел просто убить. — Убить, убить эту тварь — снова застучало в голове, как в ту ночь...

— А почему я? — он уже не мог прятаться за маской беззаботной улыбки.

— А тебе доказательства что ли нужны? Ордер на обыск ни о чём не говорит? — в ухмылке Павла читалось раздражение вместе с досадой. Он как будто и не хотел особо заморачиваться, да работа такая.

— Насколько я знаю, мне адвокат полагается. Я ведь могу без него ничего не говорить?

Выражение досады сменилось безразличием.

— Можешь, конечно. Насмотрелись американских боевиков, адвоката ему. Раньше чем думал?

— Только в отделение всё равно с нами придётся пройти, — впервые подал голос второй, который был крупнее и, видимо, тупее Павла, — бумаги подписать должен, что мы приходили, протокол оформить нужно.

— Да и полезно тебе будет кое-что увидеть. Может, и адвокат не понадобится. Ну, а обыск мы сейчас должны провести. Понятых бы надо, Татьяна Борисовна. Видимо, соседей Ваших придётся будить.

Взглянув на мать, он заметил, что она будто постарела за эти несколько минут. Она не поднимала глаз на Славу. Она стояла, как тогда, когда он видел её на воскресной службе в церкви. Она затащила его в тот раз только потому, что ему нужно было получить её согласие на бойцовский лагерь. Взамен Слава согласился отстоять службу: пара часов скуки за три недели настоящей свободы — небольшая цена. Он с тоской разглядывал толстых тёток в платочках (если они все постятся — почему такого размера?) и странных мужиков с блаженными лицами. Неужели мать думает его таким способом изменить? Глупо. Кроме отворачивания — ничего. Ну, и

смех иногда берёт, глядя, как они чуть ли не лбы расшибают в поклонах. А потом он увидел её... как-то по-новому увидел. Они никогда не были близки: она постоянно его куда-то сдавала, перепоручала, избегала разговоров, редко обнимала. Но в тот момент она показалась совсем чужой и далёкой, как из другого мира. В этом своём смирении, в этих шепчущих губах, складках на лбу — она была пугающе чужой. В тот момент ему стало так больно, так горько от своего одиночества. Он возненавидел её Бога и всю его церковь. Возненавидел со всей детской беспощадной ревностью. И с каждым годом, с каждым очередным церковным праздником, с каждой новой книгой, которую она пыталась ему подсунуть, эта ненависть только росла.

И сейчас она стояла перед ними, как тогда, в этой смиренной позе. Ему стало тошно и гадко, она была ему отвратительна, она всегда пыталась вызвать у него чувство вины. Это бесило! Где же её дорогой Бог? Что ж не поможет? Ах, ну да, ей-то он поможет, но не Славе. Ведь это же она любит Его. Раньше её слова вызывали боль и обиду: «Славик, больше всех я люблю Бога, а на втором месте навсегда будешь только ты. Так должно быть у верующих, ты не можешь обижаться!» — Ну да, конечно! На втором месте у родной матери! Никогда я не буду вторым, я — первый, я — лидер! — он жил этой идеей лет с двенадцати, с тех пор, как мать, по его выражению, вдарилась в религию, променяв на неё, — он с горечью повторял это, растравляя душу, — его, Славу, единственного сына.

На зону не хочется. Хотя малолетка ему уже не светит, можно не бояться этого зверья, а по законам взрослой за его статью будут только уважать. Для некоторых, особо ценных в сообществе, специально есть фонд — из него на зону шлют деньги, технику. Он сам переписывался с одним таким: шесть только доказанных убийств в Воронеже, уже вторая судимость. За это свои его не забыли: ноутбук с круглосуточным интернетом — выкладывает фотки каждый день! Ну, и ничего так — живёт там, не напрягаясь вроде. Не всё так страшно... Да и вообще, пока рано ещё волноваться, пока, кроме учёта, у него даже «условки» нет, всё только грозятся.

Пришли соседи, он проводил их всех в свою комнату и вышел. Не хотелось всё это видеть. Книги выкинул, нож ещё в ту же ночь спустили в канализационный сток, одежда, выстиранная на балконе — следов крови там не было. Пусть сами шарят. Сначала он подумал остаться — посмотрелся сериалов, где менты что-то подбрасывают по ходу обыска, но, поразмыслив, решил, что это не его случай. Его же не в распространении подозревают. Да и Павел вроде нормальный мужик. Голова гудела, каждый шаг был в тягость, хотелось сигарет и пива. Он вышел на балкон в гостиной. Уже светало, редкие снежинки исчезли, оголив грязные тротуары. Там снаружи было так же паршиво, как внутри: грязно и холодно. Паника сменилась какой-то обречённостью. Он просто ждал. Сил не было спорить, что-то доказывать, отмазываться. Он долго стоял, прищурившись в поисках решения, как вести себя дальше. Борьбаться сил не было, да и глупо. Обыск есть — значит зацепок достаточно. Но просто сдать ментам с чистосердечным и молча вздыхать — это не для него... После нескольких затяжек немного отпустило. Руки перестали дрожать, морозный воздух остудил голову. Выходил с балкона он уже с твёрдой стратегией. Он не будет опровергать того, что они уже доказали. Но и ничего нового им не сообщит. Только не с повинной, не со страхом перед этими волками!

В отделении было тепло и мрачно. Обыск ничего не дал, по пути в ОВД все трое молчали. Слава списал это уныние ментов на отсутствие у них прямых доказательств. Скорее всего, привод сведётся к подписанию бумажек. Вроде и порадоваться можно, но день уже был испорчен. Хотелось поскорее уйти отсюда, отоспаться и хорошенько напиться вечером с пацанами, поржать над ментовским проколом с книжками.

— Вадик, принеси там из сейфа конверт жёлтый, — Павел проводил напарника взглядом, бросил на стул куртку и внимательно посмотрел на Славу.

Вадик вышел, и Славе стало как-то некомфортно от этого пристального взгляда. Отшучиваться настроения не было, скорее, хотелось нагрубить. Он начал рассматривать уже давно изученные щели в полу, свои кеды, запачканные джинсы.

— На, держи, — жёлтый объёмный конверт глухо стукнулся о стол.

— Ну, что ж, тогда приступим.

Последующие манипуляции не вызвали у Славы интереса, поскольку ни один, ни другой не обращали на него никакого внимания, и Слава решил, что конверт к нему отношения не имеет, а его поддержат здесь подольше просто для профилактики. К этому он был уже привычный и постепенно начал задрёмывать в мягком старом кресле.

Но когда его окликнули и подозвали к монитору, что-то неприятно кольнуло внутри.
— Ты с креслом двигайся, полюбуйся с комфортом.

Несколько секунд на экране рябили чёрно-серые полосы, ничего не происходило. Потом появилось какое-то размытое изображение. Постепенно картинка выровнялась и выдала обзор лестничной клетки и, по-видимому, входной двери. Вид сверху, как будто через лупу, немного искажённый. Несколько секунд картинка просто висела, наконец, дверь открылась, и кто-то вошёл. Точнее, вбежал. Через секунду показалось застывшее от страха лицо. Вбежавший попытался захлопнуть дверь, что-то кричал. Внезапно дверь снова открылась. Толкаясь, ввалились три фигуры и начали хаотично двигаться перед лестницей. Один оторвался и стал медленно подниматься по ступенькам, потряхивая каким-то предметом в правой руке. Его походка отличалась от метаний того, первого. Он шёл твёрдо, вытянув шею и широко расставив руки. Плёнка периодически чуть-чуть зависала, и картинка шла как будто в замедленном темпе. Двое других так и замерли почти у самого входа. Звука не было, но Слава уже знал, что кричит этот здоровенный бритый бугай. Крупным планом, почти глядя на них с экрана, он занёс свой нож и несколько раз с силой воткнул его в медленно сползающую по стене фигуру. Она сползла, как тряпичная кукла. Бугай пнул ногой лежащее тело и развернулся к другим двум прямо перед самым объективом. С экрана на сидящих в кабинете смотрел Слава.

***

«Оглашается приговор... Согласно Уголовному кодексу Российской Федерации... дело номер... два года колонии общего режима... условно...»

Из зала заседания начали медленно выходить присутствовавшие на слушании. Слава шёл, растерянно слушая причитания матери. За последние месяцы он слышал это сотни раз: как она ездила с сумками еды к раненому в больницу, как отчим переводил ему деньги сразу на родину, потому что Сулейман боялся, что сам не выживет, а раз деньги предлагают — надо всё переслать семье. Она столько раз пыталась потащить с собой Славу в больницу, чтобы он извинился, но после его резких слов, что он не сожалеет ни о чём, мать решила не рисковать и уладить всё самостоятельно.

— Ну что, доволен своей «Минутой Славы»? — отчим ухмыльнулся собственной находчивости, но, встретив каменный взгляд, быстро отвёл глаза...

ВИНОЮ ВЫЖИВШЕГО

— Сильней закручивай!
— Я закручиваю.
— Ты не закручиваешь, я же вижу!
— Сказал же, закручиваю.
— Да ты мне всю жизнь говоришь! Хоть бы сделал что... Вздыхает он! Закручивай нормально, опять сорвёт, мне вытирать всё!
— Не кричи, я делаю.
— Не кричи ему! Да тебе хоть обосрись — услышишь что ли?! Сколько кричала, чтоб пить бросил! Услышал?!
— Ну, не могу я не пить, ты же знаешь, ну, не кричи, утро же!
— Почему я могу, а ты не можешь?! Устроился! Утро у него: половина первого! Уже нажрался! Нормальные люди пашут всюю!

Марина ещё несколько минут попробовала не открывать глаза, но вопли матери окончательно прогнали сон. — Нормальные люди... Когда-то они ещё могли бы претендовать на это звание. Когда-то давно, когда Марине было лет пять, отец хоть и пил много, но только по праздникам. В разгар застолья он брал её к себе на руки и, обдавая неприятным запахом алкоголя

и лука, начинал громко на весь стол рассказывать о том, какая его Мариночка самая толковая в группе, что будет, как мама её — самая завидная невеста. Руки у отца становились холодными и липкими, сидеть было неудобно, а от его поцелуев на щеках оставались влажные следы. Но всё это казалось совсем не важным. Она сидела с восторженной улыбкой самого любимого ребёнка на свете: папа ею гордится, говорит, что она будет похожа на её мамочку!

Очередные крики матери резко оборвали воспоминания о детском счастье. «Как же достали уже, надо дверь поменять! Хотя эта и через бронированную проорётся. Да и денег на это всё равно нет», — мелькнуло в голове. Образ матери вторгся в сознание: руки в боки, ноги расставлены, как у мужика, голова приподнята, готовая обрушить череду возмущённых претензий на каждого, попавшего в поле зрения её бегающих глаз. Видение окончательно заставило Марину открыть глаза и скинуть одеяло. От прикосновения к холодному полу стало зябко и неудобно. «Хорошенькую же перспективу ты мне предлагал, папочка», — размышляла она, рассматривая себя в зеркальную дверь шкафа, с облегчением не обнаруживая следов внешнего сходства с матерью. О вчерашних посиделках напоминали воспалённые глаза и пародия укладки на голове. Она карикатурно себе улыбнулась, отражение ответило совсем не дружелюбно.

Судя по продолжающимся воплям матери, кран они так и не прикрутили. Кутаясь в старый свитер, она выглянула в коридор.

— Когда в душ попасть можно будет?

— Здрасьте тебе! Неужель проснулась? А чой-то так рано? — мать, как паук, готова была переключиться на новую жертву, застрявшую в паутине её квартиры.

Марина вопрос матери проигнорировала, обратившись к открытой двери ванной:

— Пап, скоро закончишь?

— Да хрен его поймёт, мать кран купила дурной, резьба слетает.

— Ах, это я ещё и кран не тот купила?! — паук заметил остатки теплившейся жизни в первой жертве и поспешил закончить свою миссию. — Да ты б хоть раз зад свой поднял, да сам купил! За столько лет в доме никакого проку! Кран ему не тот! Руки у тебя от водки не те!

— Да я что, я кран, говорю, не наш. Импортный, не подходит сюда.

— Чем это тебе ихние краны не угодили?! Ты на него заработай сначала, а потом обхаивай!

Раздался треск, что-то звякнуло о ванну, послышался шум воды.

— Да что б тебя, твою же...

В заключение отцовского мата обречённо прозвучало: «Не вышло, Надь, треснул».

— Не вышло?! Замуж я б за тебя не вышла, тогда б всё у меня в жизни вышло куда надо!

— Ну, я так понимаю, отечественное производство рулит! — бросила Марина.

— Ишь ты, оживилась как! Мы уж и не думали тебя до ужина увидеть! — полная капитуляция отца добавила пауку новых сил, и он надвигался, потирая лапки.

— У меня выходной. Захочу — и до ужина спать буду. Я не трогаю никого. Если б не твои крики — спала бы дальше.

— Ну, конечно, чем ещё заниматься-то. Всю ночь шляется, потом спит сутками. Хоть бы раз за месяц в комнате разобралась, гадюшник развела, зайти страшно!

— А нечего заходить — это моя комната.

— Ещё ты мне указывать будешь, куда заходить в собственной квартире! Заработай для начала себе хоть на угол!

— Будешь трогать мою комнату — я её таджикам сдам, я тут прописана. Нечего было ту квартиру Мише отдавать, я бы с удовольствием облегчила вашу жизнь своим переездом.

При словах о Мише лицо матери исказилось болью и досадой, руки машинально опустились, и вся она как будто ссутулилась, совсем поникла. «Ну вот, опять сейчас начнется». — Марине стало жалко мать.

— На кухне он. Иди, поговори, — голос матери звучал глухо, в нём уже не слышалось злости, скорее, отчаяние и безысходность.

— Мишка?

— Случилось, видимо, что-то. Но молчит, тебя, может, ждёт. Ты поговори с ним... — взгляд у матери стал мягким, болезненным.

— Денег он, небось, ждёт, что ещё у него случается? Вот и приехал, — Марина не выносила этот жертвенный образ мамы и с годами привыкла отсекал все сентиментальности жёстким тоном и жестокой правдой.

Мать молча проводила её взглядом и машинально зашла в ванную.

— На, Коль, старый пока давай закрутим.

— Старый — это можно. А что он подтекает — да это я сейчас прокладку новую поставлю, лучше этого будет.

На кухне было холодно, пахло газом и кофе.

— Привет! — произнесла Марина как можно дружелюбней, стараясь вытянуть себя из утренней злости. — Как дела? — и, не дождавшись ответа, начала включать остальные конфорки, потирая над плитой озябшие пальцы.

— Нормально. Сама как? — он по привычке не поднимал глаз от дымящейся кружки.

— Путём. Если б не эти — вообще неплохо.

— Да уж, мать жжёт. Я в детстве думал, у неё когда-нибудь голос кончится, и она всю оставшуюся жизнь шёпотом будет разговаривать.

Марина улыбнулась воспоминаниям о том, как они в детстве прятались от матери в ванной, и как однажды замок заело, и они не смогли открыть дверь. В итоге отцу пришлось замок выламывать, а мать орала потом ещё неделю.

— У этой не кончится. Я в детстве думала, что когда вырасту — никогда кричать на своих детей не буду. Но, чую, гены своё возьмут.

— Как работа? Всё пытаешься спасти мир? — ухмыльнулся Миша.

— А ты всё пытаешься спастись от мира? — попыталась уколоть она.

— Каждому своё, выживаем, как можем.

Марина насыпала кофе, залила кипятком и, развернувшись, села напротив брата.

— На какие деньги выживаешь-то? Воруешь? — почти с утверждением вывела она.

— Когда как. Где так, где приторговать перепадёт. Да всё как раньше. Тут вот дед подкинул немного, типа ко дню рождения.

— Ну да, он говорил мне. Я его предупредила, что это тебе на похороны, — она шумно отхлебнула глоток и поморщилась.

— Все там будем.

— Ну, ты-то торопишься первым.

Она хотела продолжить стандартный обмен колкостями, но, наконец, взглянула на брата, и внутри защемило. За последний месяц, который они не виделись, он сильно похудел. На отливающем голубизной лице его глаза казались стеклянными лампочками. Редкая щетина прикрывала обветренную, местами в мелких язвочках, кожу. После второго срока он два месяца лечился в туберкулезном санатории, но начавшие было появляться признаки жизни на его лице исчезли уже через пару недель, и сейчас ничто не напоминало о выздоровлении.

— На чём сейчас?

— Месяц чистый! — он широко улыбнулся, обнажив несколько новых дыр между зубами. После первого срока за грабёж мать отдала всю выручку с последней продажи на его имплантаты. Наивная, она надеялась, что тюрьма его изменит, а подремонтированная улыбка простимулирует найти приличную работу.

— Врёшь.

Он не ответил, неловко поднёс ко рту кружку, и стало заметно, что рука его не слушается. Он был похож на инвалида.

— «Винт»?

— Ух ты, профессорша, сечёшь. Где поднатаскалась? Это даже не наркотик. Захочу — брошу.

— Ну да. Я это каждый день слышу. Лечиться не надумал?

— Да всё нормально, расслабься! — нотации ему порядком надоели. — Проходили уже, Марин. Работай на работе.

— Извини. Это, скорей, вопрос риторический.

На кухне повисла пауза. Миша так и не отрывал взгляда от кружки, потирая её бледными пальцами — на костяшках выделялись многочисленные старые шрамы. В подростковом возрасте Мишу отдали на скалолазание, где он быстро освоился и заслуживал частые похвалы. Родители, поверив в способности сына, готовы были оплачивать и дорогостоящее снаряжение, и выезды на соревнования, несмотря на средний доход семьи. Младшей по возрасту Марине становилось завидно. Ей тоже хотелось, чтобы на неё что-то тратили, радовались успехам, подбадривали. Но денег на занятия для дочери не оставалось, в связи с чем никаких «талантов» у неё выявлено не было. Марина надеялась, что в чём-то сможет отличиться, но в школе она была из середнячков, а бесплатные кружки предлагали только бисероплетение и шитьё. Всей семьёй они приходили на соревнования поболеть за Мишу, и Марина с тоской переводила взгляд с восхищённых родителей на карабкающегося всё выше и выше брата. Ей хотелось тоже залезть высоко, ещё выше него, выше всех них, чтобы они задирали головы, чтобы увидеть её. И тогда в ней родилась та самая детская, но совсем не девчачья мечта. Космос. Выше всех, даже выше этих альпинистов, поднимались только они в своих огромных кораблях. За их подъёмом следят на мониторах сотни людей, а по телевизору и целый мир. От одной мечты о таком полёте у нее замирало сердце.

Как идти к своей мечте, Марина не знала, и никто ей не мог подсказать: мечта была сокровенной тайной. Поэтому Марина просто ждала. Ждала, что это обязательно как-то получится, что мечта сбудется и поможет ей тоже заслужить восхищённые взгляды... Ей так хотелось стать лучше Миши, хоть в чём-то.

Судьба помогла Марине стать лучше брата, но совсем другим способом. В то время, пока она ждала исполнения мечты, в школе заключили договор с социально-психологическим колледжем, куда Марина и отправилась после девятого класса. А из колледжа предлагалось без экзаменов попасть на вечернее отделение института. Космос почему-то всё не появлялся в её жизни, как и сами космонавты. Зато начали появляться мотоциклисты. Не заменят, конечно, но тоже в шлемах и «летают». Жизнь вела Марину вперёд. Мысль об институте немного пугала: в их семье ни у кого высшего образования не было, и насколько всё будет сложно или интересно, никто рассказать не мог. Но надежда на то, что её тоже, наконец, похвалят, манила. Миша к тому времени застрял на уровне училища. Сначала бросил одно, потом исключили из другого, и он год отдыхал, в третьем у него «не сложились отношения». Родители списывали неудачи сына на загруженность тренировками, но вскоре выяснилось, что тренировки Миша посещает так же, как и учёбу. А потом... Потом всё закрутилось.

Марина безумно уставала на последнем курсе колледжа, постоянно подрабатывая вечерами. Она периодически замечала странные компании брата в квартире, но на её жалобы мама не реагировала: «Мише необходимо отдохнуть!» Да вроде ребята и не пили у них дома, просто общались. Со временем Марине начало казаться, что она стала рассеянной: не могла найти вещи, куда-то засунула новый плеер, потеряла сережки, деньги всё время улетучивались из кошелька. Она старалась дольше спать, завела записную книжку с напоминаниями, подсчитывала траты. Но когда к ней обратилась мама с вопросом о пропаже шкатулки со скромным содержимым из двух золотых цепочек и обручального кольца, уже не належавшего на палец, они обе напряглись.

Сначала подумали на выпивающего отца. Но мать всегда оставляла ему деньги на алкоголь, и ему вроде хватало. Пил он запоями, раз в два-три месяца, а деньги и ценности пропадали регулярно. Мать валила всё на дружков Миши, гневно обижаясь на попытки Марины «очернить» брата. А потом Марине уже и не пришлось спорить и ругаться. Реальность обрушилась на мать. Миша резко похудел, у него побледнела кожа, настроение менялось от благодушного безразличия до ярости, он постоянно «терял» телефоны, просил деньги «выручить друга», не оставляя матери возможности для отказа своими криками и ударами кулаков о стену. В доме появлялись чужие люди, никогда не смотревшие в глаза, деньги и ценности приходилось прятать, на дверях поставили замки, которые постоянно «ломались». Мать отказывалась принимать реальность, даже обнаруживая в ведре шприцы. А потом им позвонили из больницы, куда Мишу забрали с передозировкой. И диагноз в карте не оставил вариантов.

Дальше были споры, крики, пропажи, платные клиники и побеги, мамины слёзы и Мишины шантажи, мольбы, просьбы, обещания. Бесконечная вереница, затянувшаяся на несколько лет. Марина разрывалась между институтом и работой в школе, стараясь полностью

себя обеспечивать, понимая, куда уходят все средства родителей. Она старалась поддерживать мать, воздействовать на брата, выбрала в институте специализацию по работе с зависимыми, чтобы лучше понимать происходящее и помочь Мише. Она очень старалась ничем не огорчать родителей, чтобы хоть с ней у них не было проблем, хотела дать им повод для радости. Но, поглощённые бедами сына, отец с матерью были не в состоянии замечать дочь. И опять всё их внимание было приковано к Мише, только теперь уже к его падению. Когда Марина прилетела домой с заветной «корочкой» диплома о высшем образовании, единственной в их семье, мама со слезами выдавила: «А Миша-то, ведь и Миша бы тоже мог! Как же это мы не уследили...»

Сейчас она смотрела на него, и ей в первый раз за долгое время захотелось о нём поплакать. Было понятно, что он не выдержит слёз и уйдёт, но они уже полились. Она оплакивала их детскую дружбу, его заботу о ней и защиту в школе, его стремления и победы, свою детскую ревность и обиды. Она оплакивала всё то, что уйдёт вместе с ним, уже совсем скоро. Она оплакивала своё будущее одиночество и это не покидающее чувство вины за свои успехи, свои планы и мечты, вины за свою жизнь, которая у неё будет, а у него нет.

Миша увидел слёзы и без слов ушёл в родительскую спальню. Она ещё несколько минут беззвучно плакала. Сейчас она пойдёт в свою комнату, наденет новые джинсы и свежeweыстиранный белый свитер. Она уложит упрямые рыжие волосы, вставит в нос колечко с золотой ласточкой, капнет на запястья любимые духи. Она выйдет из дома, поймаёт частника и поедет в турагентство доплатить за поездку на Мальту. Потом встретится со своим «космонавтом», будет кататься по летней Москве, проведёт с ним ночь и, счастливая пробуждением с той дремотной утренней негой, поедет на работу, попытается спасти кого-то, как не смогла спасти его.

Он выкурил оставленные отцом сигареты, выпросил у матери ещё немного денег и, сев в дребезжащий троллейбус, поплёлся на окраину Москвы, в свою квартиру, коротать день в окружении таких же, как он, даже не загадывая, наступит ли завтра...

МАМЫ

— А имя твоё, знаешь, почему такое?

— Да знаю, дед!

— Богдан — Богом данный.

— Да я знаю, дед, сто раз говорил!

— Бог — он в душе у каждого, вокруг нас, в каждом дне. Во всяком деле Он с тобой.

Беседы деда с каждым годом становились всё скучнее, эпизоды и шутки повторялись, и взрослому Богдану пребывание в компании старика уже начинало казаться тоскливой обязанностью.

— И потому в церковь ходить нужно, чтобы поближе к Богу-то быть, — продолжал дед, обращаясь к разложенной на столе гречневой крупе. Кожа у него на ладонях была мозолистой, и, казалось, пальцы уже не могли до конца разогнуться, не прорвав эту тугую подошву. Гречка оказалась никудышной, и дед всё время качал головой, выбирая дрожащими пальцами чёрные зёрна.

— И люди там, в церкви-то, они душою светлей, помогут они, если что, добрей они в сердце.

В ответ на слова о доброте людей память Богдана начала прокручивать эпизоды воспоминаний. Ему было лет шесть, когда они с матерью и крёстной поехали в Углич к родным. Городок был тёплым, приветливым. Они весь день гуляли по его паркам и зашли на вечернюю службу в церковь. Богдан уже знал, зачем нужны церкви, умел креститься и ставить свечки с очень серьёзным лицом. Эта была не похожа на их московскую: низкие потолки, тусклые деревянные иконы в потрескавшихся рамах, наваленные на лавках пакеты и свёртки, и всего человек пять прихожан, которые недобро уставились на них. Богдану церковь не понравилась, даже рассматривать было нечего, и его скользивший в поисках чего-то особенного взгляд остановился на маме. Мама стояла чуть сбоку, и через узкие окошки на неё падали мелкие лучи света, начинавшие бегать по лицу и платью всякий раз, когда снаружи ветер шевелил деревья.

Богдан смотрел на маму с восхищением и любовью. Она была такая красивая, улыбчивая, к ней так хотелось подбежать и обнять... Но он знал, что в церкви нужно стоять тихо, и продолжал вздыхать от скуки, переминаясь с ноги на ногу.

Потом к крёстной подошла какая-то тётка и что-то спросила. Крёстная едва мотнула головой и отошла. Тётка постояла и направилась к маме, и Богдан с любопытством начал осторожно пододвигаться к ним, чтобы лучше слышать.

— А вы свечки брать будете?

— Нет, спасибо. Мы ещё завтра зайдём, поставим.

— А?

— Нет, спасибо! Сегодня не будем.

— Не нужны вам свечки?! — тётка так посмотрела на маму, что Богдану показалось, будто мама сделала что-то плохое, и её сейчас наругают. Он поскорей поторопился взять её за руку.

Через пару минут тётка вернулась и встала перед ними, наклонившись к Богдану.

— На вот, держи, раз они не могут тебе купить, — громко и злобно сказала она, протянув погнутую красную свечку. — Пойдём, поставим Казанской.

Богдану идти не хотелось, но мама молчала, и он решил, что свечку поставить нужно, раз дают. Тем более, тётка так громко говорила, что он побоялся, что она всё-таки наругает маму, если он не поторопится. Тётка согнулась и обхватила Богдана за плечи. Её волосы неприятно щекотали щёки, изо рта противно пахло. Через пару шагов Богдана осторожно потянули назад. Обернувшись, он с облегчением увидел маму.

— Не надо, спасибо.

Но тётка ухватила за Богдана ещё сильнее и заговорила ещё громче:

— Не трогай ребёнка! Как себя ведёшь в церкви! Позорище!

— Нет, это Вы уберете руки от моего ребёнка! — мама теперь говорила жёстко и тоже громко.

— Да ты что творишь?!

— Уберете руки от моего ребёнка! Он чужого брать не будет и никуда с Вами не пойдёт!

Растерянного Богдана тянули в разные стороны, свечка выпала, и освободившейся рукой он ухватился за маму, боясь, что одна она без его помощи с тёткой не справится. Мама сгребла его в охапку, подняла на руки и, крепко прижав, развернулась к выходу. А тётка всё не успокаивалась, шла за ними и почти кричала:

— Свечку купить не могут! И не стыдно так в церкви-то себя вести! Пример какой ребёнку! Приехали тут!

— Не надо трогать нашего ребёнка, он приучен у чужих людей ничего не брать! — вступилась крёстная.

— А ты кто такая? Как воспитали-то!

— Меня очень хорошо воспитали, и Вам дай Бог так своих детей воспитать...

Дальше разговора Богдан уже не слышал, только испуганно смотрел через мамино плечо, как тётка ругалась на крёстную. Мамино плечо пахло вкусно, и щека тёрлась о её мягкую шею. «Хорошо как, что у меня и моя мама есть, и крёстная мама. Вместе они точно сильнее тётки!» — размышлял он, укачиваемый тёплыми любимыми руками...

Детские воспоминания опять подняли внутри какую-то тревогу. В последнее время он всё чаще чувствовал её. Иногда она даже перерастала в страх и спускалась к самому животу. Почему и откуда она появлялась, Богдан не мог понять, и от этого ещё неприятней становилось. От родителей он постоянно слышал про переходный возраст.

— Дед, а я вот что-то маму не очень помню, когда совсем маленький был. Работала она, что ли, много?

Дед продолжал перебирать гречку, как будто и не слыша.

— Де-е-ед! Про маму спрашиваю, почему не помню? — повторил Богдан в самое ухо.

— Да слышу я. На-ка вот, собери, что осталось, — он протянул банку для крупы, а остальное сгрёб в кастрюлю. Богдан вяло ссыпал не отобранные зёрна в банку, ожидая очередной истории деда. — Да вот, как тебе сказать. Вроде уже взрослый ты у нас, вымахал какой, понимать должен.

- Чего понимать?
- Да про маму понимать, — дрожащие руки несколько раз безуспешно чиркали спичками о коробок, но искра не появлялась.
- Дай я! — спичка ловко скользнула по картону, озарилась пламенем, и конфорка засветилась сине-оранжевыми язычками.
- Вот помощник, говорю, вырос ты уже, двенадцать-то лет!
- Тринадцать, деда. Двенадцать в том году было, когда велик подарили.
- Ну да, тем более, тринадцать уже, поймёшь.
- Что пойму?
- Да про маму. Они, видно, закрутились совсем, сказать тебе забыли.
- Да кто они? И что сказать?! — Богдан уже начинал злиться на деда, постоянно забывавшего суть разговора. Последнее время даже свои древние истории он рассказывал запутанно, сбиваясь с одной на другую, и Богдан сам нередко подсказывал ему продолжение сюжета.
- Не твоя она.
- Кто? — Богдан так углубился в свои размышления о деде и его старости, что забыл, о чём шла речь.
- Мама твоя... Она не твоя, понимаешь?
- Ты чего, дед? Как это? — в горле снова появилось то странное ощущение. «Наверное, это от грусти, что дед совсем старый стал и глупеет. Такую ерунду иногда говорит!» — Богдан постарался отогнать неприятные мысли.
- Когда родился ты, другая у тебя мать была. Она тебя родила, но не сложилось у них потом с отцом. Вот другая мама тебя и растила.
- Богдан замер и не мог понять, что он чувствует.
- Это как же это, дед? — говорить получалось плохо, то странное ощущение, как будто сдавило горло, и слова прозвучали почти шепотом. — Как же так вышло?! Ты путаешь что-то!
- Ну, как вышло... Что поссорились-то? Ну, бывает так, ты уж должен понимать. Любили они друг друга. Потом Женька у них появился. А потом выпивать она начала. Негоже это, женщине-то пить, понимаешь? Мы тогда ещё все в Кузовке жили, деревня значит. А там же не как тут, в Москве, там все всё видят, не утаишься. Соседи-то шепчутся, переговариваются, отцу потом все слухи доносят. А Женька не понимает, маленький ещё. Как брошенный он был совсем.
- Кто он? — слова деда звучали, как из радиоприёмника. Как будто кто-то там, за ящиком, рассказывал очередную запутанную историю.
- Женька-то, маленький когда был.
- Да кто это?! — на какое-то мгновение Богдан подумал, что дед и правда рассказывает историю про кого-то чужого, про далёкого мальчика и его пьющую маму.
- А, ну да, ты же его не запомнил, наверное. Брат твой — Женя. Первенец у них был. Добрый такой малыш, а глаза всё время грустные, — с такой-то матерью.
- Брат? А как же Лёша?
- Лёша, он не твоего отца сын, это сын мамы, которая вырастила тебя. Когда она с отцом твоим сошлась, лет девять ему было, на год старше Жени.
- Так Лёша не брат мне?!
- Ну, не родной, а так брат — сводный. Вместе же росли, у одних родителей. А Женя родной. Когда Ксения, это мать-то твоя, которая родила тебя, вот когда она совсем спиваться начала, отец твой её к батюшке повёз, к святым местам. Это он её так вылечить всё хотел. Да ты не хмурься, большой уже, понимать должен. Вот вернулись они оттуда, а она, значит, забеременела. Это тобой, значит. И как она тут преобразилась вся! Помогли, видать, в церкви-то. Пить бросила, приветливая такая стала, ухоженная, с Женькой целыми днями возилась, в школу его готовила. И он-то как радовался, что мамка его так изменилась, сиял весь, когда с ней по улице шёл.
- А что с ним стало?
- С Женей то? Ничего не стало, тьфу-тьфу, жив-здоров, слава Богу!
- А где же он?!

— Так где был, там и есть. Он ведь с ней остался, с Ксенией.

— Как остался?! А как же я? — внутри как будто всё тонуло, ускользало. С каждым новым словом деда словно открывался другой мир или, наоборот, рушился его мир, такой любимый, понятный, привычный. Перед глазами возникла картинка женщины с ребёнком, которые как будто на другом берегу машут ему рукой, но к себе не зовут. А он проплывает мимо. Им так хорошо вдвоём, они там вместе... И ему вдруг так туда захотелось...

— А почему я не с ними?!

— Ну, так ты и досказать не даёшь. Не с ними... С папой ты остался, а он с ней. Ты когда родился — праздник какой для всех был! Здоровый, крепкий — она ведь всю беременность не пила, не курила, как чудо какое. Вот тебя так и решили назвать, мол, Богом ты послан им был, понимаешь? Богом дан. А через год снова пить начала, да только хуже прежнего. Вас с Женькой бросит и уйдёт. А он с тобой на руках всё ко мне прибежал. Маша моя слегла тогда, бабушка-то ваша, я и не выходил почти из дому, за ней смотрел. Вот притащит тебя Женька, а сам плачет, за мать переживает. Я накормлю вас, тебя уложу, а его в магазин пошлю или на почту там, принести что. Помощник он был мне в то время. Вот за хлебом, помнится, пошлю, а он часа на два пропадёт. Прибегает, весь запыхавшийся, сандалии пыльные. И я, значит, соображаю, что это он мать опять бегал-искал по всей деревне. А мне говорить не хочет, стыдно ему за мать. Так вот почти год и жили. Пока она на три дня не пропала. Её потом участковый привёз на машине своей, чтоб народ-то не видел позора. Она грязная вся, без обуви, в чужих лохмотьях, пьяная. Ну, тогда отец твой не выдержал. Пошёл на следующий день на развод подавать. А самому тяжело, сколько лет вместе, всё жалел её...

Дед застыл, глядя куда-то поверх Богдана... А у того в голове как будто появилась недостающая деталь мозаики. Ему казалось, что он начал вспоминать те эпизоды, о которых говорил дед, — фрагментами, вспышками... Синие с красным сандалии с оторванными ремешками, сбитые коленки, светлые кудрявые волосы. Но всё это как будто со стороны, как не его. «Наверное, это был Женька! Наверное, я его помню!»

— А сандалии у него, они какие были?

В глазах деда застыли слёзы, а голова монотонно покачивалась.

— Чего говоришь-то? — он достал наглаженный по старой привычке платок и приложил его к глазам. — Заболеваю я, похоже. Вот... заслезилась совсем.

— Сандалии у Жени синие с красным были? Ещё с ремешками оторванными!

— Сандалии? — дед никак не мог переключиться со своих мыслей обратно на разговор. — У Жени-то? Да откуда ж я помню, какие они были...

— Жалко... — Богдану показалось, что очень важно узнать про сандалии, что от этого так много зависит.

— Хотя, наверное, порванные были. Ксения-то совсем уже за вами не смотрела. Так и ходил он, в чём придётся, пока отец не заметит. Нелегко тогда всем было.

На кухне снова повисла пустая тишина. Вода закипала, но мальчик и дед как будто и не слышали позвякивания алюминиевой крышки.

— Маша моя совсем при смерти была. А отец твой мне так и говорит: «Мне, пап, от стыда не скрыться в деревне. Только мама и держит, не могу вас тут одних бросить». — Дед помолчал несколько минут. — А потом умерла бабушка ваша. Как сорок дней справили, так он переезжать надумал. А Ксения помаленьку соображать начала, что детей он забрать у ней хочет, вас с Женькой. И давай тогда она Женьку жалобить. Всё плакалась ему, как она одна пропадёт, как не управится с горем. А он, не знай как, всё утешал её. Да возьми и скажи ей: «Я тебя, мамочка, ни за что не брошу! Я тебе обещаю!» — это он мне в тот же вечер рассказал, что матери пообещал. А сам плачет: и мать ему жалко, и с отцом быть хочет.

— Значит, он всё-таки маму выбрал? А я как же? А меня — меня не спросили? — Богдан не понимал, что с ним происходит. Ему хотелось то расплакаться и спрятаться в угол, то закричать громко-громко, разломать всё, а то убежать далеко, чтобы никто не нашёл.

— Да тебе два года было, кроха совсем! Как отец всё устроил, так решил переезжать с вами. А Женька — ни в какую: плакал, кричал, из дома до самой ночи уходил. Ну, и не выдержал отец-то. Решил время дать ему: пусть, мол, успокоится. Думал, будет навещать его, так тот сам и

попросится. А тебя он Ксении не оставил. Боялся, не уследит. Вот и решили мы с ним: вдвоём уж как-нибудь управимся. Так и переехали в Москву. Первое время к нам Настя часто приезжала, крёстная твоя. Она ж папе твоему сестра двоюродная. Переживала за нас: как мы, два мужика, с ребёнком управимся. Приедет, бывало, на выходных, и весь день от тебя не отходит. Игрушек навезёт, в парк сводит — баловала, одним словом. И всё папку твоего пилила, что, мол, без матери мальчишке нельзя расти.

— А мама, мама приезжала к нам?

— Какой там! Он ни адреса ей не дал, ни телефона. Боялся очень. Ты первые дни всё плакал, искал её. Вроде ж ведь когда жил с ней, она и не видела тебя почти: пила да гуляла. А ты всё же тосковал по родной душе. Вот отец и боялся, что увидишь мать — совсем тяжело станет. Так тебя больше к ней и не возил.

— Никогда?!

— Да вот, выходит, никогда. Да и сам он со временем всё реже в деревню выбирался. Сначала Женьку хотел забрать, переживал за него. Но тот никак, упёрся, маму решил оберегать. Ну, и успокоились на том: Женька с ней, а ты с отцом. Он его раз в месяц навещал, игрушки возил, одежду. Постарше стал — и денег подкинет, не бросал, в общем. Он уж теперь и в армии отслужил. Отец мне его фотографии показывал, гордится.

— Так они и сейчас общаются?

— Конечно, что ж им не общаться — сын все-таки...

Дед не стал расписывать внуку, как его отец искал себе новую жену, как мучился, приглашая в дом то одну, то другую. Самому деду ни одна не нравилась: все они, когда Богдана видели, как будто разочаровывались... Не хотелось им чужого ребёнка. Да и понятно оно — зачем им в придачу к мужику неродной малыш. А потом появилась Вера. Деду она сразу понравилась: взрослее всех предыдущих, серьёзная, рассудительная. И, главное, глаза у неё добрые, задумчивые. Как в дом пришла — так как будто всегда с ними и жила. И с Богданом как ловко управлялась. И Насте она понравилась — подругами стали. Настя деда подбивала повлиять на сына: мол, чем не пара, женился бы. А сын всё как-то мялся, отмалчивался. А раз приехал, видимо, со встречи с ней, весь взволнованный:

— Пап, разговор у меня к тебе. Совета твоего спросить. Хочу на Вере жениться.

— Ну, и слава Богу! Чего тянуть-то! Хороша она, и Богдану с ней хорошо.

— Подожди, тут проблема есть.

— Да ну, навывдумываешь ещё, чего там у вас?

— Ребенок у неё. Уже большой, девять лет.

— А где ж это он?

— С ней живёт, в её квартире. Вот сегодня знакомиться ездил, Алексеем звать, славный вроде паренёк.

— А чего ж тогда проблема?

— Ты думаешь, не страшно? — глаза сына засияли с облегчением. — Я за Богдана переживаю, как ему-то будет?

— Да ну, брось ты, малой он ещё. Привыкнет, как к родному, и не вспомнит потом.

В круговерти переездов Богдан и вправду по привык. Одно время подолгу молчал, всё прислушивался к чему-то. Но и это постепенно прошло. Первые месяцы дед часто забирал Богдана на выходные к себе, старался дать передохнуть сыну с невесткой. Но постепенно Вера начала всё больше привязываться к малышу и настойчиво просила детей не разлучать: вместе с ними обоими и в парк, и в лес, и на море. И жизнь потекла спокойно. Впервые после смерти Маши деду показалось, что всё налаживается. Бывали и ссоры. Да у кого же их нет? Но так они с годами привыкли друг к другу, что всё уже само текло, как будто так и должно быть.

Дед посмотрел на совсем потерянного внука. И жалко его стало, и вроде большой уже. Забился в угол, как воробей взъерошенный.

— Как же так, деда?

— Ну, вот так в жизни вышло. Всякое бывает, понимаешь. Ты не тоскуй, уж как получилось.

— Ведь они должны были мне рассказать! Обязаны были! Как же это они?!

— Да не хотели, чтоб переживал ты! Как лучше ведь хотели.
— Кому лучше? Они ведь знали! Это ведь... Это ведь получается, все знали? Все вы знали?! — Богдана пронизывала боль от такого предательства близких.
— Да мы ж за тебя боялись. Что ж не поймёшь никак, чудак-человек!
— И крёстная, значит, Настя, тоже знала? — он уже не слышал деда, а только перебирал в памяти всех родных и друзей семьи, пытаясь разобраться, кто из них тоже знал, но молчал.
В дверь позвонили. Два коротких, один длинный. «Это она! — мелькнуло в голове у Богдана. — Она всегда так звонит, чтоб дед чужим не открывал!»
— Откроешь? — дед несколько мгновений вопросительно смотрел на погруженного в свои мысли внука и, кряхтя, пошёл открывать сам.
«Это всё неправда!» — вдруг озарило Богдана. Сейчас она войдёт, его мама, и всё это окажется глупой историей старого деда. Она посмотрит на него, и всё сразу станет ясно.
— Привет, Вера!
— Вы чего так долго не открываете?! Я уже подумала: случилось что! А ты чего такой хмурый? Подростковый бунт на корабле? — она ласково улыбнулась Богдану.
— Ты... ты почему мне не сказала? — он хотел, чтобы вопрос звучал твёрдо, по-взрослому, чтобы она не смогла соврать. Но голос дрожал и звучал пискляво, как у девчонки.
— Что не сказала, родной мой? — она нежно смотрела на него, одной рукой пытаясь растегнуть босоножку. — Ноги совсем отекли: осень на дворе, а жара какая!
— Никакой я тебе не родной! — сдавленно прохрипел он.
Всё внутри напряглось, как пружина. «Скажи, что это всё не так! Ну же! Скорей, скажи, что дед совсем глупый стал! Ну, чего же ты!» — мысли проносились в его голове, пока она поднимала взгляд от непослушного ремешка.
— Что ты имеешь... — её глаза встретились с глазами Богдана, и взгляд начал медленно напрягаться, как будто пытаясь что-то рассмотреть. Она резко повернулась к деду, и лицо её застыло с выражением страха. Дед растерянно отвёл глаза, потирая затылок. Мамин взгляд снова вернулся к Богдану и замер... Все его надежды разбились. Всё было правдой, дед не врал. Он всё прочел на её лице.
Вера осторожно стянула босоножки, захлопнула входную дверь и прошла на кухню, сев напротив Богдана. Дед выключил свет в коридоре и медленно поплёлся за ней.
— Ты теперь всё знаешь, да?
Богдан смотрел на её лицо, не чувствуя внутри ни тепла, ни нежности. Волосы у неё прилипли ко лбу и щекам, под носом выступили капельки пота, а кожа неравномерно покраснела. Она тяжело дышала, и от неё пахло пыльной улицей. Её веснушчатые руки нервно потирали край стола, и он задержал взгляд на мозолистых от стирки красных пальцах с заусенцами у основания коротко остриженных ногтей.
— Нам надо всем поговорить.
Они снова встретились взглядами, и она поспешно отвела свой в сторону убегающей на плите каши. Он увидел много мелких морщин вокруг её едва подкрашенных глаз. Они разбежались лучиками от носа к вискам и вниз к щекам. Они бежали по всему лицу, исчерчивая едва заметной паутинкой её лоб, щеки, подбородок. Он смотрел на её бледные тонкие губы, которые что-то произносили, и морщинки вокруг них. Он заново изучал это чужое лицо...

Молодые авторы

Алексей Борычев

Алексей Борычев родился в 1973 году в Москве. Кандидат технических наук, автор восьми книг стихотворений, лауреат литературной медали «А.С. Грибоедов», финалист различных сетевых конкурсов, в том числе премии журнала «Литературный меридиан» в номинации «Поэзия» за 2013 год, «Эмигрантская лира», «Лучший поэт» по версии газеты «Вечерняя Москва».

Диалог (серебряный век...)

Где ты бродишь? Где лучится
Памяти твоей слеза?
Где роняешь слов зарницы?
В чьи глядишься небеса?

– По высоким звёздным тропкам,
По тончайшей вышине
Я брожу, гляжу, как робко
Ты стремишься ввысь ко мне.

В чашах лунных, в чашах звёздных
Ты почти и не видна,
И моей печали гроздь
Поглощает тишина.

– Милый, помнишь, мы блуждали
По фиалковой весне?
Синеокий, бело-алый
Мир светился, как во сне.

Да, я помню – майской ночью –
В небе звёздные цветы
Рассыпали многоточья,
Где гуляли я и ты.

В пенном облаке сирени
На свирели тишины
Ночь играла...
Наши тени
Были переплетены.

А потом хрусталь рассвета
Проливал весенний день...
Где же, где теперь всё это? –
Только память! Только тень!

– Успокойся. Не печалься.
Слышишь, время ожило,

И кружится в быстром вальсе,
И дрожит миров стекло.

Вижу, скоро разобьётся.
И тогда в предел иной
Полетишь, как в темь колодца,
Вновь окажешься со мной!

Весны сквозная синь

Весны сквозная синь.
Светящаяся истина.
Застенчивость осин,
Прозрачная, лучистая.

Кораблики тепла
По морю стыни плавают,
И теплых дней расплав
Стекает с неба лавою.

Весны блестящий диск
Вокруг меня вращается,
И мир, суров и льдист,
На части разрезается. –

На щебетанье мглы,
На пенье ручейковое,
На воды, что светлы,
А были стужей скованы...

И солнечным стеклом
Леса переливаются,
Как память о былом,
Всегдашняя, живая вся!

А солнце – просто дым,
Оранжевый, берёзовый
Над мартом молодым,
Над снегом бледно-розовым.

Воспоминания (романс)

Воспоминания. Воспоминания.
Где обретаєте силы и рвение –
В доме скучающего мироздания?
В замке несбывшегося вдохновения?

Светом осенним, остывшим, врачующим
Вы освещаете прошлое, прежнее
И усмиряете дух негодующий,
Ставший преградой пред чувствами
нежными.

Полям, озерами, рошей, болотами,
С неба хлебнувшими горечь осеннюю,
Вы пролетаете тихо, полётами
Сердце волнуя душе во спасение.

В сумерки синие, в сумерки поздние
Часто в тревогу мою проникаете
И осыпаете искрами звёздными
Волосы ей, говоря: кто такая ты!..

Волосы длинные, волосы чёрные
В небе колышутся голыми ветками...
Прошлое, памятью позолочённое,
Падает лунными бликами редкими.

Падает, падает в темень осеннюю,
В чёрную пропасть земного страдания...
Где же забвение? Где же спасение? –
Воспоминания. Воспоминания...

Вечер врачует простуду заката

Вечер врачует простуду заката
Чёрной облаткою ночи.
Память лиловою тьмою объята –
Пеплом былых одиночеств.

Пламя осенней лесной лихорадки
Всё поджигает во злобе...
Дни как секунды, прозрения кратки.
Мысли и чувства в ознобе.

Когти времён, ухватившие лето,
Приступом боли разжались.
Лето разбилось в сознании где-то
На ностальгию и жалость.

Тихо пульсирует летнее сердце
В полночи дрожью осенней,
Но замирают бесшумные герцы
Утром, колеблющим тени.

И продолжается тихая осень –
Заводь покоя без края,
Солнце, подобное острой занозе,
Мглою в себе растворяя.

Олово дней растекается тише
В тигле метельных просторов.
Знак всепрощения на небе вышит
Иглами вечных повторов.

Я помню мёд улыбок детских

Я помню мёд улыбок детских,
Когда в брильянтовой глуши
Легко звенели елей ветки
В дождливой солнечной тиши.

Я помню – дождь,
тот дождь сквозь солнце,
Когда смеялись небеса
Огнистой радугой сонной,
В туманах прячущей глаза.
И было сыро, ах, как сыро,
И в синих лужах май сиял.
Земного столько было мира,
Что о небесном забывал!

А дождик лил, и пар струился
Над незабудковой страной,
И в этот час мне враг был мил сам,
Идущий тёмной стороной.

Мой враг? – кромешная тревога,
Что всё исчезнет, как всегда,
По воле черта или Бога,
И свет, и светлая вода,

С небес летящая на ели,
И будет снег и будет грязь...
Бегут секунды, дни, недели,
Над прошлым солнечным смеясь.

Молодые авторы

Дарио Вилун

Дарио Вилун (Dario Willuhn) родился в 1992 году, студент юридического факультета Потсдамского университета.

МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ИМПУЛЬС

Пустые страницы передо мной, пустые страницы позади меня.

Я просто не знаю, какое из тривиальных озарений должно первым найти свой путь на бумагу?!

О, что я вообще спрашиваю? У мира большая жажда на тривиальное, хитрое и совершенно бесполезное, во всех отношениях.

Кто в этом сомневается, сам ещё не понял, что он ведёт свою собственную тривиальную и бессмысленную войну с этой самой тривиальностью.

Он разжигает огонь порочного круга тривиальности и сам становится его неотъемлемой частью - парадокс, не правда ли?

Но посмотрите на неё с такой же тщательностью, как и скромный я!

Один завидует другому и считает себя более достойным. Но если он займёт место этого другого, то будет удивляться, почему в его окружении, по-видимому, ему все завидуют.

Нам не хватает связи с реальностью. Наша саморефлексия отражает такой ослепляющий блеск, который не позволяет осознать, что это сияние не наше, а другого человека. Мы греемся в лучах других - и чувствуем себя как дома.

Но те, кто обостряет свои чувства восприятия, смогут не только смотреть, но и разумно видеть мир новыми глазами.

Тем не менее так же люди с великими умами, если не будут обращать внимание на существенное, будут ослеплены. Да, здесь наступает слепота.

Те, кто не останавливает свой взгляд на важном, утонут в банальности. Хотя никто не может избежать этого порочного круга, потому что с каждой мыслью не думать о банальном - даёт ему новую жизнь. А те, у кого свой взгляд на своё окружение, может ходить по кругу, сколько пожелает.

Перевод с немецкого языка Анастасии Довыденко

Молодые авторы

Сергей Цей

Сергей Цей, студент БФУ им. И. Канта, специальность «Филология»

РАССВЕТ В 5.03

Побывав в самых что ни на есть священных местах земли, не знаешь, с чего начать. Горы Синая, 750 ступенек на «священный пик», монастырь Неопалимой Купины, город Мира.

Моё паломничество началось испытанием физических сил и, прежде всего, духа.

Ночь. Сириус вместе с созвездиями египетского небесного пространства и Луна светили ярче, чем выданный фонарик, который почти умирал в руках и не светил дальше себя самого. Вспомнив про Моисея, который вряд ли поднимался тысячи метров по камням с фонариком, выключил его. Приключение началось.

Крутой и, как потом выяснилось, весьма опасный серпантин горной дороги казался нескончаемым. Пунктир фонарей, обманчиво скрывающийся высоко за поворотом, обозначал предстоящий путь. Но новый поворот открывал всё новые и новые ступени.

Люди, приехавшие сюда со всего света, упорно карабкались к вершине.

Самыми быстрыми и активными были пожилые китайцы, которые обгоняли даже наших молодых и здоровых акселератов. Поэтому, примкнув к когорте лидирующих, я уверенно двигался наверх. Как же я боялся опоздать! Лишь ближе к вершине горы внутри родилось ощущение наслаждения от пути. Вспомнилась позабытая песня

Есть счастье в жизни или нет –

Дорога не даёт ответ.

Ты сам поймёшь в конце пути,

В том счастье, чтоб всю жизнь идти.

На вершине горы, словно так было задумано природой, высилась часовня Святой Троицы. И свет.

Рассвет и восход. Даже время врезалось в память: 5.03 – рассвет, 5.21 – восход солнца.

Солнце рождалось прямо на глазах. В туманной дымке синевы далёких гор высветлялось небо. Неожиданно появилась огненная точка. И неуловимо для глаза стала разбухать, вырастать – и вот уже полдиска золотого.

Раньше мне казалось, что чем ближе к солнцу – тем оно жарче, злее.

Но нет.

Оно предстало тёплым шаром. Такое доброе солнце, к которому тянулась Земля.

Я заметил, что люди стали улыбаться. Наивно, по-детски – солнцу, горам и всему. Одна китаянка так растрогалась, что начала меня обнимать и попросила с ней сфотографироваться (а ведь она ещё не знала мою фамилию).

Именно сейчас я почувствовал глубинное значение своей фамилии. Пару месяцев назад, будучи в Литве, мне одна девочка из Китая рассказала, что в китайской философии есть понятие «Цей», которое означает «крошечную частицу Мироздания». Здесь, на вершине горы, я ощутил кожей и осознал сердцем значение этих слов.

Трудно было уйти оттуда, но ещё труднее запомнить это редкое чувство растворения, слияния с Миром.

Но пришло время спускаться. И тут возник единственный вопрос, который я озвучил: «Как мы вообще сюда забрались?» 2300 метров – всё-таки не шутка.

Кто знал, что с того самого дня камни, ступени и вся гора Синай станут основой моей веры, моим образом цели, моей доброй метафорой.

Именно там, на вершине, можно поверить, что Моисею здесь явились знания высшего порядка, ибо это благословляемые Миром места.

Казалось, что мой внутренний мир наполнен до предела и требовал спокойного осмысления всего увиденного и пережитого, да и ноги не железные, но расслабляться не грозило: меня ждал Израиль.

На границе я стал волноваться: вдруг не пустят – очень уж подозрительно на меня глядели пограничники. Посмотрев в паспорт, недоверчиво переспрашивали: «Where are you from?» Оно и понятно – когнитивный диссонанс: парень из России, на русского не похож, с китайской фамилией, едет из Египта через Палестину в Израиль!

Автобус пронёсся сквозь длинный туннель, и панорама белого города слева вместе с золотой ротондой навсегда осталась в памяти с первого взгляда.

Иерусалим, город белого камня, город трёх религий – в ансамбле стоят мечети, синагоги и православные церкви. У стены Плача – солдаты с оружием, евреи, читающие свою священную Тору и наши русские. Все рядом. Все вкладывают свои записки с желаниями в расщелины между камнями, и без того уже забитыми до отказа. И ещё не до конца поверив, что всё сбудется, я оставляю и свою записку.

Гид полностью оправдал своё имя – Душан. Со всей душевной теплотой он отнёсся к нашей группе. Торопил наших барышень – ведь желающих попасть в святые места куда больше, чем нам казалось.

Мы быстро пошли по улицам Иерусалима. «Будьте осторожны, можете поскользнуться», – твердил Душан.

Это удивительно! Плиты Иерусалима настолько гладкие, что по ним можно просто скользить! Даже воображению не поддаётся, сколько здесь прошло людей за все века!

Когда был в Вифлееме, увидел статую того, о ком лишь слышал на лекции в университете. S. Hieronymus – отец канонического латинского текста Библии у входа в церковь Св. Кaterины, где над органом висит витражная модель мира, которую можно встретить в учениях авестийской школы. Модель проста – единый квадрат, поделённый на 9 равных частей, вписан в многогранную звезду. Здесь ощущаешь связность бытия.

Мы в Храме Гроба Господня.

Надо мной золотая ротонда. Это как бы спадающие лучи солнца, окружённые сотней с лишним золотых звёзд. Вокруг меня коллоната, а в центре – мраморная часовня, воздвигнутая на том месте, где был когда-то погребён Иисус.

Не думал, что именно здесь мне пригодятся весьма скромные знания древнегреческого. Но я смог прочитать некоторые надписи и даже приблизиться к их смыслу.

Опалив свечи благодатным огнём для самых близких и родных, я немного оторвался от группы. Меня какая-то сила позвала в другую сторону. В сторону подземного каменного зала, где пол был исписан на древнегреческом языке. Там, под каменным куполом, на постаменте стояла статуя из чёрного камня – Святая дева Мария, обнимающая крест. Та статуя навсегда осталась в моём воображении. Кажется, именно она и звала меня.

В голове, в сумасшедшем порядке, остались воспоминания, стёрлись границы Палестины и Иерусалима, время то ли замедлилось, то ли неслось, и даже нет четкого понимания, где я был. Но впечатление настолько объёмно и насыщено мыслями, образами, что, кажется, невозможно их выразить в словах, как трудно влюблённому признаться в любви.

Помню, именно здесь всплыли образы предателя Иуды, каким видел его Леонид Андреев, и булгаковского Понтия Пилата в «белом плаще с кровавым подбоем». И Иешуа, покорно следующего своему предназначению.

30 серебрянников, Голгофа и Идея. Идею оставил нам Иисус. Идея передалась от ученика к ученику, заставив поверить весь земной Мир на тысячелетия вперёд.

Под куполом Ротонды стало грустно. Как о Великой Отечественной и ветеранах вспоминают 9 Мая, как женщинам дарят цветы 8 Марта, так и о Христе вспоминают на Рождество да на Пасху. И, может, тогда, когда мы перешагнём через барьер «надо», чаша весов снова займёт середину. Люди не стали лучше или хуже, войны не исчезли, но приняли другой вид, многие слова Иисуса Христа исковерканы до неузнаваемости. Но есть те, смысл которых более чем актуален и в наши дни: «Какая польза от человека, если он приобретёт целый мир, но потеряет собственную душу?»

История и современность

Александр Гельбах

Александр Павлович Гельбах родился в 1946 году в Вильнюсе (Литва). Учился в Ленинградском государственном университете, заочно - в МГУ. А окончил только межреспубликанскую Высшую партийную школу в Вильнюсе. Начинал младшим литературным работником в «СЛ», был заместителем редактора, главным редактором газеты «Советская Литва» - «Литва Советская», собственным корреспондентом, заместителем главного редактора по дальневосточному региону газеты «Развитие» (бывшая «Строительная газета»), пресс-секретарём ОАО «Дальэнерго», главным редактором издательства Морского государственного университета имени адмирала Г.И. Невельского во Владивостоке. Входил в правление Союза журналистов Литовской ССР, избирался членом президиума Центральной контрольной комиссии (ЦКК) Компартии Литвы. Автор сборника очерков о Героях социалистического труда в Литве, книги «Приморский край России. Десять лет созидания», нескольких книг о людях и предприятиях краевой энергетики, путевых очерков. Публиковался в различных союзных, общероссийских и других периодических изданиях. Живёт на острове Русский.

ПО ВОЛЕ ВОЛН... ИЛИ ПРОТИВ?

«...Плывёт мой чёлн по воле волн...» Зарифмованная мечта нормального человека о покойной жизни и непротивлении судьбе. А вот первый закон некоего Мерфи о езде на велосипеде: «Независимо от того, куда вы едете – это в гору и против ветра!»

Я достиг того интересного возраста, когда можно позволить себе приостановиться в беге и подумать о важном. Например, о собственной жизни. В ней уже как будто всё ясно. И совершенно непонятно. И, кажется, мудрость мира сосредоточена в философском парадоксе Сократа: «Я знаю, что ничего не знаю».

Сопоставив «зарифмованную мечту» с «велосипедным законом», придётся согласиться, что жизнь соткана из диалектических противоречий, бороться с которыми совершенно бесполезно. И не нужно. Потому что они (противоречия) в конечном итоге обязательно сами себя преодолевают. Во всяком случае, мой опыт лично для меня служит тому определённым доказательством.

ОТ ВИЛЬНО ДО ВЛАДИКА

От порога моего «ранчо» на Русском острове видно море. Ну, если не само море, то залив Новик, что не менее интересно. И дорого. Во-первых, потому что всегда уважал моряков и любил море. Во-вторых, был матросом и около двух лет «бороздил просторы». Ну, а в-третьих, работал в МГУ имени адмирала Г.И. Невельского (бывший ДВВИМУ). Ушёл из вуза на пенсию с должности главного редактора университетского издательства. Но обо всём по порядку.

Появился я на свет в далёком 1946 году в славном городе Вильно¹. Вот с этого момента преодоление противоречий, пожалуй, и началось. Вступив в первый сознательный возраст (от 4 до 6) я узнал, что в роду моём ещё в царской России были представители армии и флота, военные медики. Решил готовить себя к морской службе. Подростком усиленно занимался разными видами

---

¹Вильно (Вильни, Выльне, Вельне) – это историческое название города, который практически стал именоваться Вильнюсом только после того, как «щедрою рукой» Иосиф Сталин передал его Литве в 1939 году. Та же участь постигла и немецкий город Мемель, в советские годы превратившийся в порт Клайпеда. Интересующиеся могут узнать подробности из статей в Википедии – свободной энциклопедии, никак не связанной с «коммунистической пропагандой».

спорта (плавание, бокс, футбол и т.д. – разряды от III до I юношеского), учил английский. Но когда окончил среднюю школу и подал заявление в военно-морское училище, срезался на главном экзамене. Был окончательно и бесповоротно забракован по здоровью. Медики нашли у меня «сердечные отклонения», которые я сам всерьёз ощутил лишь в предпенсионные годы.

Но факт остался фактом: судьба с моей мечтой стать военным моряком обошлась круто. Поэтому продолжение получилось «по воле волн». Мои отец и мать работали журналистами. И я рано приобщился к этой профессии. Как-то, учась ещё в 9 классе, попал в Ленинград. У ленинского «шалаша» в Разливе встретил космонавта Германа Титова. Щёлкнул затвором фотоаппарата. Снимок оказался удачным и с «развёрнуто-патриотичной» подписью был опубликован в газете «Советская Литва».

К окончанию школы у меня за плечами было участие в стенгазете и публикация нескольких коротких заметок о подростково-юношеских спортивных мероприятиях в газете республиканской. Конечно, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что мои родители давно и прочно «закрепились» в журналистском цехе. Мама была собственным корреспондентом Всесоюзного радио и телевидения по Литве и Калининградской области, отец – заместителем редактора журнала ЦК Компартии Литвы «Коммунист». Так или иначе (по благу или без него – как читателю угодно), но я получил красные корочки нештатного корреспондента «Советской Литвы». Бегал с ними достаточно резво (репортёра, как волка, ноги кормят), умудрялся получать приличный гонорар и через несколько месяцев был принят в штат на половину ставки младшего литературного работника в отдел новостей.

Выработав положенные два года трудового стажа, поступил на факультет журналистики Ленинградского госуниверситета. Храм науки произвёл впечатление. Но оно было разным.

Например, мне показалось странным, что преподавательница античной литературы – женщина весьма полная и в серьёзных годах, одетая в чёрный балахон, напоминающий сутану, на первой лекции спросила: «Вы знаете, как звучит «Илиада» Гомера на языке оригинала? Послушайте...» И все два академических часа она читала нам знаменитую поэму на греческом. После такого испытания на лекции милой старушки я не ходил, потому что греческим языком не владел и учить его не собирался. А с «Илиадой» познакомился ещё в школе в переводе Гнедича.

Слегка разочаровал и профилирующий предмет – «Теория и практика советской печати». В теории весь первый семестр мы изучали, как надо писать «заметки», «расширенные информации» и короткие «репортажи с места событий». На практике, чтобы получить зачёт, в течение четырёх месяцев надо было написать одну (!) заметку, одну (!) информацию и одно (!) подобие репортажика. После ежедневной газеты, где по-настоящему котировалась только оперативная информация со словом «вчера» (сегодня событие, завтра – в газете), такой подход мне казался насмешкой над здравым смыслом.

В общем, студентом я был аховым. Многие лекции пропускал, иногда не ходил и на семинары, коллоквиумы. Но экзаменационные сессии на первом курсе сдал без «хвостов». А однажды, когда уж совсем ничего не знал, вывернулся за счёт своего «лёгкого характера».

Тогда на Невском проспекте без простоев и убытков действовали любопытные забегаловки под разгуляйным псевдонимом «Совшам». В них по магазинным ценам разливали «Северное сияние» (смесь коньяка с шампанским) и давали закусить конфеткой. Заглядывал я в них редко. Но на сей раз не прошёл мимо. Предстоял экзамен по политэкономии социализма. А я прочитал по теме только пару тоненьких брошюрок и чувствовал, что «ни в зуб ногой».

Поэтому по дороге на Университетскую набережную в двух попутных «Совшамах» принял по солидной порции с конфеткой и «засиял изнутри». Смелости не занимать: сдавать экзамен я нахально вызвался первым. Преподаватель взял мою зачётку, повертел, задумчиво прочёл: «Александр Павлович... Теория и практика «отлично». Продолжил назидательно: «Что-то я не видел вас, молодой (был таким!) человек, ни на одном семинаре. Мог бы и не допустить к экзамену. Но за храбрость прощаю. Слушаю вас...»

Послушал минуты три и высказал сомнение в моих глубоких знаниях. Я с ним легко согласился и вышел из аудитории в коридор.

А там люди толпятся, переживают. Чтобы их развлечь и отвлечь, рассказал какой-то анекдотец. Время идёт, ребята выскакивают из аудитории расстроенные, девочки в слезах –

сплошные «пары». Ну, и экзаменатору наскучило. Он выглянул в коридор. В этот момент я снова рассказывал что-то смешное. Он послушал, улыбнулся, ушёл. Минут через двадцать снова явился. Бог похмелья меня не оставил – ещё ораторствую. Вызвал новую «педагогическую улыбку».

Экзамен завершился. 90 процентов студентов из нашей группы его успешно завалили. Но многие на что-то надеются, ждут. Преподаватель выходит, они к нему: «Мы учили. Знаем. Это от волнения...» Он непреклонен: «Повторная сдача экзамена после сессии». И вдруг обращается ко мне (я скромно стою в сторонке, молчу): «А Вас, Александр Павлович (запомнил!), прошу ко мне завтра утром. Попробуйте счастье ещё раз»...

На следующее утро в полной уверенности, что экзамен сдан, лечу в университет. К билетам протягиваю руку, чтобы соблюсти формальность. А преподаватель говорит: «Вам билет не нужен. Я сам задам вопросы. Будет понятно, знаете ли Вы хоть что-нибудь из нашего курса». И задаёт на полном серьёзе. Что-то вроде: а) изменение закона стоимости при социализме; б) роль товарно-денежных отношений; в) общественные фонды потребления в решении социальных задач...

Я в пространии. Сел и 45 положенных минут думал, к какому извращенцу и садисту в лапы попал? А он ещё издевается: «Время вышло, Александр Павлович. Пожалуйте на экзекуцию!»

Хоть и было совершенно безнадежно, я начал что-то произносить. Иезуит меня перебил и... продолжил тему. Отвечал на поставленные им самим вопросы больше часа. Потом объявил: «Теперь, Александр Павлович, я уверен, что основы политэкономии социализма вы усвоили. Поэтому с чистой совестью ставлю вам «удовлетворительно».

Впоследствии политэкономии и капитализма, и социализма мне приходилось сдавать не на журналистском, а скорее, на политфилософском уровне. И только на «отлично». Даже лекции по линии общества «Знание» читал о сравнительной экономике США и СССР. В них старался убедить слушателей (и себя заодно), что победа непременно будет за Страной Советов.

Но суть политэкономии социализма я на самом деле понял тогда в Ленинграде. Она в братстве и взаимопонимании иронично настроенных людей... Ведь нельзя же всерьёз считать экономическим законом «работу по способностям», а удовлетворение нужд «по потребностям». Увы, это аксиома: чем меньше у человека способностей, тем безграничнее его потребности. И такое непримиримое противоречие без развитого чувства иронии никому и никогда не преодолеть.

Ещё должен отметить, что на первом курсе мне исполнилось всего 18 лет отроду (рано пошёл в школу и рано её окончил). Конечно, я влюбился. Избранница ответила мне полной взаимностью, но... Вышла замуж она на втором курсе за геолога из Сибири, который был лет на десять её старше. Мне объяснила: «Он надёжный, с ним мне всегда будет спокойно. Ты лёгкий, унесёт тебя любым попутным ветром...»

Не уверен, что она точно угадала мою сущность. Но я расстроился. Бросил дневное отделение ЛГУ и перевёлся на заочное в Московский университет. Вернулся в редакцию «СЛ». Учиться заочно у меня получалось плохо. Автоматом ставили «отлично» только по теории и практике совпечати. Появились «хвосты». Высшее образование я всё же преодолел. Правда, произошло это через 11 лет (заочная эпопея в МГУ продолжалась у меня четыре с лишком года) после начала учёбы в Ленинграде. Получил даже красный диплом (с отличием), но не в Московском университете, а в высшей партийной школе.

В те времена среди партийных и советских чиновников высокого ранга было модно и престижно иметь по два и три диплома о высшем образовании (как у нынешних их последователей защищать «на досуге» кандидатские и докторские диссертации). Не помню уж у кого, но у кого-то из полудиссидентских писателей я вычитал точную характеристику явления: «Диплом о высшем гуманитарном образовании для чиновника – это щит от обвинения в слабоумии». А если три диплома? Это ведь щит непробиваемо-всесторонний!

Замечание не по сути, а скорее, к слову. И к тому, что ироничный триллер об «особенностях национальной охоты и рыбалки» сегодня можно было бы дополнить «особенностями национального образования» чиновников.

Поэтому я не переживал и не переживаю, что у меня всего один диплом. Он весьма основательный.

Школу журналистской практики я прошёл без пропусков и отлынивания. Последовательно: младший литраб, корреспондент, старший корреспондент, заместитель ответственного секретаря, заведующий отделом, наконец, заместитель редактора газеты «Советская Литва».

Писал и печатался я много. Но стал сильно сомневаться в эффективности партийного «газетного трёпа». Потому что помнил и уже понимал предостережение гениального русского лирика Фёдора Тютчева: «Нам не дано предугадать, // Как наше слово отзовётся...». Выступления Горбачева начинали раздражать людей, постановления ЦК КПСС и прочих пленумов поражали тавтологией, порой «выносили мозг» своим барабанным боем и явной глупостью.

Перестройка перерастала в перестрелку. А Литва превратилась в первый среди союзных республик полигон, где опробовались на практике рецепты разрушения сверхдержавы – СССР. Подробно рассказать о событиях тех лет – всей книги не хватит. Поэтому попробую очень сжато.

«САЮДИС», «ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ», ТИХИЙ ОКЕАН

В Литве во второй половине 80-х годов прошлого века появилось «демократическое» движение «Саюдис»², которое возглавил музыковед Витаутас Ландсбергис. В создании и пестовании отряда националистически настроенных «либералов» приняли участие очень разные «родители». От агентов влияния США (член политбюро, секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев) до высокопоставленных сотрудников КГБ Литовской ССР и секретаря ЦК Компартии Литвы Ляонаса Шепетиса. Последнего в народе так и называли: папа «Саюдиса».

Редколлегия газеты «Советская Литва» ещё в 1987 году (зарождение первых организаций «Саюдиса») приняла решение - навязать «народному движению» публичную дискуссию. Тогда только слепому или не желающему открывать глаза было неясно, что «Саюдис» ведёт подрывную деятельность, направленную на разрушение страны. Но после публикации нескольких острых материалов нас одёрнули: из секретариата ЦК КПСС поступило прямое указание «не мешать развитию демократии в национальной республике».

19-20 декабря 1989 года состоялся XX съезд КПЛ. На нём абсолютным большинством голосов было принято решение отделиться от КПСС и создать самостоятельную КПЛ (впоследствии она преобразовалась в Демократическую партию труда Литвы). Часть коммунистов с решением не согласилась. Была сформирована Коммунистическая партия Литвы (на платформе КПСС). Её возглавил глубоко уважаемый мною доктор исторических наук, профессор Миколас Бурокаявичюс. Он сразу предложил мне стать редактором новой партийной газеты. Я отказался, потому что ещё питал иллюзии. Был знаком, даже прятельствовал со многими «саюдистами»-«трудовиками» и не верил, что они пойдут на полный разрыв с Россией.

Забеспокоились и «перестройщики» из Москвы. В редакцию «СЛ» даже приехал специальный посланец из ЦК КПСС. В беседе со мной он убеждал «стоять на твёрдых позициях» и «отстаивать». Я возразил, что совет бесполезный: к догмам политэкономии социализма нет почтения... Москвич сорвался в крик:

– Не плюй в колодец, из которого ещё пить придётся!

Ответил ему резко:

– Вы его так загадили, что уже никто из него пить не захочет!

Должен признаться, что к тому моменту в «перестройке», «демократизации», «ускорении», «сухом законе» я, как и тысячи других коммунистов, разочаровался. Но ещё верил в сохранение, пусть и видоизменённого, Союза ССР. Сам писал, пытался разъяснить, цитировал записку Владимира Ильича Ленина I съезду Советов³: «...не следует зарекаться... от того, чтобы...

² Саюдис (лит. *Sąjūdis*, «Движение») — общественно-политическая организация (также «народное движение») Литвы, возглавившая в 1988-1990 гг. процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР.

³ 30 декабря 1922 года I съезд Советов провозгласил создание федеративного Союза Советских социалистических республик. Ленин уже был тяжело болен. Он продиктовал записку «К вопросу о национальностях или об «автономизации»

вернуться... назад, т.е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность...»

В феврале 1990 года на выборах в Верховный совет Литовской ССР кандидаты «Саюдиса» получили 101 депутатский мандат из 141. На первом же заседании 11 марта они приняли Акт восстановления независимости Литвы. То есть провозгласили выход республики из Союза ССР. Верховный совет ЛССР «саюдисты» между собой уже именовали Сеймом. А через пару дней последовал указ о запрете выпуска газеты «Советская Литва». Ландсбергис разрешил редакции самой продумать название нового издания.

Предложением мы воспользовались. Решили не отступать от вековых традиций: в Виленском генерал-губернаторстве Российской империи на русском языке выпускались «Вестник Западной России» и «Виленский вестник». Мне поручили передать Ландсбергису, что коллектив редакции готов издавать газету «Литовский вестник».

В точно назначенное время я был в кабинете председателя Сейма. Вручил ему бумагу с новым названием газеты. Музыковед слегка побагровел, раздвинул тонкие губы в язвительной улыбке, спросил, почти прошипел:

- Вы лично это придумали?
- Редколлегия утвердила.
- Подождите пять минут в приёмной. Вас пригласят.

Я вышел из кабинета. Прошло минут 10, меня пригласили. Ландсбергис протянул мне документ, которым предписывалось «Советскую Литву» впредь именовать «Эхом Литвы». Рукопожатие не состоялось. А я для себя решил, что работать в «Эхе...» не буду ни при какой погоде.

Предписание, как и полагалось, я передал редактору. А сам отправился в ЦК Компартии Литвы (на платформе...), которое временно обитало в здании «Политпроса» и действовало почти в условиях подполья. Тут же был назначен редактором, получил поручение в кратчайшие сроки возобновить выпуск газеты «Советская Литва».

Издавать «СЛ» на территории республики было невозможно – все типографии под контролем «Саюдиса». Нам помогли военные. На самолёте командующего сухопутными войсками СССР Валентина Варенникова меня, ответственного секретаря новой редакции Юрия Строганова и примкнувшего к нам московского генерал-майора из Политуправления ВС отправили в Минск. Расстояние – около 180 км. Что называется, взлетели – сели.

Честно сказать, уже в пустой «Тушке» (на огромный салон всего три пассажира!) я проникся важностью миссии. Но ещё более взволновала встреча в Минске. На военном аэродроме нас, двух «шпаков» и одного политуправленца, встречал весь генералитет Белорусского округа и вереница до сияющего блеска отполированных чёрных «Волг» во главе с представительской «Чайкой». У трапа, вытянувшись по стойке «смирно», стоял «целый» генерал-полковник.

Когда встречающие разобрались, что главкома Варенникова в самолёте нет, вздохнули, по моему, с облегчением. Генерал-полковник пригласил политуправленца (больше мы его не видели) в «Чайку», а нас со Строгановым отправили на «Волге» в издательство ЦК Компартии Белоруссии. К утру 15 тысяч экземпляров «Советской Литвы» были готовы. Мы вновь прибыли на знакомый аэродром. «Тушки» Варенникова не было. Но уже ворчал двигателем и опробовал винт боевой вертолёт с пустыми кассетами для пуска ракет. На нём мы и доставили первый тираж возобновлённой газеты в Вильню.

Полёты в Минск стали регулярными. Популярность «Советской Литвы» росла. Вскоре мы печатали тираж в 30 тысяч экземпляров. Распространяли газету партактивисты, частично попадала она и в киоски «Союзпечати». И тут меня вызвали в Главлит (Главное литературное управление). Бывший редактор «СЛ», а нынешний – «Эха...» Василий Емельянов обратился с заявлением, что именно его редакция является преемницей «СЛ», следовательно, и правообладателем на её название. То есть имя «Советская Литва» мы используем незаконно.

Председатель Главлита был моим давним знакомым и хорошим коммунистом (его тогда просто не успели сместить с должности). Мы обсудили проблему. Если продолжать выпуск «СЛ» под прежним заголовком, то распространять её через киоски «Союзпечати» станет невозможно.

Газету могут арестовать, где бы она ни появилась, могут конфисковать и весь тираж. Преследованиям подвергнутся и сотрудники редакции. Но изменить название, значит, сдаться на милость победителей. И тут пришла идея: а если просто поменять местами слова?

– «Литва Советская». Звучит даже наступательно. И такой заголовок никем никогда не регистрировался.

– Очень правильно, – согласился председатель Главлита.

Газета под новым заголовком не потеряла своей остроты и популярности.

Взялся за воспоминания, и накатывают подробности. На улицы Вильнюса вышли танки. Партийная собственность – здание ЦК КП Литвы, издательство и др. – были возвращены законному владельцу. Необоснованным, с моей точки зрения, выглядел только захват республиканского телевидения. Там появились и первые жертвы. Так называемые «герои», павшие «в борьбе за независимость Литвы». «Так называемые», потому что большинство из них погибли от пуль самих «саюдистов». Снайперы охраны, созданной Ландсбергисом, забрались на крыши домов и стреляли в толпу сверху вниз (это подтверждено актами судебно-медицинской криминалистической экспертизы). Ни одного солдата СА на зданиях вокруг ТВ не было.

О событиях написано очень много. «Саюдистская» пропаганда наворотила горы лжи. Но правда прорывалась. Первые честные отчёты криминалистов «Литва Советская» опубликовала сразу, как только стало известно о гибели людей. Например, через пару дней после трагических событий в нашей газете выступил эксперт-криминалист, доктор юридических наук Иван Данилович Кучеров. Исследуя чёткие, сделанные с разных сторон фотографии⁴ одного из «погибших героев», он пришёл к выводу: человек умер не от огнестрела. Во-первых, все раневые отверстия от пуль обрамлялись «поясками осаднения», что происходит только, если стрелять не в живую, а уже мёртвую материю. Во-вторых, многочисленные раны были нанесены с разных сторон. Получалось, что в «героя» в условиях ночи в одно мгновение палил чуть не взвод. Причём, не считаясь с тем, что стрелки располагались друг против друга и обязательно должны были поубивать своих подельников.

Кучеров заключает: «...ненатуральные, искусственные условия причинения ранений состоят в том, что выстрелы произведены в неживое тело в упор или почти в упор».

Сегодня опубликованы и признания бывшего руководителя «саюдистской» охраны Буткявичюса, который лично руководил расстановкой своих снайперов на крышах домов у телебашни. Правду в Литве знает каждый житель. Но до сего дня власти в уголовном порядке преследуют тех, кто открыто её провозглашает.

Впрочем, скороговоркой опровергнуть происшедшую трагедию, наверное, невозможно. История когда-нибудь всё точно расставит по своим местам. А пока читателю придётся поверить мне на слово (или не верить – как угодно). Но для меня совершенно ясно, что главным виновником трагических событий в Вильнюсе 1991 года (как и на проспекте Шота Руставели в Тбилиси) был и остаётся Михаил Горбачёв.

Он неуклюже разыгрывал «невинность», рассказывал на всех «лондонских углах» о том, что ни сном, ни духом не ведал о «внезапных» выступлениях армии. А сам подталкивал коммунистов, честных и преданных присяге солдат и офицеров к действиям, жаждал пролития крови. Свидетельство тому - документы под грифом «совершенно секретно» о введении чрезвычайного положения в Литве. Их я видел (не читал) собственными глазами в ЦК КП Литвы. Под ними стояла факсимильная подпись Горби. Они, наверное, и сейчас хранятся в закрытых архивах под тем же грифом. Или уничтожены, потому что являлись лишь «проектом» генсека. И вряд ли будут когда-нибудь обнародованы. Ведь предательство, разрушение великой страны устроило многих современных властителей мира.

Уверен, что именно с подачи Горбачёва в центральных СМИ СССР распространилась версия, будто солдаты и танки на улицы литовской столицы вышли по «личному желанию» и приказу начальника Вильнюсского гарнизона генерал-майора Усхопчика. В зале заседаний бюро

---

⁴ Осмотреть натуральные трупы «саюдисты» Кучерову не позволили. Но опытный криминалист способен сделать заключение и по фотографиям. В суде оно принимается как несомненное доказательство. Только праведного суда не было. И расследования настоящего не проводилось. Сегодняшние события на «евромайдане» в Киеве тоже вряд ли будут раскрыты в полной мере в обозримом будущем.

компартии Литвы в те дни присутствовали, разрабатывали операцию военные чины рангом много выше. К тому же и штурмовали, например, здание издательства ЦК, где я в тот час работал, отнюдь не местные десантники.

На Нобелевской премии Горбачёва несмыаемые пятна крови.

Он повинен и в личной трагедии удивительно доброго, честного, искреннего и верного коммунистическим идеалам первого секретаря ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС), члена политбюро ЦК КПСС Миколаса Бурокаявичюса. Расскажу о «тайной вечере», в которой мне пришлось принять непосредственное участие.

Это было летом 1990 года, в канун открытия XXVIII съезда партии. Делегаты от Литвы готовились отправиться в Москву. Буквально за два дня до открытия съезда Бурокаявичюс пригласил меня поехать с ним в Минск. Машина остановилась у одного из зданий ЦК КПБ. Нас проводили в зал, где был накрыт стол с традиционным салатом оливье, шпротами и водкой. Здесь уже находились первый секретарь ЦК Компартии Эстонии и первый секретарь ЦК Компартии Латвии. Последним в зал вошёл хозяин застолья, первый секретарь ЦК КПБ.

Обмен ничего не значащими любезностями продолжался пару минут. Потом взял слово эстонец. Он сильно волновался, говорил сбивчиво. Но суть его короткой речи свелась к одному: делегация коммунистов республики проголосует на съезде за отстранение от должности Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачёва.

Присутствующие молча пригубили свои рюмки. Следующий «тост» произнёс латыш Альфред Рубикс. Он горячо поддержал эстонского коллегу, сказал, что политика Горбачёва ведёт к развалу страны и партии.

– Дальнейшее его пребывание на посту генсека губительно и недопустимо! – заключил он.

Возникла непродолжительная пауза, во время которой эстонец и латыш до дна опорожнили свои рюмки. Несмотря на то, что во время совместной поездки в автомобиле мы с Бурокаявичюсом говорили о многом, я совершенно не знал, как он отреагирует на два предыдущих «тоста». Профессор говорил медленно, отчего его слова звучали особенно внушительно:

– Партия переживает трудное время. Демократические реформы нам необходимы.

Инициатором их стал Михаил Горбачёв. Убеждён, что только он сегодня способен вывести страну из кризиса. Я верю Михаилу Сергеевичу больше, чем самому себе.

Напряжённость, омрачившая лицо первого секретаря ЦК КП Белоруссии после первых двух «тостов», исчезла. Он расслабился и, по-моему, с большим вдохновением опрокинул в себя рюмку водки. Подытожил:

– Коммунисты Белоруссии согласны с позицией литовских товарищей. Думаю, мы должны сделать всё возможное, чтобы сохранить сплочённость партии. За это и выпьем!

Продолжение застолья, несмотря на слегка наигранное веселье его хозяина (он даже рассказал какой-то смешной анекдот), было скомкано. Участники «тайной вечери» довольно поспешно расстались.

Чем закончился XXVIII съезд КПСС и каким поражением он обернулся для страны, известно. Я не знаю, почему именно меня Миколас Бурокаявичюс выбрал в спутники на секретную встречу руководителей республиканских делегаций на партсъезд. Возможно, полагал, что, как человек пишущий, не удержусь и когда-нибудь расскажу о ней. Более 20 лет я хранил молчание. Сегодня впервые рассказываю о «тайной коммунистической вечере».

С моей точки зрения, она напрямую перекликается с «тайной вечерей» Иисуса Христа с апостолами. Иисус видел предательство, но заранее согласен был принять муки, распятие на кресте за грехи человеческие.

Уверен, проницательный Миколас Бурокаявичюс тоже не обманывался. После XXVIII съезда КПСС он вплотную столкнулся с коварством генсека. На заседании бюро ЦК КПЛ, где присутствовали присланные из Москвы (считай, Горбачёвым) многозвёздные генералы, он резко возражал против вывода войск и танков на улицы Вильнюса.

– Даже если будут только холостые патроны, даже если вы прикажете десантникам не шевелить прикладами автоматов, кровь прольётся.

Миколас Бурокаявичюс, конечно, не святой. Но за «тайную вечерю» он поплатился полной мерой: провёл в заключении в Лукишкской тюрьме Вильнюса долгих 12 лет. Но и во время

неправедного суда над ним, и за все годы его сидения Михаил Горбачёв не обронил ни слова в защиту и поддержку своего товарища по руководству партии.

...Далее был ГКЧП. Вечером 21 августа 1991 года, как обычно, дежурная бригада работала над выпуском очередного номера «Литвы Советской». Но ему не суждено было увидеть свет. Начальник охраны, бравый капитан-десантник зашёл ко мне в кабинет и доложил:

– Товарищ редактор, мне приказано оставить здание издательства ЦК Компартии Литвы. Предлагаю Вам выйти вместе с нами. По периметру комплекса наблюдаем движение странных людей. Они могут быть вооружены.

Потом Москва. Меня назначили собственным корреспондентом газеты «Развитие» (бывшее издание ЦК КПСС «Строительная газета») на Дальнем Востоке. Газета сохраняла чёткую социалистическую направленность. Продержалась редакция несколько лет, но пришла в упадок. Пришлось искать новую работу. Так я стал матросом катера «спецназначения» Южных электрических сетей ОАО «Дальэнерго». Затем работа пресс-секретарём в «Востокинвестбанке», в том же «Дальэнерго», корреспондентом в «Парламентской газете» на Дальнем Востоке» и т.д. Если «СЛ» я был верен (с перерывом на учебу) 27 лет, то во Владивостоке менял места службы чуть не ежегодно.

Задержался в Морском государственном университете имени адмирала Г.И. Невельского. И благодарен судьбе, потому что познакомился с людьми на самом деле неординарными. Всегда буду помнить рано ушедшего из жизни ректора Вячеслава Ивановича Седых. Он был человеком широкой души, настоящим учёным и организатором высшего морского образования.

Проректор, страстный яхтсмен Владимир Фёдорович Гаманов. Профессор Евгений Иванович Жуков. Всех, к сожалению, не перечислить.

Я горжусь, что причастен к изданию нескольких добротных «морских» книжек. О кругосветном плавании учебного парусника «Надежда», о регатах, в которых прославились многие курсанты и преподаватели вуза, наконец, о 120-летию морского образования на Дальнем Востоке.

Горжусь и тем, что получил право носить настоящую морскую форму с погонами старшего офицера гражданского флота. Далёкая мечта юности стать военно-морским офицером преобразилась, но всё же состоялась. Противоречия судьбы, о которых говорил в начале этих заметок, сами себя преодолели. Живу я на острове Русский, омываемом водами Великого океана. На склоне лет я на Родине. Можно ли желать большего?..

Искусство и культура

Лидия Довыденко

главный редактор литературно-художественного журнала «Берега», член Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, автор шестнадцати художественных и публицистических книг

ПОСЛАНИЕ ЗРИТЕЛЮ. КАЛИНИНГРАДСКИЙ МУЗЫКАЛЬНЫЙ ТЕАТР

Со времен Сократа известно, что подлинная, глубокая мысль проявляется в диалоге, в игре понятий, а если говорить о музыкальном театре, в самом философствовании режиссёра, актёра предполагается диалог как реакция на предложенную картину мира в сознании зрителя, которого ещё надо обрести. Тянутся в Музыкальный театр люди всех возрастов, потому что наполняются здесь сердца положительными эмоциями. Каждый, даже самый потаённый уголок души заполняется чувством любви и благодарности, часто восторга и радости, ведь талант, самоотдача на все сто процентов участников действия, происходящего на сцене, его духовное начало поддерживает саму жизнь, оберегает человеческое в человеке, разбивает узкие рамки суетной повседневности, и этот духовный подъём восстанавливает самоуважение и самосознание.

Обретение истории

В 1992 году в Калининграде по предложению В.И. Лысенко был поставлен спектакль «Король Лир» по пьесе Уильяма Шекспира силами актёров трёх театров – Калининградского областного драматического театра, Театра Кукол и Молодёжного театра города Советска. Валерий Лысенко пригласил поставить спектакль Евгения Марчелли, тогда главного режиссёра театра в Советске. В 2006 году он стал обладателем «Золотой маски», национальной премии в области театрального искусства. На спектакль «Король Лир» был приглашён друг и учитель Валерия Ивановича Валерий Бухарин, давно вынашивавший мысль о создании в Калининграде музыкального театра и пришедший в восторг от постановки.

Родилась идея создания частного театра под руководством Заслуженного деятеля искусств России Валерия Ивановича Лысенко в содружестве с тогдашним главным режиссёром Калининградского областного драмтеатра Валерием Васильевичем Бухариным (1938-1997), Заслуженным деятелем искусств РФ, лауреатом Государственной премии, Кавалером ордена Дружбы народов, работавшим главным режиссёром в Читинском, Красноярском, Псковском драматических театрах, а с 1988 по 1993 годы – в Калининградском областном драматическом театре. Неслучайно в кабинете Валерия Лысенко, художественного руководителя Музыкального театра, центральное место занимает портрет Валерия Бухарина в память о первом сподвижнике и родоначальнике театра.

В те времена частный театр «Антреприза» поселился в помещении бывшего телевизионного центра на улице Бассейной, и пришлось вложить немало труда, чтобы создать уютный и любимый зрителями партер и небольшую сцену. Валерий Лысенко отмечает, как было сложно создавать театр. Базы никакой нет, консерватории нет, а отсутствие государственной поддержки вынудило к тому, что пришлось набрать на 1,5 миллиона рублей кредитов. Встал вопрос о создании профессионального театра, и в 1994 году состоялось открытие театральной студии, в 1997 году был объявлен первый набор талантливой молодёжи. В ГИТИСе (сейчас Российская академия театрального искусства) возник Калининградский курс музыкального факультета. Ещё в 1996 году начали делать в театре этюды, выросшие в спектакль «Город нашей юности», о первых переселенцах в Калининградскую область. Он вобрал в себя судьбы людей, у которых на земле Янтарного края случилась первая любовь, появились первые семьи и первые дети, первое преодоление трудностей. Позже «Город нашей юности» получил областную премию

«Признание». Этим спектаклем – полноценной драмой – был заложен фундамент сильной, хорошей театральной школы.

В афишах появились объявления о спектаклях для детей и серьёзных больших постановках по мотивам произведений русской и зарубежной классики. Художественным руководителем первого набора в ГИТИС стал педагог, режиссёр, Народный артист России, Лауреат Государственной премии, профессор Леонид Ефимович Хейфец. Театр благодаря заряжающей молодёжной энергии стал привлекать к себе всё большее внимание зрителей. Органичной частью музыкального театра стал симфонический оркестр под управлением Аркадия Фельдмана, Заслуженного деятеля искусств России, о котором Валерий Иванович говорит всегда с признательностью за поддержку идеи музыкального театра.

Выпускники студии составили основу труппы Калининградского областного музыкального театра, официальное образование которого относится к 21 декабря 2001 года при поддержке тогдашнего руководства области в лице Г.С. Янковской, А.А. Ермаковой. Сегодня Калининградский музыкальный театр – один из самых молодых в России, средний возраст актёров – 30 лет. Одарённые калининградцы получают высшее профессиональное образование и одновременно обретают мастерство благодаря сценической практике. Каждые четыре года происходит выпуск и пополнение труппы: 2001, 2005, 2007, 2011 годы. В театр приходит много молодёжи. «Мы этим гордимся, – говорит Валерий Иванович, – потому что молодёжь – это будущее нашего общества. Те, кто сегодня к нам приходит, – неординарные ребята. Они приезжают сюда из самых отдалённых уголков города и области. И это здорово! Зал на премьерных спектаклях полон. Уже на оперу билеты стали дефицитом, хотя это искусство особое, не каждый может его любить, а заставить любить невозможно».

Режиссёры

Анна Трифонова – педагог ГИТИСа, выпускница мастерской Леонида Ефимовича Хейфеца. Под её руководством калининградские студенты и выпускники ГИТИСа создали спектакли: «Гроза» (А.Н. Островский), вошедшая в золотой фонд театра, «Лисистрата» (Аристофан), «Жизнь прекрасна» (Н. Эрдман). Как поясняет Валерий Лысенко, «могли бы приглашать много режиссёров – разных, интересных, но я считаю, что наши актёры всё-таки должны в своём развитии исповедовать единый художественный язык, творить в русле школы, которой принадлежат актёры и режиссёр. Артисты друг друга понимают, и режиссёр понимает их: в одном стиле они работают. Получается театр-студия. Так вырос «Современник», стал тем корифеем, которого мы знаем и любим до сих пор. Они были одной школы, одной закваски. Вот этого принципа я придерживаюсь и так строю театр». Анна Трифонова поставила в Калининградском музыкальном театре, кроме вышеназванных, также пьесы: «Вишневый сад» (А.П. Чехов), «Женитьба Фигаро» (П. Бомарше), «Как я хотела стать знаменитой» (Е. Исаева), «Турандот» (К. Гоцци), «Хоакин Мурьета» (А. Рыбникова). Постановка «Вишневого сада» интересна тем, прежде всего, что она чрезвычайно близка, аутентична тексту пьесы А.П. Чехова. В своё время В.И. Немирович-Данченко и К.С. Станиславский, ставя пьесу на сцене МХАТА, всё же вносили свои правки в чеховский текст. Анна Трифонова отнеслась к «Вишневому саду», как к классике, как к шедевру, которым многое можно сказать людям сегодняшним, задающим вопросы о своём бытии.

Дмитрий Бертман

Уникальное творческое сотрудничество с постановочной командой Московского театра «Геликон-Опера» под руководством известного режиссёра Дмитрия Бертмана позволило Калининградскому театру поставить яркие музыкальные спектакли, в которых задействованы актёры двух театров. «Надо сказать слова благодарности, – подчёркивает Валерий Лысенко, – Дмитрию Бертману за то, что он нас не бросает, будучи востребованным во всём мире. Он так и говорит: «Я вас не брошу!» Ему это не нужно, он ставит постановки в крупнейших театрах, и в то же время он тратит время на нас. Это талантливый человек, который в 17 лет поставил оперу в

Большом театре. И он глубоко морален. Его актёры едут к нам в театр, как в свой театр. Без них мы бы не выжили».

В репертуаре театра оперы: «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова, «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Кармен» Ж. Бизе; оперетты: «Летучая мышь» И. Штрауса, «Принцесса цирка» И. Кальмана, оперно-джазовое шоу «Гершвин-гала» Дж. Гершвина, спектакль-концерт русских песен «Калинка-шоу».

«Дмитрий Бертман создавал наш Музыкальный театр вместе со мной, - рассказывает Валерий Лысенко. - Нам необходимо дать послушать калининградцам шикарный голос – тенор, бас, и из Москвы прилетают артисты «Геликон-Опера», как в «Евгении Онегине» или «Царской невесте». Как отметили критики из Санкт-Петербурга, «уровень Калининградского областного музыкального театра по-настоящему европейский». Вот так мы строим многофункциональный театр. Необычный спектакль – «Летучая мышь», по жанру «оперетта-бал с сюрпризами». Это целое шоу! Всё необычно! Мы избегаем банальности, «клубнички» – нам это неинтересно. Дмитрий Бертман - мастер высочайшего класса, талантливый человек. Калининграду повезло, что у нас есть Бертман. Одним из великих российских оперных режиссёров Борисом Покровским было дано Бертману определение «дворник» в том смысле, что в культуре появился человек, который очистит её от грязи. Очистит культуру от грязи. Этим всё сказано».

25 октября 2002 года признанный мэтр музыкального мира Дмитрий Бертман создал свою версию известного сюжета «Кармен» Проспера Мериме, перенеся действие в современность. Страстная любовь героев одновременно и безжалостная, эгоистичная, толкающая на самые низменные поступки, и - очищающая, верная, способная на самопожертвование. Поистине смертельное противоречие...

Через год на сцене музыкального театра состоялась премьера «Травиаты» Джузеппе Верди, великого итальянского композитора, вдохновлённого сюжетом одного из самых популярных литераторов своего времени Александра Дюма. Любовью человек может быть возвышен до небес, а может быть низвергнут в бездну. Вечная история о вечной любви, шекспировской страсти и искромётность игры - всё это удивительно сочетается в спектакле.

Премьера спектакля-оперы «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова состоялась 6 октября 2006 года. «Скучая вдовством, хотя и не целомудренным, Иван Грозный уже давно искал себе третьей супруги. Из всех городов свезли невест в Слободу, и знатных, и незнатных, числом более двух тысяч: каждую представляли ему особенно. Сперва он выбрал 24, а после 12. Затем долго сравнивал их в красоте, в приятностях, в уме; наконец, предпочёл всем Марфу Васильевну Собакину, дочь купца новгородского...» - писал Николай Карамзин о времени и людях, которые стали персонажами одной из лучших опер мирового репертуара – «Царской невесты». Титул «Царская невеста» не гарантирует избраннице счастья, не оберегает ни её любви, ни её жизни. Так убедительна игра актеров, так эмоционально захватывающи партии солистов в великолепной опере, что у зрителя идёт мороз по коже от ощущения реальности происходящего на сцене.

Самая знаменитая опера П.И. Чайковского «Евгений Онегин» стала новым этапом в режиссёрском творчестве Дмитрия Бертмана. Её премьера на сцене Музыкального театра состоялась 10 октября 2008 года. Все герои освобождены от стереотипных характеристик, прочно закреплённых на оперной сцене. История потеряла привычный глянец. Драма молодых пушкинских героев обрела в спектакле конкретность, предельную остроту, интимность и, вместе с тем, истинную глубину и масштабность. Хорошо знакомые бытовые подробности подняты на высоту метафоры, символа. Это волнующая драма человека, который не может любить...»

Все эти спектакли под руководством Д. Бертмана оформлены Заслуженными художниками России Татьяной Тулубьевой и Игорем Нежным, дирижёр-постановщик - Заслуженный артист России Денис Кирпанёв, концертмейстер - Инна Шварц, дирижёр - Валерий Кириянов, режиссёр – Юрий Устюгов, хореограф – Оксана Холева, хормейстер – Константин Белоногов, художник по свету - Александр Редкозубов.

Артисты: Елена Артамонова, Сергей Сельдяков, Ольга Литвинова, Мария Герасимова, Елена Альфер, Галина Кузнецова, Антон Арнтгольц, Светлана Кручинина, Надежда Данчева, Екатерина Феоктистова, Александр Дудницкий, Олег Синицин, Илья Рихтер.

Михаил Ляхов

Среди первых выпускников ГИТИСа (РАТИ) при Калининградском Музыкальном театре (2001) - Михаил Ляхов, который сразу же вошёл в труппу Калининградского музыкального театра.

Запомнили зрители его неподражаемую игру в ролях Хиггинса (Ф. Лоу, «Моя прекрасная леди»), Кудряша (А.Н.Островский, «Гроза»), графа Альмавивы (П. Бомарше, «Женитьба Фигаро»), графа Матвея Платова (А. Шевцов, «Левша»), Гаева (А.П. Чехов, «Вишневый сад»), Стримодора (Аристофан, «Лисистрата»), Босса (Ян Эрикссон, «Мужчины»), Наполеона (И. Губач, «Корсиканка»), Генриха VIII (Г. Горин, «Королевские игры»).

Михаил рассказывает: «Я был обычным человеком, но всегда очень хотел проявить себя в творчестве, поэтому поступил в ГИТИС. Природа человеческая сыграла положительную роль в получении актёрского образования в лучшей театральной лаборатории. Надо отдать должное Валерию Ивановичу Лысенко, сыгравшему огромную роль в моём человеческом и профессиональном становлении. Немногие выпускники остались в Музыкальном театре, многие ушли в Москву, верили в себя, чего-то добились. У меня тоже были приглашения, но я отказался, потому что я уже поверил Валерию Ивановичу. Меня тронула история создания своего театра, и я не захотел прыгать на подножку поезда, который и без меня будет успешно идти. Меня манило стремление состояться здесь. Страдания были очень сильные: не уйти ли, ещё не поздно, силы есть для этого». Но, поработав с «Геликон-Оперой» в Америке, в Германии, в других странах, Михаил Ляхов сделал свой выбор – остаться в Калининграде.

Шло время, и Михаил стал режиссёром-постановщиком спектаклей «Директор театра» (В.А. Моцарт), «Любовь...» (Л. Петрушевская), а также «Усатый анекдот» (Д. Рябов, Ю. Чепурнов), «Театр одного зрителя» (В. Жеребцов) (все – Калининградский драматический театр); «Медовый месяц с Афродитой» (Ю. Поляков), «Пока она умирала» (Н. Птушкина) (оба – Костромской драматический театр им. А.Н. Островского).

Получив актёрско-режиссёрское образование на курсе у Л. Хейфеца, М. Ляхов уже тогда сформировал и развивает до сих пор своё мышление для режиссёрской работы, для которой необходимы талант и деловая хватка, умение работать с актёрами, предполагая невозможность угодить каждому, а главное, исповедуя принцип: надо, чтобы спектакль получился. «Режиссура, - говорит Михаил, - увлекательнейший процесс, никогда не получается именно то, что ты хочешь. Хорошо, когда хоть 70 процентов задуманного реализовалось. Режиссёрский успех – это когда получается работать с актёрами. Это главное - если артист знает, что и как играет, затрачивается, подключая нервную систему и сердечную мышцу, самоотверженно работая».

Работа над спектаклем «Пока она умирала» в Костромском театре, куда Михаил был приглашён для постановки спектакля с участием в главной роли 86-летней Народной артистки (слишком авторитетной и амбициозной, чтобы справиться с ней местным режиссёрам), была сложна, но спектакль получился. Неожиданно удалось повернуть ситуацию так, что к нему прислушались; процесс работы над ролью стал таким, каким он и должен быть: трудным и захватывающим, с пониманием с обеих сторон, с взаимной благодарностью.

«Трудно всё, - продолжает свой рассказ режиссёр театра, - когда речь идёт о творчестве. Я остался здесь доказать, что я буду не хуже других. У меня семья, двое детей, история с ипотекой. Но моя жизнь практически вся в театре – это мой выбор. Знаю, о чём я хочу поставить спектакль, включив мой опыт, то, с чем я сам знаком, что пережил, а жизнь артиста и режиссёра, как у всех, сложна. Но мы движемся дальше; состоялся театр, развивается. Я могу себе позволить выбрать роль. Одну какую-то, чтобы тщательно её проработать, чтобы артисты видели мою планку, которую я задаю, например, Генрих VIII в «Королевских играх», Наполеон в «Корсиканке». Любая роль нуждается в наполнении той формой, которую предлагает режиссёр. В любой сцене, монологе я стараюсь найти что-то, что меня волнует в жизни. Если я играю, например, Гаева, который говорит о том, как сидел у окна и видел, как отец шёл из церкви, я представляю, как мой покойный отец мыл меня в ванне. Из подробностей складывается роль, спектакль, а при голом тексте, ничем не подкреплённом, безопорная игра сразу видна. И она бесперспективна – хоть в столичном, хоть в провинциальном театре. Всегда интересны зрителю коллективы, вкладывающие сердце в спектакль, понимающие, что они выходят радоваться или страдать, подключая нервную систему. Все процессы личных потерь и радостей - ими заполняешь роль. Как рождается замысел

спектакля? Меня этот вопрос самого волнует. Стоят в углу шпаги. Приобретены к спектаклю, над которым работаю. Что получится? Спрашиваю себя: «Ты же творческий человек, видимо, тебе могут приписать со стороны направление, в котором работал». Я не задумываюсь об этом. Я отстраняюсь и углубляюсь. Что я задам? А с чего начать? С эпохи. Античность, средневековье... Надо себя проверить в бою. Решил – Возрождение. А это Шекспир, его сонеты, и присоединяем к ним всё, что связано с эпохой Возрождения. Микеланджело, Рафаэль... Берём музыку, лютни мало, надо использовать барокко, и работаем в стилистике Возрождения. Делаем образы королей и королев, всё, что связано с этой эпохой, берём детей, они же девочки, они же королевы, вечно рождающиеся дети, сонеты, подтексты. Будет ли интересно - это вопрос. Читаешь что-то, и вот тебя «торкнуло», кажется актуальным. И когда я это понял, теперь надо расшифровать артистам, поставить сверхзадачу. Трактовка, наполнение современностью, но не до такой степени, чтобы возникла вульгарность, угода дурному вкусу. Актёры, они же делают своё дело с верой. Успешный театр – это «секта» в хорошем смысле этого слова, со своими взглядами и мировоззрением».

Премьера музыкального спектакля «Директор театра» В.А. Моцарта состоялась 26 ноября 2010 года, и до сих пор он идёт в Музыкальном театре. Постановка его – несомненная удача Михаила Ляхова. Это зингшпиль - буквально с немецкого языка – «игра с пением» - музыкально-драматический жанр, распространённый в Германии и Австрии во второй половине XVIII - начале XIX века; пьеса с музыкальными номерами или опера с разговорными диалогами вместо речитативов. Зингшпили впитали традиции итальянской, французской, английской комической оперы. «Это «пьеса на случай», - рассказывает Михаил, - комическая опера, сочинённая по желанию австрийского императора Иосифа II. Такое явление, как театр, по сути, ничем не отличается от любого учреждения или фирмы в жизни. И там, и в театре всё строится по принципу подчинённости... А вот успех любого театрального коллектива в полной мере зависит от того, как воплощается эта «подчинённость». Если руководитель, как дорогую коллекцию, собирает труппу театра, если ценит каждого работника, а работник театра, ощущая к себе такое отношение, готов беззаветно служить профессии - такому театру успех обеспечен. Ради существования таких театров мне и хотелось поставить этот спектакль. Может быть, мы увидим себя здесь, как в зеркале. Пусть и в жанре зингшпиля...»

Михаилу удаётся пленять публику своими работами, сделать постановку интересной гораздо более широкому кругу зрителей, чем просто ценителям жанра. Он не побоялся выдвинуть свою версию «Директора театра», отличающуюся от постановки Д. Бертмана, соединившей «Директора театра» с «Маленькими трагедиями» Пушкина, или от постановки Б. Покровского, где пьеса – это музыкальный анекдот. Его идея – служение театру, искусству, и во имя этой высокой миссии снимается противостояние и соперничество двух певиц-сопрано (Елена Артамонова в роли мадам Пфайль и Галина Кузнецова в роли мадемуазель Зильберкланг), каждая из которых вначале намерена занять место примы, но в итоге ради театра они снимают свои амбиции и моют полы. Они бесподобно поют свои арии, и живой оркестр – симфонический оркестр под управлением Аркадия Фельдмана - украшение этой постановки.

На вопрос, чем отличаются драматические и музыкальные спектакли, Михаил отвечает: «Наличием музыки, она звучит... Но надо услышать композитора. Сейчас мало этому придают значения, но образование обязывает к тому, что драматическую партитуру надо услышать в музыке, там всё записано. Информация, которую надо прочитать, она часто зашифрована, но дело режиссёра – дополнить её игрой артистов, напомнить о чём-то, а не изобразить. Что зритель должен унести с собой? Должно быть послание зрителю или сверхзадача спектакля, если говорить на театральном языке. Послание должно быть ради чего-то или того, о чём мы хотим сказать. Мы говорим о добре, о любви, о существовании Бога и о нашем отношении к нему. Нам важно знать, к чему приведёт спектакль зрителя. Из тёмного - привести к свету. Надо это сказать, чтобы зрителю стало светлее на душе. Спектакль «Директор театра» состоялся. Счастье героев - просто попасть на сцену, работать не за зарплату. Готовы шпаги глотать. Это сверхзадача любого коллектива – делать своё дело хорошо. Пафос убираем – и моем полы. И тогда есть надежда, что что-то произойдёт со зрителем. К вопросу о послании – понимать, убивающее оно или созидающее».

В 1786 году для праздника, организованного в Вене кайзером Иосифом II в честь генерал-губернатора Нидерландов, Моцарт создал «Директора театра» на либретто Г. Штефани, вступив в состязание с А. Сальери, написавшим оперу «Сначала музыка, потом слово» на либретто Дж. Б. Касти. В этом «состязании» победил Сальери. И снова мы вспоминаем современность, когда «наказывают невиновных, награждают непричастных». Моцарт проиграл. Как может Моцарт проиграть?! М. Ляхов отмечает, что «придворные всегда, как раньше, так и теперь, оценивают не талант, а умение прогнуться перед нужными людьми. Бездарность тиранит талант, кто у власти, тот и решает, чтобы талантливая «тварь» не подкралась и не пошатнула кресло, поэтому её надо бить, не подпускать. Это было всегда...»

Артисты и солисты

Елена Артамонова – ведущая солистка Калининградского музыкального театра. Родилась в Калининграде. В 2000 году окончила Калининградский областной музыкальный колледж, в 2008 - Государственную Академию музыки имени Гнесиных в Москве. В 2006 году Елена Артамонова стала Лауреатом международного вокального конкурса в Литве.

Её роли: Микаэла, невеста Хозе (Ж. Бизе, «Кармен»), Виолетта (Дж. Верди, «Травиата»), Адель (И. Штраус, «Летучая мышь»), Марфа (Н.А. Римский-Корсаков, «Царская невеста»), Теодора Вердые (И. Кальман, «Принцесса цирка»), Илона (Ф. Легар, «Цыганская любовь»), мадам Герц (А.В. Моцарт, «Директор театра»).

Солистки Елена Артамонова и Светлана Кручинина принимали участие в культурной программе Зимних олимпийских игр в Сочи.

«Театр – это многофункциональное сообщество, - рассказывает Елена Артамонова, - со многими слагаемыми. А музыкальный театр – это наиболее сложный живой организм. Кроме того, что происходит на сцене, есть ещё оркестр, концертмейстеры, костюмы, декорации, режиссёр. Надо помнить не только о том, что тебе петь, но и что при этом делать. Пение и игру совместить очень сложно. Почему, например, Анна Нетребко «выстрелила» так здорово, так ярко? Она не только певица, но и актриса, что и выделяет её в опере. В современном театре очень важен целый комплекс умений. Каждый выход на сцену – это проверка того, что ты можешь, что ты умеешь, что получилось, где-то это преодоление себя. Когда я определялась с профессией, я не думала о том, что буду петь в опере, этого совершенно не было в кругу моих интересов. Путь в оперу был долгим, растянувшимся почти на десять лет. Первым шагом на этом пути было впечатление от выступления на Олимпиаде в Барселоне Фредди Меркури и Монтсеррат Кабалье. Тембр Кабалье, мягкость и сила голоса меня поразили. Выходит крупная женщина и издаёт какие-то совершенно необыкновенные, небесные звуки. Это здорово! Решила: «Я тоже так хочу!» Монтсеррат Кабалье для меня до сих пор эталон того, как должно звучать сопрано. Когда я пошла учиться в музыкальный колледж, мне повезло, потому что я попала в руки педагога Александры Николаевны Голубевой, которая научила меня очень важной вещи: «Думай, о чём ты поёшь!» Работая в Калининградской областной капелле, участвовала в фестивалях, хоровых олимпиадах, много выезжали за границу. И тут открывается Музыкальный театр, в спектаклях которого участвовала и хоровая капелла. А после рождения дочери, когда я пришла в театр, мне дали ноты партии Адель и сказали, что надо учить. Приехал дирижёр, послушал, и я вышла на сцену. Как я пела, что пела, я с трудом осознавала, настолько это было волнительно. До этого у меня был лишь опыт работы с оркестром в «Свадьбе в Малиновке», что было важным на тот момент, ибо там меня заметили как певицу. Из калининградских исполнителей в период становления Музыкального театра я была первой, а остальные певцы были москвичами. И они нам задавали определённую профессиональную планку. Ниже этого нельзя было спускаться, иначе всё бы носило местечковый характер, а теперь нас называют театром европейского уровня. Когда мне доверили партию Травиаты, я понимала, что мне надо делать, а опыта существования на сцене не хватало, ремеслом надо было овладевать. И я поехала в Академию музыки имени Гнесиных учиться. Помню, как не давался спектакль «Гершвин-гала». Приехал Бертман, половину спектакля послушал, а потом на полтора часа собрал нас и прочёл лекцию о Гершвине, которую мы слушали, открыв рты, о его музыке, о стиле, и спектакль сложился, мне было у кого и чему учиться».

Когда Калининградский музыкальный театр приехал в Ольштын с оперой «Кармен» на фестиваль театральных встреч, Елена пела свою партию Микаэлы, которая, по задумке Бергмана, убивает Кармен. Зал взорвался овациями, встал, и долго не стихали аплодисменты. Это было трогательно и приятно всему коллективу.

«У нас идёт «Царская невеста», - продолжает Елена. - По этой пьесе я писала дипломную работу. Каждая роль требует труда. Я не рассматриваю партию Марфы, как некую вокальную сложность, у меня шире подход, я стараюсь найти материал, который это произведение окружает: какой-то литературный, исторический источник. Когда всё вместе собираешь, всё осмысленнее и глубже понимаешь логику персонажей. «Даму с камелиями» всегда перечитываю перед «Травиатой». Очень важно донести зрителю идею автора. «Царскую невесту» Римский-Корсаков писал для своей любимой певицы Надежды Забелы-Врубель, можно сказать, что в соавторстве с ней. Художник Михаил Врубель – автор декораций к спектаклю. Я много работала над этим материалом. Шалапин, например, умолял композитора переписать партию Грязного для себя, для баса, но Римский-Корсаков не смог этого сделать, принципиально считал, что партию Грязного должен исполнять баритон. Главное для меня в театре - поиск, какая-то неугомонность. Много раз видела, слышала, потом открываешь ноты, и, оказывается, можно всё время заново открывать какую-то мысль, несмотря на успех вчера, а сегодня опять нужно доказать, что ты можешь подать глубже. Был такой случай на «Царской невесте» в первый год её постановки на сцене. На Бассейной было хорошо видно зрителей со сцены. У моей Марфы есть ария, где она сходит с ума, поёт о любви, а любимого уже в живых нет - такое душевное потрясение, колоссальное напряжение! И я вдруг увидела во втором ряду, что две молодых девушки плачут, может быть, они впервые пришли в театр. Не ожидала, что опера так действует на современного зрителя. Человек получает эмоциональный удар, а испытал его, он захочет снова прийти к нам.

Сегодня такое время, когда общий уровень культуры упал. Современный зритель, усреднённый вариант, с трудом воспринимает серьёзное искусство. Оно требует умственных затрат, зритель привык смотреть, а в опере слушают. Когда человек решил пойти в оперу, то главное для артиста – суметь подать свою роль так, чтобы человек в душе загорелся, понял все слагаемые спектакля: и музыку, и актёрское мастерство, ведь ничего сильнее по эмоциональному воздействию нет, чем опера. И тогда зритель решится довериться самому себе, иногда он думает, что не поймёт, а когда приходит, говорит: «Как здорово!» Всё-таки понимает. Современный спектакль ушёл от штампов, он развивается. Молодые, красивые актёры-солисты неплохо поют. Был случай, когда молоденькие девочки спросили у меня: «Где у Вас микрофон?» Массовая культура делает своё дело, люди не знают и не понимают, что можно петь вживую.

На Олимпиаде в Сочи мы не смогли посмотреть соревнования, у нас были концерты. Со всей России приехало две с половиной тысячи коллективов. И радостно отметить, что во время репетиций, когда мы только начали издавать первые звуки, нам стали говорить: «Наконец-то будет нормальный концерт, как мы устали от попсы». Есть всё-таки в людях потребность, пусть и неосознанная, к красоте; душа стремится к чему-то более глубокому. Иначе у нас в театре не было бы столько молодёжи. Есть среди них очень образованные люди.

Я счастливый человек, потому что занимаюсь любимым делом, и ещё за это деньги платят. Мало кто в наше время может себе позволить заниматься тем, что любишь».

Галина Кузнецова - артистка, солистка. В 2005 году окончила РАТИ (ГИТИС) при Калининградском музыкальном театре и вошла в труппу Калининградского музыкального театра.

Её роли: Варя, приёмная дочь Раневской (А.П. Чехов, «Вишневый сад»), Фраскита (Ж. Бизе, «Кармен»), Росита (А. Рыбников, «Хоакин Мурьета»), Адель (И. Штраус, «Летучая мышь»), Аннина, служанка Виолетты (Дж. Верди, «Травиата»), Лиза Дулина (Ф. Лоу, «Моя прекрасная леди»), Полли Пичем (Б. Брехт, К. Вайль, «Трёхгрошовая опера»), Клеопатра Максимовна, Раиса Филипповна, Зинка (Н. Эрдман, «Жизнь прекрасна!»), Мари (И. Кальман, «Принцесса цирка»), мадам Герц (В.А. Моцарт, «Директор театра») и многие другие.

Для Галины Кузнецовой артистическая карьера началась с большой роли: ещё на втором курсе ей предложили главную партию в зонге «Трёхгрошовая опера» Б. Брехта. Дать согласие было огромной ответственностью, ведь так сложились обстоятельства, что не было даже дубля, а

нужно было скрыть свою незрелость в силу возраста, но она справилась, хотя сейчас признаётся, что многое сделала бы по-другому. Были разные роли: и танцевальные, и вокальные, и совсем небольшие. Когда ставилась «Моя прекрасная леди», Д. Бертман взял двух человек – Галину Кузнецову и Елену Альфер. Обе по очереди играли, менялись, пели с оркестром. «Был период, когда мне больше интересны были драматические роли, а сейчас всё больше притягивают музыкальные жанры, - говорит Галина. - Главные партии у меня – в «Муже за дверью» Ж. Оффенбаха и «Званом ужине с итальянцами», сейчас ещё Росита в «Хоакине Мурьете». И Бертман, и Ляхов, как режиссёры, дают артисту много свободы, они достаточно демократичны, им можно предлагать свои задумки, от того, что входит в контекст их замыслов, они не отказываются, идут навстречу. Нового сейчас очень много: готовим «Человека из Ламанчи» Митча Ли, рок-оперу «Любить Нерона» в постановке Елены Сафоновой. Немного ностальгируем по старому Театру на Бассейной, где каждая трещинка – родная. Это был по-настоящему родной дом, сейчас немного потерялись в большом здании, обживаемся. Я люблю театр, своих коллег. Музыка – это такая подпитка, она так много даёт артисту, в хорошей партитуре так много прописано, там есть всё, вся линия роли, заложен код и энергия, и если внимательно прислушаться, то всё раскрывается – бери и делай. Ездил в Международную летнюю театральную школу. И у меня был такой момент, когда я вернулась: я поняла, что есть взаимопроникновение театров, драматические театры что-то берут у музыкальных, а музыкальные – у драматических. Сейчас такая театральная история, когда мы все синтезируемся, используем методы и приёмы театров разных жанров. Иногда это просто уместно, а порой - это замечательно. Иногда и в драматической роли я прописывала для себя какую-то партитуру, и мне это помогало, выводя на другой уровень. Есть ещё планы и перспективы, просто надо почувствовать музыку и донести её до слушателя. В «Царской невесте», например, прописаны настолько тонкие движения души, что тебе ничего не надо, ибо в музыке столько всего, музыка сама ведёт, что и усложняет, и упрощает твою задачу. Всё зависит от режиссёра: как он её почувствовал. Хорошо, если он не исковеркал замысел автора, как сейчас происходит во многих театрах, когда смещают акценты в угоду моде, а это уводит от самого композитора. Можно, конечно, интерпретировать, но до какой-то определённой грани. У нас, в нашем театре, нет такого «притягивания за уши», что и ценят зрители. Раньше я думала, что в каждом спектакле есть своя история, и её надо нести. Сейчас я понимаю, что в любом спектакле есть страх и есть любовь, которые правят человеком. Что победит? Послание любого артиста – любовью победить страх. Иногда герой справляется с этим, иногда – нет, но твоя задача – победить любовью страх. Страх – это ограничение, а любовь – свобода и истина. Любой персонаж, даже самый злобный, выходит на свет, а пока ему что-то мешает увидеть истину, понять правду. Самый хороший показатель того, что спектакль состоялся, это ответить на вопрос, изменилось ли что-то во мне и в людях, пришедших на него. Каждый спектакль – это ступенька для нас, ответ на вопрос, продвинулся ли ты вперёд».

Художественный руководитель театра Валерий Лысенко.

Валерий Иванович отмечает, что опера - это серьёзное искусство, и к нему нужно быть подготовленным. Но ведь когда-то и в Калининграде надо было с чего-то начинать. Артист театра – это ежедневный труд, репетиции. Это непросто, поэтому мы заботимся о молодых артистах. Люди творческие очень ранимы. Их нужно поддерживать в трудные моменты. Так и делаем. На сцене должна быть красота, должны быть красивые люди. Пусть даже в мастерстве они немножечко уступают, но зато они очень сильны по энергетике, которая необходима людям в зале, чтобы получить её и уйти заряженными – вот что важно. Эмоции, впечатления, хорошее настроение, особенная энергетика. Если область хочет иметь будущее, а будущее – это молодёжь, то нужно поддерживать наше молодое поколение, его стремление к культуре. Актёр играет спектакль, и больше не нужно ничего. Ему дано Богом мастерство и владение залом. Я строю свой театр, занимаюсь наставничеством. Театр – мой дом. Ребята меня так заряжают, каждый день какие-то события, что-то ломаешь, что-то строишь, это всё жизнь. Она и должна быть такой. Всё в движении. Театр - это постоянные события».

Уникальность театра – национальное достояние

Своеобразие и неповторимость Музыкального театра состоит прежде всего в уникальности самого процесса его рождения, его пути от маленького театра на улице Бассейной до настоящего большого театра с переездом в здание бывшего Дома культуры рыбаков на проспекте Мира, от частного театра к государственному областному учреждению, многофункциональному, разнообразному, дающему и детские спектакли, и музыкальные сказки, и весёлые новогодние представления, и оперы, и оперетты, и шоу, и мюзиклы, и комедии, и драматические спектакли.

Неповторимый опыт в том, что это театр одной школы - ГИТИСа (сегодня – РАТИ), общий художественный язык актёров и режиссёров-постановщиков, открывающий интересные грани возможностей и результатов.

Это осуществление совместного проекта двух театров: Калининградского областного музыкального и московского театра «Геликон-опера» по договорённости двух художественных руководителей в создании таких спектаклей, как «Летучая мышь» И. Штрауса, «Кармен» Ж. Бизе, «Травиата» Дж. Верди, «Моя прекрасная леди» Ф. Лоу, «Гершвин-гала» по Дж. Гершвину, «Царская невеста» Н. Римского-Корсакова, «Цыганская любовь» Ф. Легара, «Евгений Онегин» П.И. Чайковского, «Принцесса цирка» И. Кальмана.

И всё же самая главная уникальная особенность музыкального театра – это трепетная, всепоглощающая, искренняя любовь зрителей, даже искушённых столичными и европейскими театрами. Зрители внимательно следят за репертуаром, по несколько раз ходят на полюбившийся спектакль. Для многих калининградцев сегодняшние взрослые актёры совсем недавно, кажется, с детской робостью вступавшие на сцену, но теперь ставшие отцами, выросшие на глазах, сохранившие верность своему театру, движимые любовью к театру, сделали его одним из самых популярных мест, как у молодёжи, так и у людей любого возраста.

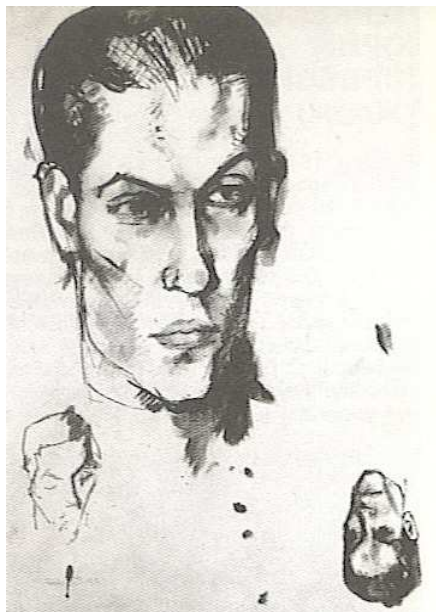
И дело не в том, что калининградцы просто любят своих прекрасных молодых актёров и солистов, заранее проявляя великодушие и снисходительность. Зрительный зал театра – это всегда срез настроения города, его желаний, его интересов, в котором возникает взаимообогащение театра и жителей города, области. Щедрые аплодисменты зрителей говорят о благодарности за наполненность сердец, о том, что послание любви и добра принято. Зрители многих городов и стран приветствовали долгими и горячими аплодисментами спектакли Музыкального театра, участвовавшего в разных международных встречах и фестивалях России, Польши, Литвы. А концерт коллектива театра, посвящённый 65-летию Победы, показанный в Клайпед, произвёл ошеломляющее впечатление на соотечественников и граждан Литвы. Интересным было участие в «Балтийских сезонах» в номинации «Будущее театра» с премьерой рок-оперы «Хоаким Мурьета» А. Рыбникова, поездка на фестивали в Республику Польша: участие в постановке оперы «Набукко» в Бытоме (Силезия), выступление в Буско-Здруе со спектаклем «Евгений Онегин», участие в XVI Международном музыкальном фестивале имени Кристины Ямроз. С яркими впечатлениями часть труппы Музыкального театра вернулась из поездки в Ольштын, где выступила в рамках двустороннего проекта по приглашению главного дирижёра и художественного руководителя филармонии Петра Сулковского. Трижды прозвучала «Травиата» в постановке Музыкального театра в Ольштыне, где зал рукоплескал стоя. Благодаря своей многогранности, профессионализму и таланту в 2010 году Калининградский музыкальный театр был признан Международной академией культуры и искусства «Национальным достоянием России». О том, что театр живёт, творит, пользуется успехом и уважением публики и театрального сообщества, свидетельствуют многочисленные награды: Почётная грамота Министерства культуры РФ, Благодарственное письмо от руководства Варминьско-Мазурского воеводства за сотрудничество и многие другие. Художественный руководитель театра В.И. Лысенко стал Лауреатом первой Международной премии в области культуры и искусства «Вива, Маэстро!», получил звание члена-корреспондента Международной академии культуры и искусства, а театр награждён «За вклад в сохранение богатейшего духовного, культурного, эстетического наследия многонациональной России».

Русский мир без границ

Н. Лобанов-Ростовский

СЕРЖ ЛИФАРЬ

Интервью О. Карнович с кн. Н. Лобановым-Ростовским

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – человек удивительной судьбы, перипетии которой достойны кинематографического воплощения. В детские годы ему пришлось пережить все тяготы эмиграции его семьи: тюрьма, расстрел отца, сиротство. Но вопреки всему, и даже титулу, всего в жизни он добился сам, тем самым оправдав английское выражение «self-made man». Геолог, банкир, общественный деятель, искусствовед, коллекционер, интеллигент – это всё Никита Дмитриевич. Значение коллекции русской театральной живописи, собранной совместно с первой супругой Ниной, трудно переоценить. Им удалось спасти целый пласт русской культуры, который мог бы быть утерян безвозвратно. Попав под обаяние его многосторонней личности, мне захотелось его расспросить о представителях балетного искусства, с которыми он дружил и встречался в процессе главного увлечения своей жизни – коллекционирования.

Павел Челищев. Портрет С. Лифаря в «Оде», 1928, из коллекции Лобановых-Ростовских.

Оксана Карнович: Никита Дмитриевич, Ваше увлечение русской театрально-декорационной живописью начала XX века сформировалось в годы учёбы в Оксфорде, который Вы закончили в 1958 году. В этом же году Серж Лифарь покинул пост директора Парижской Оперы. Случалось ли Вам встречаться с Лифарем, который был танцовщиком дягилевской антрепризы, близким другом Сергея Павловича Дягилева, а также обладателем части собрания своего наставника?

Никита Лобанов-Ростовский: Я встречался с Лифарем независимо от его деятельности на сцене. Мой дед Василий Васильевич Вырубов, бывший товарищ министра внутренних дел у князя Г.Е. Львова (главы Временного правительства), был выдающейся фигурой в Париже. Он являлся председателем Земгора – Земского городского комитета, организации, которая занималась помощью русской эмиграции, подобно той благотворительной деятельности, которую она выполняла в России под руководством князя Львова. Лифарь часто бывал на квартире у моего деда. Он дружил с матерью моей первой жены Нины, которая родилась в Харькове и стала супругой французского посла в ООН. Серж возвращался в круг выдающейся русской интеллигенции Парижа. Первый раз я навестил Лифаря у него на даче Villale Loret в Parc de Provence, около Канн. Позже он присутствовал и на нашей свадьбе в русской церкви на rue Dagu в Париже. Лифарь – уникальная личность: родился в Киеве, утвердился во Франции и стал известен на всех континентах. Это не каждому удаётся. Он был изумительным танцовщиком. Какую бы партию он ни исполнял – всё являло гармонию. Лишь появившись на сцене, Лифарь, как и Нуриев, уже сам по себе казался произведением искусства. Малейшее его движение, одухотворённое колоссальной внутренней силой, любой жест, наполненный смыслом, был поразителен и прекрасен. Но помимо

Серж Лифарь и кн. Н.Д. Лобанов-Ростовский, 1980 г.

этого, Лифарь был также общественным деятелем, писателем, коллекционером и просто обаятельным человеком. Когда он находился в комнате, то вы ощущали мощную энергетику, сравнимую разве что с энергетикой Рудольфа Нуриева. Лифаря нельзя было не заметить. Кроме того, он слыл очень хорошим рассказчиком и оратором.

Вот пример. Франция решила назвать площадь с левой стороны Парижской Оперы – La Place Diaghilev (площадь Дягилева). В день открытия 7 мая 1965 года моросил дождь. Организаторы построили маленькую

трибуну, похожую на амвон в церкви. Присутствовало несколько композиторов французской импрессионистской «могучей кучки» и горстка балетоманов. Лифарь поднялся на трибуну и произнёс изумительную речь – прочувствованную, с пафосом. Было очевидно, что если бы он стал политиком, его легко могли бы выбрать либо в парламент, либо в сенат. Я рассказываю об этом, чтобы подтвердить многогранность его характера. Его достоинства как танцовщика и хореографа Вы, наверное, лучше знаете, чем я. Несомненно, он также был хорошим администратором, иначе не удержался бы на посту директора Парижской Оперы, в которой атмосфера была хуже, чем та, что царит в Большом театре последние три года. Но многогранность, я думаю, была и сексуальная. Факт, описанный в книге Лифаря «Дягилев и с Дягилевым», что он играл на «флейте» Дягилева, говорит о том, что у Сержа не было ограничений; поскольку последние почти 30 лет он жил с графиней Лиллан Алефельд-Лаурвиг (Lilland Ahlefeldt-Laurvig). Когда они у нас бывали, то всегда сидели рядом. Я видел, как нежно Лифарь к ней относился, часто поглаживая её руку при наших беседах. Так что, по крайней мере, эмоционально он мог сильно сблизиться и с мужчиной, и с женщиной.

О.К.: В 1929 году, после смерти С.П. Дягилева, Серж Лифарь получил назначение и руководил театром с небольшим перерывом, по сути, тридцать лет! Он вернул былую славу французскому балету, коренным образом изменив стиль исполнения в Парижской Опере, воспитал целую плеяду балетных étoiles, создал новый репертуар из числа собственных балетов и балетов классического наследия. Как, по Вашему мнению, ему это удалось?

Н.Л.Р.: Чтобы уцелеть во главе такого театра, иностранцу нужно было иметь исключительные качества лидера, авторитета и специалиста! Это редкий дар. Будучи профессионалом, увлечённым и талантливым, перед которым ни администрация, ни аудитория не могли устоять, благодаря своей природной силе воздействия на людей Лифарь воскресил балет в театре Palais Garnier из полного упадка до его величия. Честь и слава этому великому киевлянину, который, по-моему, на Украине недостаточно отмечен, несмотря на то, что в Донецке проходит международный конкурс артистов балета им. С. Лифаря. Но этого мало. В Киеве нет музея Лифаря, только в одной библиотеке есть две комнаты с его вещами. Я кое-что туда подарил. Мне обидно за Лифаря. Он сделал так много для французского балета и для мировой культуры в целом!

О.К.: Довелось ли Вам видеть Лифаря на сцене?

Н.Л.Р.: Да, конечно! До известной степени он напоминал Вахтанга Чабукиани красотой и динамизмом исполнения. Я часто, как Вы знаете, бывал в доме Александра Бенуа. Анна Александровна, его дочь, мне рассказывала, что Лифарь иногда к ним приходил заимствовать эскизы костюмов и декораций, когда он восстанавливал балеты. И Анна Александровна очень чётко мне сказала, что некоторые эскизы он не возвращал. Сам будучи коллекционером, я понимаю этот соблазн, учитывая огромное количество работ, имеющихся в доме Бенуа. Всё-таки Александр Бенуа умер в возрасте 90 лет (1870-1960). «Петрушку» он дорисовывал 14 раз. У него

скопилась масса эскизов! Михаил Ларионов, художник-авангардист, чьи картины скупались коллекционерами, тоже порой не возвращал работы, заимствованные у Иссара Сауловича Гурвича, одного из двух крупнейших торговцев русской живописью в Париже. Да и после кончины Дягилева Лифарю и Борису Кохно удалось «украсть» часть его коллекции.

О.К.: *Почему украсть?*

Н.Л-Р.: Я говорю – с точки зрения закона. После смерти Дягилева они уносили книги и архив из опечатанной квартиры. Задний, чёрный ход, не был опечатан. Но я очень рад, что они это сделали, потому что многое попало в надёжные руки. Позже Борис Кохно и Лифарь пополнили свои собрания эскизами и партитурами. Коллекцию Кохно купил мексиканский миллионер Дон Карлос де Бестеги (друзья его звали Чарли). Мы с ним знакомы и бывали у них в замке Château de Groussay под Парижем. Он подарил это собрание французской Национальной библиотеке в 1979 году.

О.К.: *Встречались ли Вы с Борисом Кохно?*

Н.Л-Р.: Да, с Борисом Кохно я встречался, но без удовольствия. Кохно был корректным человеком. Но я бы не назвал его обаятельным, по крайней мере, со мной. Он купил особняк в отремонтированном старинном доме, построенном когда-то местным купцом. Дом находился в бедном квартале Парижа, который вполне отождествлялся со своим именем – Le Marais, что значит «болото». У него служили два молодых лакея. К нему я зашёл в поисках работ Павла Челищева. Он хорошо принял. Но у меня не осталось от встречи впечатления радушия. С ним я разговаривал по-французски, а не по-русски, хотя он знал, кто я и каковы мои корни. Я был ему неинтересен – молодой парень, собирающий какую-то театральную живопись. Может, это было и соперничество. Жаль.

О.К.: *Как отличались собрание Кохно и собрание Лифаря?*

Н.Л-Р.: У Кохно было много работ известных западных художников, сотрудничавших с антрепризой Дягилева, – знаменитые имена: Пикассо, Матисс и многие другие. Работы были небольших размеров, с кредитную карточку, но обрамлённые в большие рамы, потому представительные, – почему Чарли Бестеги и купил это собрание. Это было продаваемое собрание, однако композиционно оно, конечно, заслуживало оценки семь по десятибалльной шкале, в то время как собрание Лифаря в совокупности оценивалось на десять.

О.К.: *При жизни Лифарь продавал свою коллекцию, куда входила часть дягилевского архива, четыре раза, и каждый раз она именовалась «Собрание Лифаря». Каким образом ему удавалось это делать?*

Н.Л-Р.: Лифарь был собственником ценнейшего собрания работ знаменитых художников, посвятивших себя театру. Однако жизненные обстоятельства складывались так, что он был вынужден несколько раз выставлять на продажу свои сокровища. Это вызывало пристальное внимание общественности и прессы, которая всякий раз писала о том, что продаётся коллекция Лифаря. А объяснение тому очень простое: он собирал и покупал после каждой продажи и, стало быть, имел возможность затем продавать собрание заново.

Впервые это случилось в 1933 году в США, где на продажу выставлялось собрание эскизов для Русского балета, заказанных С. Дягилевым. Лифарь приехал в Америку с небольшой труппой, но гастроли не имели успеха, и он обанкротился. Чтобы расплатиться с долгами и купить обратные билеты, он продал 173 работы из своего собрания за 10 тыс. долларов. Приобрёл эти работы старейший музей США – The Wadsworth Atheneum of Art в городе Хартфорд (штат Коннектикут). Я видел все работы с его первой продажи. Собрание Wadsworth Atheneum знаю давно, и с музеем у меня старые добрые отношения. У них были кое-какие пробелы, и я подарил музею большие работы Фёдора Федоровского к опере Модеста Мусоргского «Хованщина» для антрепризы Дягилева, а также работы Льва Бакста.

О.К.: *Они и по сей день находятся в Wadsworth Atheneum?*

Н.Л-Р.: Да. В 1996 году в Лондоне на улице я встретил графа Александра Шувалова, бывшего директора Театрального музея в Лондоне (теперь он в отставке). Wadsworth Atheneum заказал ему сделать каталог-резюме (catalogue raisonné) полного собрания Лифаря. Видимо, первый каталог был распродан, и музей решил издать книгу-каталог. Тогда я ему сказал: «Александр, я рад, что Вы этим занимаетесь, и надеюсь, что включите все работы Федоровского и Бакста,

которые я им подарил». Он ответил: «Никита, я просмотрел всё собрание, но этих работ я там не видел». Я попросил его вновь всё пересмотреть, потому что у меня сохранились письма из музея, подтверждающие мои дары. И он их «откопал». Таким образом они вошли в его книгу¹. Это показывает, как музеи относятся к дарам.

О.К.: *Но вернёмся к продаже коллекции Лифаря. Что случилось после первой продажи в 1933 году?*

Н.Л-Р.: Спустя сорок лет, в 1974 году, я присутствовал на аукционе в Париже, где опять продавалась часть коллекции Лифаря, в отеле «George V». Тогда аукционный дом «Адер, Пикар, Таджан» продал известную литографию Льва Бакста к балету «Пери» за 20 тыс. долларов. На аукционе было выручено 512 тыс. долларов. Через пять лет, в июне 1979 года, я получил из Вашингтона предложение купить ещё одну коллекцию Лифаря. К письму был приложен листок, озаглавленный: «Список произведений, имеющих отношение к С. П. Дягилеву и компании Русского балета. Из собрания Л. Алефельд– С. Лифаря». Я не мог дать определённого ответа, не видя оригиналов. А потому предложил Лифарю встретиться в Париже и пригласить на встречу эксперта из Sotheby's Джулиана Баррана. В установленный день мы с Барраном отправились на квартиру Лифаря на 89 Quaid'Orsay, где нас приняли он и Лиллан. Около двух часов мы рассматривали оригиналы костюмов и декораций, в результате чего Барран оценил их в 370 тыс. долларов. Цена не удовлетворила Лифаря. Он предполагал продать коллекцию целиком, за 1,2 миллиона долларов, что не устроило меня, поскольку главной составляющей коллекции были книги. Кроме того, в коллекции были работы, меня лично не интересовавшие. Тем не менее, чтобы показать, что наша встреча хоть и не дала результата, однако не оставила дурного осадка, Сергей Лифарь подарил мне литографию Пабло Пикассо со своей дарственной надписью на обороте.

А в ноябре 1979 года мне позвонил из Монте-Карло президент компании «Сосьете де бен де мер» (SBM) г-н Комбемаль и сообщил, что принцесса Грейс (жена князя Ренье) хотела бы основать «Музей костюма и танца», куда могло бы войти и собрание Сергея Лифаря. Однако князь Ренье не высказал желания купить его, и потому был создан комитет по сбору денег, который собирался обратиться за пожертвованиями. Президент SBM предложил мне войти в состав этого комитета. Я согласился. Первое заседание состоялось в Монте-Карло. Вскоре после этой встречи Бернар Комбемаль отправил письмо Лифарю, где предложил открыть аккредитив на 300 тыс. долларов и попросил подождать ещё год и не продавать коллекцию до июня 1981 года – для того, чтобы дать нашему комитету возможность собрать недостающие 700 тыс. (Лифарь хотел 1 миллион долларов за всё). Но Лифарь отклонил предложение, так как не хотел ждать. Когда Лифарю исполнилось 80 лет, в мае 1984 года, в Лондоне состоялся аукцион «Балетные материалы и рукописи из собрания Сергея Лифаря». И из 228 выставленных лотов более трети не было продано...

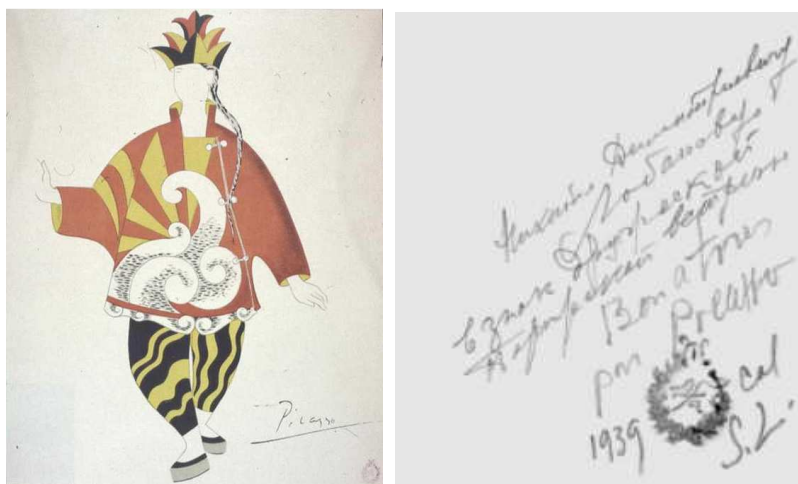
Помню, я сильно был впечатлён лекцией, которую Лифарь прочёл перед продажей своей коллекции на Sotheby's, в течение которой он демонстрировал танцевальные рас. В те годы он ещё оставался пластичным и с лёгкостью крутил пируэты. Я был потрясён, что человек в его возрасте способен подобное проделывать. В феврале 1986 года Лифарь официально передал «Собрание театральных костюмов и декораций и архивные материалы» городу Лозанна. Нет сомнения, Лифарь был абсолютно равнодушен к деньгам. Серж делился всем, что зарабатывал, с теми, кто в этом нуждался, или тратил деньги на пополнение коллекции, унаследованной от Дягилева.

О.К.: *По Вашему мнению, что помешало Лифарю продать коллекцию во второй раз, в 79-м году в Монте-Карло?*

Н.Л-Р.: Я думаю, Лифарь сделал ошибку, не продав тогда коллекцию. Если бы сделка состоялась, в Монте-Карло существовал бы музей его имени. Уже было определено здание слева от Café de Paris, где всё могло быть выставлено. Главное, что все обстоятельства складывались к лучшему: и принцесса Грейс, и мой друг Бернар Комбемаль, и князь Полиньяк, председатель совета директоров Société des bains de mer de Monaco, были за это. Лифарю нужно было подождать год и иметь дело с людьми уверенными и надёжными, с которыми все собрание могло быть сохранено в одном месте.

Я часто с ним встречался, старался его уговорить. Как банкир я понимал, что это серьёзное предложение. Он ничем не рисковал. Но у него была идея фикс. Ему нужны были деньги – и как

Пабло Пикассо. Китайский фокусник, балет «Парад», 1917 г., литография. Дарственная подпись и печать Лифаря на обороте: «Никите Дмитриевичу Лобанову в знак дружеской парижской встречи». А также и надпись П. Пикассо «Bon à tirer, 1939 год».

можно быстрее. Он хотел основать в Швейцарии свой музей. Я уверен, что он отказался продать собрание под давлением Лиллан. Потому что когда я с ним разговаривал, он был очень разумным, и предложение покупки в рассрочку его устраивало. Она, в общем-то, была более заинтересована в деньгах, чем Лифарь.

О.К.: Почему Вы не продолжили общение с графиней Алефельд после смерти Лифаря? Хотелось бы узнать Ваше мнение о ней?

ней?

Н.Л-Р: Я почувствовал, что она ревниво отнеслась к тому, что я написал статью о Лифаре. Через друзей она укоряла меня в неточности. В опровержение я процитировал ей данные, опубликованные в американской газете New York Herald Tribune, выходящей в Париже, где эти данные были указаны. Очень часто вдовы становятся воинственными хранителями наследия и претендуют быть единственным правомерным источником по всем вопросам о великом муже, и любые сторонние выступления вызывают ревность.

Мнение о ней у меня явно субъективное, потому что она старалась умерить доброту и щедрость Лифаря. Он собирался ещё что-то мне подарить. И то, что он презентовал мне Пикассо с дедикасом, ей было не по душе. Она явно была недовольна. Всё-таки это стоило больших денег, тогда 5-10 тыс. долларов. Это был щедрый и спонтанный подарок. Я думаю, что графиня хотела обналечить всё, что сохранилось. В отличие от вдовы Ивана Пуни, которая многое сделала, чтобы увековечить память художника-мужа, графиня Алефельд из-за своей привязанности к деньгам упускала некоторые тактические моменты.

Отношения к деньгам у людей совершенно разные... Как я уже говорил, жили они в замечательной квартире на Кэ д'Орсе на берегу Сены. Квартира – элегантная, но в каком-то беспорядке, в отличие от квартиры Николая Бенуа в Милане, где всё было красиво, изящно, уютно, а интерьеры выполнены в стиле итальянского барокко. Но Лиллан явно подходила Лифарю, потому что тридцать лет прожить с одним человеком – это много! Будучи невероятно обаятельным, он имел большой выбор. С ним было очень интересно беседовать, как, например, я с удовольствием общаюсь с Владимиром Васильевым. Он говорит на хорошем русском языке, многим интересуется. Мы давно знаем друг друга и можем сказать: «А помнишь, сорок лет назад...»

О.К.: В марте 2012 аукционный дом Женевы продал оставшееся собрание Лифаря более чем за 6 миллионов евро... И наследие Дягилева, которое он собирал для будущих поколений. А затем наследие Лифаря «расползлось» по частным коллекциям по всему миру...

Н.Л-Р: Да, 13-го марта 2012 г. в Лозанне состоялся последний аукцион собрания Лифаря. Предполагаю, это был именно тот материал, который предназначался для музея Лифаря в Лозанне, по неизвестным мне причинам не выжившего и закрытого городом. На аукционе продавались 500 эскизов и рукописей, 3000 фотографий, запечатлевших карьеру Лифаря и его путешествия по свету: Венеция, Нью-Йорк, Австралия, Южная Америка, Бали. Я сожалею, что не мог присутствовать на аукционе, потому что на нём была представлена редкая вещь, важная для коллекционера, – эскиз Мстислава Добужинского для дягилевской антрепризы к балету «Бабочки». Все эскизы к этому спектаклю как-то разошлись. Это был второй раз за 60 лет, когда

О.А. Карнович берет интервью у
кн. Н.Д. Лобанова-Ростовского, ноябрь 2013 г.
Н.Д. Лобанов-Ростовский и Нина Ивановна
Вырубова, «Резиденс-Босолей», Париж,
октябрь, 1994.

эскиз Добужинского выставлялся на аукционе. Художник оформил только две постановки для «Русских сезонов».

Я не знаю, почему музей Лифаря в Женеве закрылся. Желание Сергея иметь музей своего имени так и не исполнилось. Но музей существовал! Что произошло? Будь графиня Алефельд-Лаурвиг жива, она бы этого не допустила². Как коллекционеру, мне страшно обидно за Лифаря; из его огромного наследия ничего не сохранилось и всё рассыпалось. Я посетил музей в первый год его существования и радовался, что город предоставил для него место. Пусть распад коллекции будет на совести тех, кто занимается фондом Лифаря.

О.К.: *Лифарь, вслед за Дягилевым, был страстным собирателем пушкинских реликвий: портретов, книг, автографов, писем. Каким образом письмо поэта к Наталье Гончаровой, принадлежавшее Лифарю, оказалось в России?*

Н.Л-Р: Лифарь мечтал поставить хотя бы один из своих балетов на сцене Большого театра. Я помню, как он предложил передать в СССР письмо Пушкина на условии, что ему разрешат осуществить постановку. Гонорара он даже не ожидал. И я помню, как ему было страшно обидно, как сильно Лифарь переживал, получив отказ. Он обвинял Советскую власть в том, что она не допустила в театр ни Мориса Бежара, ни его самого, ни любого другого иностранного хореографа.

После смерти Сержа многое из коллекции перешло по наследству к графине Алефельд, в том числе и письма. Она «отомстила», продав письмо Советскому Союзу через аукцион Sotheby's за 1 миллион долларов. Сделка состоялась таким образом, что все остались довольны. В России нет зарубежных аукционных домов (только их представительства) из-за того, что когда вы ввозите произведения искусства на продажу, то Россия накладывает налог на ввоз и вывоз картин. И до тех пор, пока в России существует такой порядок, будет царить монополия местных аукционных домов. Даже после того, как Sotheby's устроили свой первый и последний аукцион в России 7 июля 1988 года, это положение не изменилось, и вопрос до сих пор остаётся нерешённым. Чтобы аукцион был удачным, нужно иметь и иностранных покупателей. Для этой цели Альфред Таубман, главный акционер и председатель совета директоров Sotheby's, заполнил свой самолёт потенциальными американскими покупателями и привёз их в Москву. По сути, уже была договорённость, что пушкинское письмо будет продано России. Это был взаимовыгодный обмен. Торги велись в иностранной валюте. Продавались работы русских художников, но иностранные покупатели не платили налог; они платили Sotheby's, а аукцион расплачивался с Министерством культуры. Таким образом, для покупки письма Пушкина Министерством культуры СССР было выручено 1 миллион долларов с налога на прибыль от продаж. Налоговые отчисления пошли на оплату письма Пушкина. И Sotheby's не потерял на этом ни единой копейки, и пушкинские реликвии достались России фактически бесплатно! Вот как всё обстояло. Но второго подобного действия не произошло. Так и не удалось провести закон, позволивший в России проводить международные аукционы, которые не облагались бы налогами на ввоз продаваемой живописи в добавок к налогу на стоимость купленной картины при вывозе из России. Правда, с помощью ходатайств Петра Авена налог на ввоз картин для личного пользования был убран. Сейчас вы можете ввозить в Россию любую живопись без налога и вешать у себя дома.

О.К.: *С кем из ведущих балерин, с которыми танцевал Лифарь, Вам приходилось общаться?*

Н.Л-Р: Лично только с Ниной Вырубовой, она наша родственница. Но общение было нелёгкое, потому что она незаконный ребёнок брата моего деда, который, будучи военным в Крыму, сошёлся с её матерью вне брака. Он погиб во время Гражданской войны. Мой дед считал, что это социально неприемлемо. Несмотря на то, что она была звездой мирового балета, одной из выдающихся россиянок во Франции, у себя в доме он её не принимал. Как и его сын Николай.

Когда мы приехали из Болгарии в 1953 году, мать, вопреки воле моего деда, пошла к Нине. Моя мама была очень добрым, верующим и душевным человеком. Несмотря на её религиозное мировоззрение и тот факт, что Нина была незаконнорожденная, это не было барьером для общения. Мы встречались на стороне. Нина жила с аргентинцем, что меня всегда удивляло, потому что уровень культуры у них был разный. Но, наверное, в быту, в условиях дома, им было приятно. Серж Лифарь и Нина Вырубова были гигантами французского балета.

Существует анекдот про Лифаря. Однажды Лифарь, забыв театральный пропуск, не мог пройти в Парижскую Оперу мимо новобранца-жандарма, который исправно нёс свою службу. На слова: «Я директор театра, Серж Лифарь», жандарм ответил: «Не знаком» (Connais pas)! Лифарь отошёл, разбежался и элегантно перепрыгнул через чугунную ограду Palais Garnier. На что жандарм воскликнул: «Теперь я знаю, кто такой Серж Лифарь» (Maintenant, je sais qui est Serge Lifar)!

Лондон

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1992 году Александр Шувалов описал всё это собрание, включая и работы, которые кн. Н.Д. Лобанов-Ростовский подарил музею. См.: Alexander Schouvaloff. *The Art of the Ballets Russes*. – Yale University Press. 1998. 352 pp.

2. Л. Алефельд-Лаурвиг скончалась 27 августа 2008 г.

Православие

Мария Титенич

ПУТЬ К СВЯТИЛИЩУ ИСТИНЫ (МЫСЛИ И ОЩУЩЕНИЯ ПОСЛЕ ПРОСМОТРА ГОЛЛИВУДСКОГО ФИЛЬМА «КОД ДА ВИНЧИ»)

Мария Ивановна Титенич родилась в 1965 году в г. Львове. Закончила факультет журналистики Львовского государственного университета им. Ивана Франко, Высшие режиссёрские курсы в Москве и Киевское училище культуры (факультет хорового дирижирования). Более 15 лет работала режиссёром Львовской государственной студии телевидения, являясь одновременно автором своих телевизионных работ («Высокий Замок надежд», «Манускрипт», «Голгофа», «Гряди в моей Украине!», «Лемковские перепевы», «Атака» и др.). Член Союза журналистов Украины.

С большим интересом прочитав во втором номере журнала интервью главного редактора Л.В. Довыденко с князем Н.Д. Лобановым-Ростовским, отметила для себя главную мысль о том, что феномен России – это уникальная цивилизация. И ей вовсе не следует копировать и внедрять опыт западных стран, стремящихся к глобализации, где устраняются все базовые идентичности. Так возникло желание поддержать и развить эту тему своей статьёй.

«В поисках истины, пробиваясь к её святилищу, мысль человека всегда пробирается через страшные пропасти... до тех пор, пока её не подчинит себе двуединая проблема: проблема Бога и человека, по своей сути, всепроблема, от решения которой зависит судьба человека...

(Преподобный Иустин Попович. Философские пропасти. М., 2005, стр. 13).

I. «Всё дело в нашей вере». Бог или человек?

Тайные общества, зашифрованные анаграммы, закодированные криптексы... Чего ради создаются эти головоломки, нагнетается таинственность и загадочность, проливается кровь на протяжении столетий? Какую такую страшную тайну охраняет «Приорат Сиона» во главе с Великим Магистром?

Речь идёт об источнике священной власти Церкви Христовой на земле, о поиске этого источника вне Церкви из другого оккультного эзотерического начала, о «краеугольном камне» этого таинственного начала.

«Все дело в нашей вере», - говорит героиня фильма Софи.

Попробуем разобраться в том, какую же веру проповедуют авторы и создатели фильма, чем она отличается от веры православных христиан в «Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь».

Великая тайна Священного Грааля - источника многовековой борьбы за обладание, Крестовых походов и бесчисленных кровопролитий открывается в фильме легко и просто.

Грааль - не священная чаша, а человек, женщина!

Согласно авторскому замыслу, постичь, разгадать и открыть людям эту тайну суждено некоему профессору-культурологу, автору книги «Символы священного женского начала». Что ж, мысль не нова.

Тысячелетия назад существовала своя корневая система знаний - Авестийская традиция. Это материнская система многих религии и астрологических школ. Выходит она, как утверждают астрологи, из затонувшего континента Арктида, погибшего в Северном Ледовитом океане. Поздним преемником Авестийской традиции стал зороастризм.

Эта традиция гласит, что через женщину в тантрическом⁵ акте мужчина обожествляется, соединяясь с Абсолютом. Здесь любовь двоих, нашедших друг друга во Вселенной, подобна цветку Божественного лотоса: раскрывшись, он приносит плоды. В нём заключена животворящая сила, божественное, сверхчеловеческое начало, источник особой сакральной энергии. Раскрытие – это итог воплощения, итог эволюции, реализация человеческой сущности.

Тантрист проходит множество испытаний, какие только возможны в Поднебесной: тяготы, лишения, удары и потери, полное разотождествление со своей личностью. И лишь пройдя всё, он находит «свою» половину, готовит её на всех уровнях сознания. Происходит тантрический акт: он развоплощается, а она становится неуязвимой сущностью, астральным воином, хранительницей Космического огня.

Всё бы ничего, если бы этот древний, мистический, красиво завуалированный оккультизм не коснулся святого имени Господа нашего Иисуса Христа и Его Церкви.

Долго выработывался христорборческой европейской культурой и цивилизацией тип европейского человека, пока не заменил Богочеловека Христа своей философией и наукой, своей этикой и политикой. Европа использовала Христа «лишь как мост из варварства бескультурного в варварство культурное, то есть из варварства безыскусного в варварство искусное»⁶.

Рассмотрим подробнее один из ключевых эпизодов фильма.

На экране – знаменитая работа Леонардо да Винчи «Тайная вечеря». Авторы утверждают, что гениальный мастер эпохи Ренессанса был ещё и Великим Магистром «Приората Сиона», то есть посвящённым во все тайны этого ордена.

Одна из них раскрывается перед зрителем в образе человека, сидящего по правую руку от Христа под определённым уклоном. Между ними образуется выразительный треугольник, расположенный острием вниз, что символизирует чашу. Если обе фигуры поменять местами, то получится, что человек, известный под именем Иоанна Богослова, сидит вплотную к Иисусу Христу, мягко склонив на его плечо свою голову с прекрасными золотистыми волосами. Складки свободного хитона искусно скрывают округлые формы тела. Авторы утверждают, что Леонардо да Винчи изобразил здесь не ученика Христа, юного Иоанна Богослова, а Марию Магдалину, его любимую женщину, которая в то время была беременна и вскоре родила девочку Сарру. Ей-то, своей жене, женщине, и поручил Христос якобы попечение и руководство своей Церковью, а не Петру.

Какую же мысль пытаются нам здесь внушить авторы этого великолепного, блестящего по форме воплощения и дорогостоящего проекта? Лишь одну, не новую: о том, что Иисус Христос вовсе не предвечный Бог Слово, Спаситель Мира, одна из ипостасей Пресвятой Троицы, а просто выдающийся человек, служивший вдохновением для других людей. Не «Сын Божий, принявший на себя плоть человеческую, кроме греха, и соделавшийся человеком, не переставая быть Богом, а простой смертный с присущими каждому человеку пристрастиями»⁷.

«Надо освободиться от Бога – вот явное или тайное желание многих творцов европейской культуры. Они пытались и пытаются осуществить это через гуманизм и Ренессанс, через натурализм Руссо и растрёпанный романтизм, через позитивизм и агностицизм, через рационализм и волюнтаризм, через парламентаризм и революционаризм. А более смелые из них выдвинули лозунг: надо убить Бога! Наконец, и самый последовательный творец и искуснейший исповедник европейской культуры Ницше с высоты пирамиды человекомании и эгоизма объявил: «Бог умер!»

«Почему либо человек, либо Бог? Я верю в человека, в его доброту», – говорит героиня фильма Софи, принцесса Софи, якобы прямая наследница Иисуса Христа и Марии Магdalины, двух древних царственных родов Давида и Мерovingов, живая тайна, воплощённый Грааль.

---

⁵ *Тантра* – духовная практика, предполагающая последующее развоплощение (освобождение от Кармы). Связана с половой энергией.

⁶ *Епископ Николай (Велимирович). Речи о человеке. Белград, 1920; с. 334*

⁷ *Преподобный Иустин (Попович). Философские пропасти. М., 2005, с. 201-202*

Желанный итог стольких усилий и поисков - гробница Марии Магдалины - очень красивый, эмоционально выразительный, динамичный кадр ставит, наконец, смысловую точку.

Вот то основание, та вера гуманистической западноевропейской культуры и цивилизации, которая в перспективе может привести лишь к одному – к смерти. Это трагическое откровение и сами европейцы проводят красной нитью в таких своих известных книгах, как «Закат Европы» Освальда Шпенглера и «Пора умирать» Кшиштофа Занусси.

Не потому ли, выходя из кинотеатра после просмотра столь роскошного в постановочном плане, изобилующего великолепием визуальных и звуковых образных решений фильма, ощущаешь в душе лишь холод, пустоту, мрачное чувство тревоги, настороженности и отторжения. А ещё подспудную, глубоко из сердца идущую жалость и сочувствие к людям, не познавшим пока пасхальной радости встречи с воскресшим Господом и Спасителем нашим Иисусом Христом.

II. Водораздел человеческой истории. «Солнечный свет, лежащий на земле»

Вся многовековая история человечества доказывает и утверждает одно: человеку невозможно победить смерть. Но то, что невозможно человеку, оказалось возможным для Богочеловека.

Не только в Евангелии, но и в истории рода человеческого нет события, которое бы было засвидетельствовано так сильно, так неопровержимо, как воскресение Христово. Только в свете воскресения Христова становится абсолютно ясным и образ Христов и Его дело. Если бы не было воскресения Христова, не было бы и христианства. Христос был бы первым и последним христианином, умершим на кресте, а с ним умерло бы и Его дело и Его учение.

«Какая ревность, - спрашивает Св. Иоанн Златоуст, - побуждала Апостолов проповедовать мертвеца? Какой награды они ожидали от мертвеца? Какой почести? Ведь они от него и от живого разбежались, когда он был схвачен. А после смерти разве бы они могли быть столь смелыми ради Него, если бы Он не воскрес?.. На что бы они могли при этом надеяться? На силу своего слова? Но они были людьми совершенно неучёными... На обещания Учителя? Но на какие? Если он не воскрес, тогда и остальные обещания Его не были бы для них достойными веры...»⁸

Факт воскресения Христова - это водораздел человеческой истории, из которого родилась философия воскресения, неопровержимо показывающая и доказывающая, что необходимость - это не победа смерти, а победа над смертью, воскресение, бессмертие.

Факт воскресения Христова - это основа Церкви как мистического Тела Спасителя во всей своей полноте, неопределённости границ, динамичности. От человека же требуется только одно: усвоить этот факт, пережить его, соединяя верою свою душу с воскресшим Богочеловеком в благодатном и спасительном таинстве Евхаристии. Все верующие «собираются» (1 Кор. 11,1) вокруг евхаристического хлеба и евхаристической чаши, чтобы до скончания века сего свидетельствовать и возвещать спасение Божие в смерти и воскресении Христа.

Основу нашей православной веры составляет убеждение, что «начало и корни Церкви находятся в лоне Троичного Бога и в Его вечном Совете о спасении человека. Постоянное существование Церкви как истории спасения от самого начала её бытия на различных стадиях вплоть до воплощения Господа нашего Иисуса Христа и после Него свидетельствует о кафоличности спасения».

В православном изображении воскресения Христова на иконе Сошествия во ад Господа мы весьма наглядно имеем эту кафоличность спасения. Иисус Христос держит за руку Адама и Еву и Своим воскресением совоскрещает весь род человеческий.

Именно через Церковь, как явление любви Спасителя к погибающему миру, Христос продолжает путь спасения и завершает ту цель, с которой он воспринял человеческую природу.

Вернёмся к фильму, двум его якобы противоборствующим драматургическим коллизиям. С одной стороны, представители оккультного масонского «Приората Сиона», претендующие на истинное и тайное знание об источнике власти Божьей на земле. С другой, наёмный убийца в

⁸ Полное собрание творений Св. Иоанна Златоуста в 12 томах. Т. 7, кн. 2, М., 2001; с. 875

монашеском одеянии и иже с ним, не имеющие ничего общего с Церковью Христовой ни по духу, ни по роду деятельности. Здесь нет места представителям церкви и не может быть.

Веками на европейском Западе упорно сужали Богочеловека и, наконец, свели к человеку - к непогрешимому человеку в Риме. Богочеловек вытеснен на небо, а на освобождённое место на земле поставлен «Его заместитель и наместник», Vicarius Christi. Какая трагическая нелепость - вездесущему Богу и Господу назначать заместителя и наместника. Унифицировав христианство с гуманизмом, сегодня уже кое-где помышляют о том, чтобы гуманистическое христианство заменить древней языческой религией. А из глубины веков звенит терпкое слово пророка Божьего Иеремии: «Проклят человек, иже надеется на человека!» (17,5).

Человеческий ад начинается ещё на земле, ведь ад - это не что иное, как жизнь без Слова, без Смысла, без Логике. Но и рай для человека начинается ещё здесь, на земле, если человек живёт Божественным Словом - Богочеловеком Христом. Не сообразование и приспособление Богочеловека Христа к духу времени, а сообразование и приспособление духа времени к Христовой вечности, Христовой Богочеловечности - это и есть единственная истинная миссия Церкви Христовой в мире, церкви апостольской и православной.

Христоносные апостолы дали раз и навсегда формулу богочеловеческой церковности: «изволися бо Святому Духу и нам» (Деян. 15, 28). Сначала Дух Святой, потом мы - в той мере, в какой мы допускаем Духу Святому действовать через нас. Никакими диспутами, ни спорами, ни грубыми обличениями нельзя показать ту обличительную силу Духа Божьего, который живёт в Православии. «Православие есть страшный огонь, как Святые Тайны. Принимающих полноту Православия этот огонь либо преобразит, либо сожжёт. Православие создало дух русского народа, но оно же и сожгло русский народ. Неправда, что русский народ сожжён большевизмом; он сожжён Православием, он сделался недостойным причастником Святыни полноты веры, и эта Святыня опалила его. Здесь закон Божьего Духа, закон Церкви». В этой богочеловеческой апостольской формуле содержится весь метод деятельности Церкви в мире. Этот метод усвоили мученики и исповедники, святые Отцы и Вселенские Соборы. Отступившись от него, отступаешь от Духа Святого, от единства, святости и соборности богочеловеческой веры Христовой.

Масонство и является по своей сути таким своеобразным преломлением духовности, поисками её вне Церкви, нецерковной мистикой, подменившей собой истинную религиозность. «Масоны хотели построить внутренний эзотерический храм. Таким внутренним духовным храмом (лжецерковью) стал для них свой круг посвящённых, свой орден».⁹

Всеединство богочеловеческой Истины присуще лишь соборному сознанию Православной Церкви благодатным действием в ней Духа Святого. «Кафолическая Церковь не может погрешать или заблуждаться и изрекать ложь вместо истины, ибо Дух Святой, всегда действующий через вернослужащих Отцов и учителей церкви предохраняет её от всякого заблуждения».¹⁰

Очень не хотелось бы походить на тех православных, которые по-сектантски защищают своё Православие, орудуя текстами Писания или канонами без любви к человеку и искренней молитвы к Богу о просвещении, свете Истины. Православие - это отнюдь не привилегия, не гордость и не повод к осуждению других, а, наоборот, смирение, исповедание полноты Истины, как правды, так и любви. «Православие должно побеждать отнюдь не пушкой - стальной или словесной, а только сиянием своим, как Сам Господь... Православие - солнечный свет, лежащий на земле...»¹¹

«Целуйте стопы вере Православной», - говорил блаженной памяти старец Николай (Гурьянов).

III. Великая тайна строительства Церкви.

Сияние безвинного страдания

⁹ Блаженнейший митрополит Владимир (Сабодан). *Экклезиология в отечественном богословии*. К., 1997, с. 122

¹⁰ *Догматические послания православных иерархов XVII-XIX вв. о православной вере*. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1995; с. 164-165

¹¹ *Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской)*. *Апокалипсис мелкого греха*. М., 2003, с. 288

«Доселе дойдёшь и не перейдёшь...» Это старозаветное изречение звучит в фильме несколько раз, но в каком контексте? Лишь высокоумия и гордыни по поводу якобы присущего только избранным сокровенного тайного знания об «истинном Предании Церкви».

В сущности же, здесь Откровение Божие говорит, что всё это - «пределы», которые мы видим, как, например, предел воды в стакане, предел комнаты в четырёх стенах, предел моря в ограждении скалами и песками. Все эти бесчисленные пределы, которые мы видим вокруг себя, условные символы, - всё это обучение нашего духа тому, что душа наша должна знать и осознавать свои духовные пределы. И вовсе неестественно, когда человек, принимающий всю закономерность этих пределов в своей физической жизни, совершенно не понимает этой закономерности, не имеет смирения метафизического в своей духовной жизни. «А только при этом условии великого метафизического смирения человек может постичь все тайны, которые открывает Отец Небесный Своему покорному Сыну. Здесь - Откровение. Это основа познания всех тайн, впереди которых идёт тайна страдания».¹²

Господь показывает старозаветному Иову величие и могущество мироздания и полное ничтожество его, как человека, вне Бога. Если всё, что происходит в мире, что попускается Промыслом, должно служить к метафизическому смирению человека (добывание себе хлеба насущного, зависимость от всего окружающего, еженощное сонное изнеможение, младенчество, старость, болезни и сама смерть), то страдание есть следствие этого Промысла.

Господь открывает Иову в образах тайну существования в мироздании злой воли падших духов, действующей в «сынах противления»; и воли высшего из падших духов, сатаны, в образе Левиафана, духа, свободно падшего и свободно коснеющего в своей тьме. «Эта тьма не существует, как что-то противоположное свету, но заключается лишь в воле противления Богу, в нелюбви свободного творения. Ибо свободное творение не может быть вынуждено к любви. Зла нет как чего-то противоположного Богу. Зло заключено в свободной воле как воплощённого, так и невоплощённого духа. Потому зло бывает для людей, кажется им в их земном масштабе силой, не только противостоящей Добру, но и побеждающей Добро. Но это только так кажется тем, кто не воспарил к небу...

Как только душа Иова услышала голос Бога Отца и поняла, что это Отец, она сразу до конца смирилась. И в смирении своём начала познавать подлинную тайну страданий, тайну, которую и каждый из нас может узнать, если станет на этот путь смирения Иова. Смирения, которое даёт страданию переплавлять дух человеческий, загрязнённый в первозданном падении человечества. Иов познаёт полное ничтожество зла, Левиафана перед Богом.

И говорит Отцу Небесному: «Я слышал о Тебе слухом уха: теперь же мои глаза видят Тебя; поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь в прахе и пепле...»

Страдая за рабов Своих, страдает в сынах, распространяет пределы Своего страждущего Богочеловеческого Тела на тела всех сынов Своих и страдания Богочеловеческой души Своей на их души. Так рождается новый мир. Это великая тайна строительства Церкви, нового мира на крови Агнца и Агнцев...

Нет на земле высшей красоты, чем страдания правды, нет большего сияния, чем сияние безвинного страдания.

Но не для всех одинаково раскрывается в мире эта тайна. Ибо она не может быть ни понята, ни принята во всём её благословении вне чистых путей усыновления Богу, вне великой к Богу любви...»¹³

Р. S. На Святой горе Афон, услышав хулу на Духа Святого, благословляют дать пощёчину тому, кто её возводит; «Брат, освяти свою руку!» Так же сделал и Святитель Николай в своё время и был оправдан Вселенским Собором.

Как вести себя современному христианину в похожей ситуации – это дело совести, очень личный вопрос, от решения которого зависит судьба человека и в этой жизни и в вечности.

¹² Там же, с. 274-276

¹³ Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). *Апокалипсис мелкого греха*, М., 2003, с. 277-280

Роман Дэна Брауна «Код да Винчи» и его экранизация Ронном Ховардом, претендующие на достоверность каких-то фактов, документов и событий, стали оскорблением самых святых чувств верующего сердца. Это хула на Духа Святого, непрекращающаяся и поныне Великая Пятница для Господа нашего Иисуса Христа.

Красной нитью подспудно, вторым планом авторы фильма пытаются протащить мысль о том, что якобы не все иудейские царские роды были истреблены в первом веке, как это доказывают исторические исследования. Оказывается, есть прямые наследники по крови Иисуса Христа и Марии Магдалины – двух древних царственных родов Давида и Меровингов, – из поколения в поколение тщательно скрываемые посвященными в эту тайну и оберегаемые до времени. Не до того ли времени, когда миру будет явлен их ожидаемый «мессия», сын погибели Антихрист?!

К каким только ухищрениям не приходится прибегать посвященным членам « Приората Сиона», используя самые невероятные средства, с одной единственной целью: лишь бы отвести внимание, ум и сердце человека от спасительной Чаши - таинства Евхаристии, в котором Господь и Спас наш Иисус Христос посредством верных пастырей Своей Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви ежедневно призывает: «Приидите, ядите, сие есть тело Мое. Пейте от нея вси, сия есть кровь Моя Нового Завета, яже за ны и за многия изливаемая во оставление грехов.. »

Блаженнейший митрополит Киевский и всея Украины Владимир (Сабодан) в вышеуказанном своём труде по экклезиологии утверждает, что наибольшее увечье человеческого духа есть нежелание прозреть, нежелание видеть свою поврежденность, испорченность.

Тайна видения Бога, видения окружающего мира, видения человека - это есть дело сердца, вернее, чистого сердца: «Блажени чистые сердцем, яко тии Бога узрят» - говорит Спаситель

Критика

Вячеслав Лютый

СВОЕОБРАЗИЕ РУССКОЙ ВОЛИ И ДОЛГОТЕРПЕНИЯ

(Книга Александра Потёмкина «Русский пациент»)

Русские люди в отчаянии часто становятся совершенно пассивными и надеются исключительно на чудо. К сожалению, человек поздно начинает понимать, что сам способен дать отпор обидчику.

Новая книга Александра Потёмкина «Русский пациент» во многом развивает гротескные сцены его предыдущего романа «Кабала», посвящённые саркастическому изображению «русского характера». Однако теперь этничность, вынесенная в название книги, подаётся как нечто болезненное, отклоняющееся от «общечеловеческой» нормы. По существу, читатель может ознакомиться с «русским недомоганием», которое одни могут преодолеть, а другие должны воспринимать как заведомые очертания гроба, уготованного им самой судьбой. Практически нигде в тексте авторская позиция не обозначена прямо, но фрагментарно присутствует в речах и поведении персонажей, отмеченных тем или иным духовным уродством. Собственно, таков стиль повествования, когда лирическое начало поглощается сатирическим, а это второе не знает ни удержу, ни пределов.

Вот вкратце сюжет книги.

Магнат Андрей Пузырьков одержим идеей покупки казённых людей, которые, оперируя своими должностными возможностями, позволят ему преумножить несправедливо нажитое богатство. Олигарх хочет утвердить угар потребительской страсти в качестве главного смысла существования социума и человека. Брат-близнец финансового демона Антон Пузырьков кажется его антиподом. Он увлечён идеей страдания, ему нравится быть «униженным и оскорбленным». В конечном счёте, не найдя смысла в жизни, он обнаруживает оный в смерти и заканчивает земной путь посредством расчленения собственного тела электропилой.

Доктор-психиатр Наум Райский в платной клинике ведёт приём пациентов, одним из которых – в начале и финале романа – оказывается и упомянутый нравственный горемыка. Больные разумом представлены галереей типажей. Среди них – и покойники, поздним вечером, в среду, посещающие целителя в сумрачной надежде обрести за гробом душевное равновесие (аллюзия на известный рассказ Ф.М. Достоевского «Бобок»).

Вполне живописны сотрудники олигарха Пузырькова, продажные чиновники, светская «чернь», представители среднего класса, а также бандиты, проститутки, «полицейские-менты», мигранты-азиаты с рынка, вдумчивый артист и пройдоха-грек, мечтающий о гигантском смерче, который сорвёт крышу с главного хранилища Центробанка и в изобилии перенесёт купюры под Сочи, прямо в отцовский сад.

Практически все персонажи книги обозначены автором как «русские». Многие национальные черты, иронически препарированные в зависимости от сюжетной ситуации, выглядят как неустранимые изъяны общества, ведущие его в духовное небытие. Впрочем, вопросы духа рассматриваются здесь как повод для логических построений, которые отсылают читателя к тому или иному образу отечественной литературы, но, будучи оторваны от множества нюансов и деталей первоисточника, пронизаны абсурдом. Собственно, абсурдна вся книга – и в этом её воинственный смысл и значение.

Может возникнуть закономерный вопрос: кому же адресован роман? В первую очередь тем, кто никак не ассоциирует себя с безнадёжным «русским пациентом». Это «офисный планктон», финансовые «воротилы», этнически иные московские читатели, журналисты, приученные к непреодолимому цинизму современной жизни – те, кто стремится жить по-

европейски в российских условиях и полной мерой черпает все выгоды от такого межеумочного существования. Для них обобщённый до эмблемы «русский дурак и подлец» – помеха на пути мировой прогресс. Комментировать такую позицию – только повторять уже много раз сказанное.

Однако есть и другой потенциальный читатель или, скорее, духовный оппонент, который в состоянии задать автору жёсткие вопросы. Вот только станет ли он перелистывать страницы книги? Хотя ознакомиться с «Русским пациентом» стоит обязательно.

Книга в провокационной форме представляет исторические черты русского народа, высмеивает их, однако делает это на материале действительности. И вот тут необходимо задуматься о нынешнем состоянии души русского человека, о тех её сторонах, добрых и нравственно тонких, которые остались за пределами фантазмагорической истории, которую автор вынес на суд читателей и ушёл в тень созданных им героев. И о тех чертах характера и поведенческих, которые постоянно на виду, знакомы всякому простому человеку – русскому, татарину etc.

Русский человек сегодня болен. Об этом говорит статистика брошенных детей, убийств родственников, расхищенных земель и недр, разрушение системы высшего образования, армии, космической отрасли. Во всех этих бедах есть след русской руки, которая «участвует в делах тьмы».

В книге Александра Потёмкина деструкция социальной среды, в центре которой как будто стоит русский человек, чрезвычайно наглядна. Сотрудницы олигарха Мазурина и Русакова конструируют грандиозный план переустройства нынешнего человека в потребительскую обезьяну. Всё низкое берётся на вооружение, всё высокое подвергается осмеянию. Ещё один вариант плана Даллеса в отношении России.

Однако попутно прежняя духовная высота уничтожается характеристиками, в изобилии рассыпанными по страницам книги: «этот поганый русский мир», «порочность русского человека», «бездарный этнос» и пр. Они срываются с губ самых разных персонажей, по преимуществу клиентов доктора Райского. Но параллельно они словно бы подтверждают тезис магната-демона о необходимости начать «атаку на сознание человека переходного периода, на его разум, застрявший между старыми постулатами о морали и нравственности и новыми, ещё неокрепшими вызовами свободы предложений и потребления услуг и соблазнов... Нужно вылепить людей, легко сбивающихся в массу, иначе мы не пополним нашу кассу».

Пузырьков-олигарх, по словам брата-близнеца, «изгнал из себя русскость». Собственно, все те фигуры, что предстают перед читателем как образы неудовлетворённых жизнью кондовых «русачков», на самом-то деле – Иваны, не помнящие родства. Изображённый автором мир – не-этничен и не-культурен по-русски: просто взяты традиционные «одежды» и натянуты на совершенно другое тело или литературный «скелет». Таких скелетов в шкафу хватает в любой европейской культуре. И тогда появляются справедливые эмоциональные высказывания, подобные словам Р. Олдингтона: «Чудная, старая Англия! Да поразит тебя сифилис, старая сука!»

Заметим, к русскому народу автор относится вполне холодно, наблюдательно. В повествовании русская культура выглядит крайне запутанно с точки зрения рационализма, и в авторской интонации этот акцент очень силен. Разумеется, он не нов, однако агрессивно актуален. Притом очевидные национальные достижения в рассуждениях персонажей не упоминаются вовсе.

Скажем, на улице Тимофея Грановского, русского мыслителя XIX века, располагается офис Пузырькова. А на улице советской лётчицы Марины Расковой содержанка Алиса назначает встречу злодею Пузырькову. Контраст человеческих фигур – давних и нынешних – разителен, но только для того, кто не забыл отечественную историю двух прошедших столетий. А попутно демонстрируются житейские пороки и склонность начитанного русского человека к словесной эквилибристике.

Уже фамилия главного героя «Пузырьков» свидетельствует о крайне малом личностном содержании этого литературного героя: с одной стороны – указание на аптекарскую склянку, с другой – на надутый искусственно пузырь, который может лопнуть в любое мгновение, не оставив после себя практически ничего. И здесь перед нами явно художественная установка автора, заведомая узорность которой наглядна.

Преступность магната Пузырькова есть зеркальное отражение умственных исканий его брата, соединившего в себе сниженный образ князя Мышкина с тупиковым мышлением деревенского идиота – даром, что в начале книги он представлен как москвич. Называющий себя представителем русского этноса Антон Пузырьков – существо, погруженное в себя: «Мой мир самодостаточен, и в поисках чего-то вне себя не нуждается». Он не чувствителен ко всему, что

происходит вокруг, видит и слышит только собственный внутренний голос и упивается мазохизмом, который, очевидно, иллюстрирует известные слова Ф.М. Достоевского о русском страдании.

Вообще, все персонажи этого повествования призваны отобразить, главным образом, негативные стороны нашего национального характера. Нет ни одного героя, за которым стоял бы поступок, связанный с достоинством, бескорыстием, сердечной теплотой. В вагоне поезда путешествующий в поисках оскорблений и унижений Пузырьков заступается за интеллигентную проститутку Евгению Головину и её нынешнюю товарку перед бандитами, разумеется, с грубыми ярославскими физиономиями (о кавказцах, молдаванах, узбеках и иных «ближних инородцах», к которым «мы питаем вражду», по авторским словам, и речи нет). Но здесь невозможно разъединить благородный порыв и патологическую надежду быть жестоко избитым. Да ещё азиат, рубщик мяса на рынке, предложил Антону бесплатных костей на бульон: впрочем, он в авторской панораме местных лиц – не считается... «Всех пациентов доктора Райского объединяла чудовищная озлобленность на окружающий мир, ненависть ко всем, включая себя, и безграничное отчаяние, оказывающее страшное влияние на психику».

Надо сказать, что на приём к психиатру являются субъекты уязвимые, совсем не хозяева жизни – подобно многим чиновникам или сотрудникам олигарха. Последние по своим пристрастиям похожи на социальных животных, изначально сориентированных на максимальный комфорт существования. Других мотиваций у них нет. Разве что проверить на «купленных людях» личное прошлое, наполненное унижениями и стремлением выбиться в «большие люди» любой ценой.

Таковы прихоти любителя власти и денег Андрея Пузырькова, который, по сути, близок своему «кроткому» брату: «Я приучил себя наслаждаться оскорблениями, сознавая, что через аппаратные тернии пробьюсь к звёздам – получу доступ к ресурсам». Содержанку Алису он осыпает «зелёными» гонорарами за право «совратить морально» купленную женщину, склоняя её к новым и новым извращениям. Его цель – ещё раз убедиться, что «человек слаб, низок, малодушен и продажен», он пытается понять русскую «ментальность, изучая не особенности души, а своеобразие русской воли и секрет долготерпения».

Несомненно, Россия за последние двадцать лет чудовищно изменилась. Наблюдая её печальные приметы сегодня, важно не забывать о том, кто сделал обществу прививку наживы, разврата, жестокости и равнодушия. И помнить, что нынешнее государство стоит до тех пор, пока русский человек верен старым клятвам и памяти о предках.

Житейских заметок подобного рода более чем достаточно, но они оказались вне безжалостной книги Александра Потёмкина, художественно продолжающей взгляды маркиза А. де Кюстина. И в таком восприятии этот роман в картинках вызывает ненависть читателя, не желающего чувствовать себя «пациентом». Он негодует на автора, старается не походить на его персонажей, подсознательно стремится взломать фантастический мир произведения, поместив в него объёмные образы реальных людей. И понимает: очень многое зависит от него самого.

И в этом – своеобразие русской воли и долготерпения.

Наши друзья

Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»

«Сихотэ-Алинь» выходит во Владивостоке с 2003 года – сначала как альманах-ежегодник, теперь – два раза в год в качестве «толстого» литературно-художественного журнала. Издаётся на общественных началах на пожертвования мецената и средства, вырученные от продажи незначительной части тиража – в основном идёт на безвозмездное пополнение фондов публичных и школьных библиотек. Электронная версия публикуется на сайте омского писателя Николая Березовского. В составе редколлегии, общественного и попечительского советов – писатели, учёные, педагоги высшей школы из Владивостока, Лесозаводска, Арсеньева, из Москвы и Санкт-Петербурга, Омска, Пскова и Севастополя: Юрий Кабанков, Валерий Кулешов, Лидия Сычёва, Владимир Крупин, Валентин Курбатов, Василий Самотохин и др. Среди авторов «Сихотэ-Алиня» – современные писатели из России, Казахстана, Украины, Китая, Канады, Франции и других стран. Журнал печатает классические произведения русской литературы; прозу, поэзию, публицистику, критику начинающих авторов; лучшее, что выходит из-под пера дальневосточных литераторов, входящих в авторский актив издания – приморцев, хабаровчан, сахалинцев и пр.

«Сихотэ-Алинь» поддерживает творческие связи с периодическими изданиями: «Берега», «Огни Кузбасса», «Литературный меридиан». Выходит в свет в рамках некоммерческой издательской программы «Народная книга».

Директор программы – Эльвира Васильевна Кочеткова: haos216@mail.ru

Почтовый адрес: 690090, Владивосток, 90, а/я 138.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи должны быть сохранены документом Word (шрифт – Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

Главный редактор:
Лидия Довыденко
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru

Дизайн: ООО «Дизайн Бюро».
Вёрстка: Анна Степанова
Отпечатано в типографии ООО «Салон Цифровой Печати»
г. Калининград, ул. Космонавта Леонова, 77, тел. (4012) 915-111, www.915111.ru

Тираж: 500 экз.

Издание предназначено для лиц старше 12 лет.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

№4.

Май 2014